

Э д в а р д Г . Б р а у н

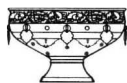
МУСУЛЬМАНСКАЯ МЕДИЦИНА

МУСУЛЬМАНСКАЯ МЕДИЦИНА

ЭДВАРД Г. БРАУН,
БАКАЛАВР МЕДИЦИНЫ,
ЧЛЕН КОРОЛЕВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА,
ПРОФЕССОР АРАБИСТИКИ КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИТЦПАТРИКОВСКИЕ ЛЕКЦИИ,
ПРОЧИТАННЫЕ В КОРОЛЕВСКОМ
МЕДИЦИНСКОМ КОЛЛЕДЖЕ В 1919-1920 ГГ.

Москва — Санкт-Петербург
«ДИЛЯ»

ББК 86.38

Б 87

Уважаемые читатели! Относитесь с почтением к этой книге, не используйте ее в недостойных целях и не храните в неподобающих местах, ибо в ней упоминается имя Создателя и аяты Священного Корана. За добро ваших сердец воздастся вам добром!

Генеральный директор издательства «ДИЛЯ» *И. С. Раимов*

Перевод Н. Терлецкого

Эдвард С Браун

Б 87 Мусульманская медицина. Фитцпатрикковские лекции, прочитанные в Королевском медицинском колледже в 1919- 1920 гг. — СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2009. — 160 с.

Серия: «Ислам: взгляд извне»

ISBN 978-5-88503-877-5

Мусульманская медицина внесла большой вклад в развитие мировой медицинской науки. Многие из древних знаний используются в настоящее время, некоторые из них представляют исторический интерес. Мусульмане использовали имевшееся на тот период медицинское наследие, развили теории лечения различных заболеваний, привнесли новое, дали новый сильный импульс дальнейшему развитию медицинской науки.

Автор книги, Эдвард Г. Браун, представляет результаты своей многолетней исследовательской работы. Приведенные в книге медицинские и исторические сведения будут интересны специалистам, медикам, историкам, религиоведам, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-88503-877-5

© «ДИЛЯ», 2009

© Оформление «Издательство «ДИЛЯ», 2009

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Уважаемые читатели, мы рады познакомить вас с книгой, содержащей уникальные сведения о развитии медицины в мире Ислама.

Мусульманская медицина внесла большой вклад в развитие мировой медицинской науки. Многие из древних знаний используются в настоящее время, некоторые из них представляют исторический интерес. Мусульмане использовали имевшееся на тот период медицинское наследие, развили теории лечения различных заболеваний, привнесли новое, дали новый сильный импульс дальнейшему развитию медицинской науки.

Знакомство с мусульманской народной медициной, врачебной практикой в эпоху Крестовых походов, занимательными историями об исцелении в арабской и персидской литературе расширит кругозор читателей, прольет свет на вопросы, которые ранее представлялись неясными. В частности, в книге содержатся сведения об использовании психотерапии в мусульманской медицине, описание мусульманских больниц. Показана роль, которую сыграли мусульманские, в особенности персидские, ученые и медики в деле сохранения и передачи медицинских знаний на протяжении десятков лет смутного времени, в период между упадком античной и началом развития современной науки. Раздел, посвященный мусульманской медицине, насыщен фактами и составлен стройно и логично, что позволяет представить общее содержание вопроса.

В последние годы роль вклада мусульманских целителей в общее развитие медицинской науки обретает все большее признание, мусульманская система медицины, наряду с античной и древней, привлекает все большее внимание и становится объектом скрупулезного исследования, стимулирует развитие научной мысли. Большое внимание автор уделяет знаменитому персидскому врачу и одновременно философу, поэту, деловому человеку —

Авиценне (Абу Али ибн Сине), в котором воплотилась арабская наука, достигнув высшей точки своего развития.

Автор книги, Эдвард Г. Браун, представляет результаты своей многолетней исследовательской работы. Приведенные в книге медицинские и исторические сведения будут интересны специалистам, медикам, историкам, религиоведам, а также широкому кругу читателей.

*Сэру Норманну Муру, баронету, доктору
медицины, президенту Королевского
медицинского колледжа, в знак восхищения
его научной эрудицией, в благодарность за
его вдохновляющее преподавание и в память
о трех плодотворных годах, проведенных
под его наставничеством в больнице Св.
Варфоломея, я посвящаю эту книгу.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние десять лет мне были пожалованы две общественные награды, доставившее мне огромную радость и удовлетворение, — мое избрание членом Королевского медицинского колледжа в 1911 г., и приветственное обращение ко мне по случаю моего сорок девятого дня рождения в феврале 1921 г. (сопровождавшееся вручением великолепных подарков, подписанных многими высокопоставленными лицами Ирана, которые таким образом выражали благодарность за то служение, которым, как они любезно выразились, я оказал услугу их языку и литературе.

Я надеюсь, что эта небольшая книга будет воспринята не как ответное обязательство с моей стороны, а как признательность за двойное доверие. При написании книги я искал возможности, с одной стороны, показать ту роль, которую сыграли мусульманские, в особенности персидские, ученые и медики в деле сохранения и передачи медицинских знаний на протяжении десятков лет смутного времени, в период между упадком античной и началом развития современной науки; с другой стороны, подтолкнуть любителей арабской и персидской литературы, в широком смысле слова, к мысли о том, что вплоть до настоящего времени они, возможно, позволяли поэтам и мастерам высокого слога занимать несоразмерно большую долю своего внимания, в ущерб научному *Weltanschauung* (мировоззрение. — Прим. пер.), которое на средневековом Востоке в

значительно большей степени, чем на современном Западе, формировало основу этих более легковесных, хотя в художественном плане и более изощренных произведений. Как я попытался показать на страницах этой книги, *Маснавй* — великая персидская поэма Джалал ад-Дйна Румй, несомненно будет гораздо лучше воспринята теми, кто хорошо знаком с медицинской литературой того периода.

Перед тем как приступить к подготовке Фитцпатриковских лекций, ныне представленных широкой аудитории, я обратился за советом к сэру Клиффорду Оллбатту (Sir Clifford Allbutt) — профессору королевской кафедры медицины Кембриджского университета — касательно наиболее авторитетных исследований по истории той науки, которую, как гласит предание, известное большинству мусульман, Пророк Мухаммад назвал связанной и по своей значимости соизмеримой с богословием¹. Из множества работ, на которые мне указал и которые во многих случаях и одолжил для предварительного ознакомления сэр Клиффорд Оллбэтт, наибольшую пользу оказала великолепная книга профессора Макса Нойбургера (Max Neuburger) *История медицины* (*Geschichte der Medizin*) (Stuttgart, 1908). Хотя раздел, посвященный мусульманской медицине, занимает не всю книгу, она чрезвычайно насыщена фактами и составлена весьма скрупулезно, а также позволяет представить общее содержание вопроса, которое допускает его дальнейшую разработку, но не внесение кардинальных исправлений.

Я посчитал, что опубликовать данные четыре лекции в той форме, в которой они были изначально прочитаны, будет разумнее, чем переделать их и представить в новом виде, за исключением некоторых исправлений, подсказанных моими друзьями и коллегами, а именно д-ром Ф. Г. Х. Гиллемардом (F. H. N. Guillemard) (доктор медицины), д-ром Э. Х. Минне (E. H. Minns) (доктор литературы), Мйрза Мухаммад Ханом Казвйний (Mirza Muhammad Khan of Qazwin) и Мухаммадом

¹ العلم علما علم الاديان و علم الابدان
букв. Наука — [суть] две науки: наука [о] верах и наука [о] телах.

Икбалем (Muhammad Iqbal), которым я благодарен за многие ценные замечания и предложения. Я также глубоко признателен профессору А. А. Беван (A. A. Bevan) и преподобному профессору Д. С. Марголиусу (D. S. Margoliouth) за их помощь в создании текста книги и устранении погрешностей в переводе истории болезни, записанной ар-Разй, приведенной ниже.

Особое и искреннее удовольствие доставляет мне возможность посвятить этот небольшой том сэру Норманну Муру, воплощающему прекрасную традицию образованности, проницательности и человечности повсюду и во все времена, присущую великой и благородной профессии медика, с живым воплощением которой, к моей безграничной радости, я имел возможность соприкоснуться, будучи студентом здесь, в Кембридже, а также в больнице Св. Варфоломея (St. Bartholomew's Hospital); а также тем великим учителям из этих двух прославленных центров медицинской науки, чьи методы исследования и описания я старался применять и в других областях науки.

Эдвард Г. Браун 16 апреля 1921 г.

ЛЕКЦИЯ 1

**ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «АРАБСКАЯ МЕДИЦИНА» —
ПЕРИОДИЗАЦИЯ АРАБСКОЙ И МУСУЛЬМАНСКОЙ ИСТОРИИ —
ПЕРЕДАЧА ГРЕЧЕСКОЙ НАУКИ —
ВКЛАД СИРИЙЦЕВ И ПЕРСОВ —
ЛАТИНСКОЕ ВАРВАРСТВО —
ПРИГОДНОСТЬ АРАБСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ НАУЧНЫХ ЦЕЛЕЙ**

Масштабы рассматриваемого мной предмета, а также ограниченный объем имеющегося в наличии времени не позволяют мне, даже в тех случаях, когда при других обстоятельствах это было бы допустимо, привносить в данные лекции какие-либо несущественные или неуместные детали. Однако я не могу упустить возможности, впервые представившейся после моего избрания членом этого колледжа, публично выразить мое глубочайшее чувство благодарности за подобную честь, с одной стороны, крайне ценную, и неожиданную — с другой. Я хорошо осознаю, что эта награда была дарована мне на основании (единственном основании, на котором она вообще могла быть присуждена в моем случае) того, что с учетом положения, занимаемого мусульманской медициной в истории нашей профессии, было бы желательно, чтобы хотя бы один из членов колледжа смог непосредственно заняться ее изучением. У арабов существует поговорка применительно к ситуациям, когда помощь кого-либо или чего-либо, предусмотренная для особого случая, наконец оказывается действительно необходимой, — *ما ادخرتك يا دمعتي الا لشدتي* — *Я сберег тебя, о слеза, лишь на случай моего горя*; и когда в этом году меня пригласили прочитать Фитцпатриковские лекции, я почувствовал, что эта поговорка вполне уместна и, что, даже хотя я ощущаю себя недостойным этой недавно обретенной почести со стороны колледжа, от нее было невозможно отказаться, особенно принимая во внимание высказанное пожелание президента

колледжа, сэра Нормана Мура, за чье вдохновляющее наставничество в мою далекую бытность студентом я испытываю признательность, гораздо более значительную, чем я в состоянии выразить. Я только могу надеяться на то, что по завершении моего курса вы не примените в отношении меня другую арабскую поговорку: *من اول عزولته انكسرت عصاته* — *В первой же схватке его палица была сломлена.*

Когда мы говорим «арабская наука» или «арабская медицина», то имеем в виду тот продукт собственно арабского интеллекта, который имеет основой научные или медицинские знания, которые заключены в книгах, написанных на арабском языке, и по большей своей части имеют греческое происхождение, с привлечением индийских, персидских и сирийских заимствований, вкупе с практическим опытом мусульманских врачей. Ее значение, как уже давно признано, заключается не только в ее самобытности, но и в том, что на протяжении долгого промежутка времени, разделяющего упадок греческой науки и эпоху Ренессанса, она являла собой наиболее достоверный передатчик древнего знания и во время смутной эпохи Средневековья была основным источником, из которого Европа черпала философские и научные идеи. Перевод греческих сочинений на арабский язык, как непосредственный, так и через промежуточные сирийские версии, в основном был осуществлен под просвещенным патронажем первых 'аббасидских халифов в Багдаде в период с середины VIII до середины IX в. христианской эры искусными и усердными учеными, большинство которых были не арабами и порой даже не мусульманами, а сирийцами, евреями или персами и придерживались христианской, иудейской или зороастрийской веры. Примерно 4- 5 веками позже европейские исследователи, оторванные от греческих первоисточников, со всевозрастающим энтузиазмом обратились к этим арабским изложениям древних знаний и возродили их уже в латинском облики; и в течение первого столетия после изобретения книгопечатания латинские

переводы арабских философских, естественно-научных и медицинских сочинений составляли существенную долю выпускаемых в Европе книг. Так продолжалось вплоть до возрождения непосредственного изучения греческих оригиналов, во-первых, и внедрения нового, продуктивного метода личного наблюдения природных явлений, во-вторых, что в значительной степени лишило арабские труды их авторитета и практической значимости и сменило то непомерное благоговение, которое к ним испытывали до тех пор, на столь же чрезмерное пренебрежение.

Однако в последнее время, когда интерес и роль того, что условно можно было бы назвать «эмбриологией науки», обрели признание, мусульманская система медицины, наряду с античной и древней, привлекает все большее внимание и становится объектом весьма примечательного и скрупулезного исследования, что уже привело к появлению на свет довольно обширной научной литературы. Основные арабские биографические и библиографические источники, такие как, например, *Фихрист*, или «Указатель» (377/987), «История мудрецов» ал-Кифтй (ок. 624/1227), «Разряды врачей» Ибн Абй Усайби'а' (640/1242), великолепная библиография Хаджжи Халйфа (после 1068/1658) и др., ныне доступны в виде превосходных изданий, в то время как наиболее важные сведения, содержащиеся в этих трудах, были обобщены такими исследователями, как Венрих (Wenrich), Вюстенфелд (Wiistenfeld), Леклерк (Leclerc), Брокельманн (Brockelmann). Общий характер и положение мусульманской медицины были вкратце, но, тем не менее, адекватно изложены в работах Нойбургера (Neuburger), Пагеля (Pagel), Уитингтона (Withington) и Гаррисона (Garrison), и это лишь некоторые из авторов, обратившихся в последнее время к истории медицины; что касается более специальных исследований, то лишь только одному аспекту проблемы, например, посвящены замечательные работы д-ра П. де Конинга (P. de Koning) и д-ра Макса Саймона (Max Simon), весьма точно определившие арабскую анатоми-

ческую терминологию и ее соотношение с греческой. В отношении терминологии по вопросам патологии еще предстоит многое сделать, и в процессе чтения арабских медицинских сочинений я столкнулся со сложностью точного научного определения многих слов, используемых в обычном литературном языке в более широком контексте и менее точном значении, чем тот, который они, очевидно, имели в рассматриваемых нами специальных работах. Не много пользы можно извлечь и из средневековых «варварских» переводов на латынь, в которых зачастую арабский термин попросту сохранялся в искаженном виде, выдаваемом за перевод. Так, например, первая часть первой речи в третьей книге знаменитого *Кануна* Авиценны в латинском переводе озаглавлена *Sermo universalis de Soda*, однако кто сможет, не имея под рукой оригинала, догадаться, что слово *soda* происходит от арабского صداع, обычного слова, обозначающего головную боль, образованного по правилам «имени боли», от глагола صدع «раскалывать, рассекать»?

В настоящий момент история мусульманской медицины может изучаться только в неразрывной связи с общей историей Ислама, который, как вы все знаете, впервые обрел политическую значимость в 622 г. н. э. В этом году Мухаммад, который совершил подлинное чудо, привил до того враждовавшим между собой племенам Аравии общий религиозный и социальный идеал, сплотив их в единый народ, послав их на объединение половины известного на тот момент мира и основав империю, которой было суждено соперничать с государствами Цезаря и Хосрова и сменить их собой, переместил место своей деятельности из Мекки в Медину. Это событие знаменует собой начало мусульманской эры, известной как хиджра, или «переселение», со времени которого до настоящего момента минуло 1338 лунных лет. Приблизительно посередине этого временного отрезка, т. е. в VII в. хиджры или XIII в. по христианскому летосчислению, арабская или, вернее сказать, мусульманская цивилизация значительно пострадала от монгольского, или

татаро-монгольского, нашествия и понесла урон, от которого уже не смогла оправиться и который разрушил халифат как номинальную общность мусульманской империи, а также главенство Багдада как центра науки. Однако еще до этого момента, отчасти вследствие торжества более строгой и последовательной *аш'аритской* доктрины над более либеральной *му'тазилитской* школой богословия, а отчасти по причине постепенного вытеснения арабского и персидского под тюркским влиянием в мире политики, наука, особенно философия (которая так тесно была связана с медициной, что титул *хаким* использовался и продолжает использоваться применительно как к философам, так и к медикам), перестала культивироваться с тем энтузиазмом и усердностью, как то было в эпоху «золотого правления доброго Харуна ар-Рашйда» и его непосредственных преемников и предшественников. Золотой век мусульманской учености длился на протяжении столетия между 750 и 850 г. н. э., столетия, последовавшего за образованием 'Аббасидского халифата со столицей в Багдаде. Из десяти халифов, правивших на протяжении этого периода, второй — ал-Мансур — и седьмой — ал-Ма'мун (его мать и жена были персиянками, в период его правления и без того сильное персидское влияние достигло своей кульминационной точки) — особо выделялись своей любознательностью, щедрым покровительством наукам и значительной веротерпимостью, что возмущало радикально настроенные слои населения и привело к тому, что традиционный титул халифа «Повелитель верующих» (*Амйр ал-Муминйн*) был заменен в отношении одного из них на «Повелитель неверных» (*Амйр ал-Кафйрйн*)². Они интересовались древним знанием, особенно древнегреческим; благодаря покупкам, завоеваниям или обмену они стали обладателями бесчисленного числа ценнейших рукописей, как греческих, так и других, которые хранились в библиотеке правителя или *Байт ал-Хикмат*

² Al-Ya'qubt, ed. Houtsma, p. 546.

(«Дом мудрости») и которые было велено переводить лучшим ученым, которых они только могли привлечь к своему двору, на арабский язык, как непосредственно с греческих оригиналов, так и через сирийские переводы. В *Фихристе*, или «Указателе» (т. е. указателе наук), арабском сочинении, созданном в 987 г., по прошествии века после того, что я назвал «Золотой эпохой», мы имеем одновременно отображение научной жизни того времени и показатель ужасающих потерь, которые она понесла впоследствии, поскольку вряд ли будет преувеличением сказать, что из числа перечисленных в нем книг едва ли одна из тысячи дошла до нас, хотя бы фрагментарно. Ненавистные монголы — «люди сатанинский проклятый», как назвал их Матфей Парижский (Matthew Paris) (сочинение датировано 1240 г.), «вышедший наподобие демонов, освобожденных из Тартара, почему и названы "тартарами"» — сделали свою разрушительную работу просто слишком тщательно, и мусульманская культура, которая пережила разграбление Багдада и уничтожение халифата в 1258 г., стала лишь тенью того, чем была ранее.

Я употребляю термин «мусульманская цивилизация», который, в силу ряда причин, которые я коротко опишу, предпочитаю термину «арабская цивилизация». Как латынь была языком науки для средневековой Европы, так и арабский язык являлся (и в некоторой мере продолжает являться) таковым для всего мусульманского мира. Не может возникнуть никаких возражений против использования нами определений «арабская наука» или «арабская медицина», коль скоро мы не упускаем из виду тот факт, что это означает лишь основу естественно-научных или медицинских знаний, изложенных на арабском языке, поскольку вплоть до XI в. христианской эры мы не встречаем в мусульманском мире того, что можно было бы назвать научной литературой на национальном языке, типичными примерами которой могут служить такие работы, как *Тафуим* («Наставления») (труд, посвященный вопросам астрономии) ал-Бйруни (XI в.?) *Захйра* («Сокровищница») по медицине, созданная для

правителя Х^варазма, Хйвы в XII в. И вот эта научная литература, написанная на арабском языке, по большей части была создана персами, сирийцами, евреями, в меньшей степени греками и в незначительной мере собственно арабами. Ибн Халдун, создавший свое прославленное произведение «Мукаддима к книге назидательных примеров по истории» — одну из самых замечательных арабских книг (около 1400 г.), довольно интересно отзывается о своих соплеменниках. Он заявляет, что каждая страна, завоеванная арабами, вскоре приходила в упадок³, что они были не способны установить стабильную и организованную систему управления⁴, что из всех народов, населяющих мир, они были наименее способны управлять страной⁵, что из всех народов мира были они в наименьшей мере склонны к ремеслам и искусству⁶, но когда среди них есть пророк или праведник, призывающий их к исполнению повелений Бога, они более всех добиваются совершенства и что они быстрее всех воспринимают наставление на истинный путь, благодаря чистоте своей природы⁷. Гольдциер (Goldziher), один из наиболее выдающихся арабистов нашего времени, еврей по происхождению, справедливо отмечает, что Лагард (Lagarde) заходит слишком далеко, когда утверждает, что «ни один из мусульман, добившихся чего-либо в науке, не был семитом»; однако сам вынужден признать, что даже в религиозных науках (толковании Корана, *хадисов*, правоведении и пр.) «арабский элемент оставался далеко позади не-арабского»⁸. Этому можно было бы привести еще больше свидетельств, однако я довольствуюсь лишь одним примером (до сих пор, как я надеюсь, остававшимся незамеченным в Европе), а именно тем недоверием, которым пользовались практикующие врачи-арабы даже у своего собственного народа. Эту анекдотичную историю приводит в своей «Книге

³ De Slane's transl., i, p. 3-10.

⁴ *Ibid.*, ii, p. 311

⁵ *Ibid.*, ii, p. 314.

⁶ *Ibid.*, ii, p. 365.

⁷ Мукаддима, глава 2, часть 26. Цит. по переводу Франца Розенталя (Franz Rosenthal).

⁸ См. мою *Lit. Hist. of Persia*, i, p. 260.

о скупых» (*Китаб ал-Бухала*) один из наиболее эрудированных и в то же время часто отступающих от темы авторов — ал-Джахиз⁹. В ней рассказывается об арабском враче по имени Асад ибн Джанй, который даже во время эпидемии чумы, несмотря на свою образованность, признанное мастерство и усердие, почти не имел пациентов. Когда знакомый спросил его о причинах, он ответил: «Во-первых, я мусульманин, и до того как я начал изучать медицину, более того, даже до момента моего рождения люди придерживались убеждения, что мусульмане плохие врачи. Во-вторых, мое имя— Асад, а должно бы быть Салйба, Мара'йл, Йуханна или Бйра (т. е. сирийское или арамейское имя); моя кунья — Абу-л-Харис, а должна бы быть Абу 'Йса, Абу Закарийя или Абу Ибрахйм (т. е. не бедуинской); также я ношу одежду из белого хлопка, а должен бы — из черного шелка; и к тому же я говорю на арабском, а должен бы — на языке народа Джундй-Шапур (т. е. жителей Юго-Западного Ирана)».

Те арабы, чей скептицизм не сдерживался предписаниями религии, в какой-то мере отыгрывались, сочиняя стихи о докторах, наподобие приведенного ниже, написанного на смерть Йуханны ибн Масавайхи (известного как Месуэс (Mesues) у европейских средневековых авторов) в 857 г.

لا يستطيع دفاع أمر قد أتى، إن الطبيب بطبه و دوائه،
 قد كان يبرئ منه فيما قد مضى، ما للطبيب يموت بالداء الذى،
 جلب الدواء و باعه و من اشترى، مات المداوى و المداوى و الذى،

*Воистину врач с его врачебной наукой и лекарствами
 Не может отворотить вызов, который пришел. Что
 же болит у врача, что умер он от болезни, Которую
 лечил в период времени минувший? Умирают одинаково
 и тот, кто прописал лекарство, и тот, кто принял
 лекарство,*

⁹ Ed. Van Vloten, pp. 190-110.

И тот, кто привез и продал лекарство, и тот, кто купил его.

Схоже содержание и следующего стиха из популярного романа об 'Антаре, старом бедуинском герое:

يقول لك الطبيب دواك عندي، اذا ما جس زندك و الذراعا،
و لو علم الطبيب دواء داء، يرد الموت ما قاسى النزاعا،

Врач говорит тебе: «Я могу вылечить тебя», Затем он проверяет твое запястье и твою руку; Однако знает ли врач способ излечения от болезни, Который бы отвратил смерть, чтобы и сам он не страдал от смертельных мук?

Итак, разговор об истории происхождения и развития мусульманской медицины (хотя основные вехи ее вполне четко установлены, многие детали еще остаются неясными) наиболее удобно будет начать с рассмотрения вопроса о состоянии, в котором находились медицинские познания (или, наоборот, невежество) древних арабов в период до того момента, когда движущая сила Ислама разрушила их многовековую изоляцию, толкнула на объединение под своей властью половины известного на тот момент мира и привела этот первобытный, но сообразительный и восприимчивый народ к тесному контакту с древними цивилизациями греков, иранцев, египтян, индусов и др. Существует три периода, предшествовавших эпохе, которую я назвал «Золотым веком», а именно:

- *Джахилийя*, или период язычества, предшествовавший появлению и быстрому триумфальному распространению Ислама, в полной мере завершившийся к VII в. христианской эры.
- Период теократии Пророка Мухаммада и власти его непосредственных последователей, четырех праведных халифов, продлившийся с хиджры, или «переселения», до убийства 'Али, т. е. менее 40 лет (622- 661), когда центром была Медина — древний Иасриб (Чабриига).

- Период правления халифов из династии Умаййадов, обширная империя которых простиралась от Испании до Самарканда. Их двор в Дамаске быстро обрел такие пышность и богатство, о которых до того арабы не могли даже и мечтать.

С учетом поставленной перед нами на данном этапе цели едва ли необходимо отдельно рассматривать первые два из вышеуказанных трех периодов, т. е. периоды, которые предшествовали утверждению Ислама и последовали непосредственно за ним и которые, как бы глубоко ни отличались в религиозном, этическом и политическом планах, касательно научного знания находились фактически на одном и том же уровне. Жизнь древних арабов- язычников была в высшей степени сурова и проста — она весьма схожа с той, что сохраняется у бедуинов Центральной Аравии до сих пор, — различные племена были постоянно вовлечены в жестокие войны, разжигаемые бесконечной кровной мстью, только сильные и находчивые могли постоять за себя, у слабых и больных же было очень мало шансов выжить. С другой стороны, они были умны, изобретательны, отважны, выносливы, во многом благородны, очень наблюдательны в отношении тех природных явлений, которые имели возможность лицезреть, и обладали удивительно богатым и развитым языком, которым они необычайно гордились и до сих пор гордятся, когда возносят хвалу Господу, «который создал арабский язык, лучший из всех языков». Поэмы, дошедшие из той далекой эпохи, описывающие их набеги, битвы, отважные путешествия и любовные похождения, до сих пор остаются образцом и эталоном чистого и наиболее классического арабского языка. Большинство этих воинственных племен не признавали ничьей власти кроме власти своих вождей и правителей; только у границ Персидской и Римской империй, соответственно, в маленьких княжествах Хйра и Гассан, наблюдались некоторые элементы привычной нам цивилизации.

Первым арабским медиком, упомянутым в сочинениях, посвященных жизнеописаниям философов и врачей, таких авторов, как ал-Кифти и Ибн Абй Усайби'а, был ал-Харис ибн Калада, старший современник Пророка Мухаммада. Он получил образование в знаменитой персидской медицинской школе Джундй-Шапура и по крайней мере однажды имел честь лично беседовать с великим персидским царем Хусравом Ануширваном (арабский Кисра и греческий Хосров), поддерживавшим и защищавшим философов-неоплатоников, которые бежали от преследований и нетерпимости императора Юстиниана. Сведения об этой встрече (имевшей место в действительности или же лишь вымышленной) занимают две мелко исписанные страницы арабского текста в сочинении Ибн Абй Усайби'а «Разряды врачей», а содержание ее приведено в работе д-ра Люсьена Леклерка «История арабской медицины» (*Histoire de la Medicine Arabe*). Она почти целиком посвящена разговору об общих принципах гигиены, достаточно полному, однако не представляющему особого научного интереса. Определенный интерес представляет случай с Надром, сыном вышеупомянутого ал-Хариса¹⁰, который, так же как и его отец, видимо, обладал некоторыми познаниями в области персидских легенд, поскольку он воспитывался в Иране. Это дало ему повод пренебрежительно высказываться относительно содержащихся в Коране библейских сюжетов, которые, как он заявлял арабам, гораздо менее занимательны и поучительны, чем древние персидские истории о Рустаме и Исфандийаре, на которые бы он обратил внимание и к которым привлек бы интерес слушателей Пророка. Мухаммад никогда не простил ему этого, и, когда Надр был захвачен в плен во время битвы при Бадре — первой значимой победе мусульман над неверными, он был приговорен к казни.

¹⁰ Мой высокоэрудированный друг Мирза Мухаммад из Казвина, прочитав эти строки, используя множество аргументов и ссылок, доказал мне, что указанный Надр не был сыном ал-Хариса ибн Калада — врача из племени сакйф, как утверждает Ибн Абй Усайби'а, а был сыном ал-Хариса ибн 'Алкама ибн Калада — абсолютно другого персонажа, жившего в то же время.

Что касается собственных мыслей Пророка относительно медицины и гигиены, то мы можем получить о них довольно точное представление из весьма полных и скрупулезно отобранных подлинных сборников преданий о поступках и высказываниях Мухаммада, которые вслед за Кораном составляют наиболее авторитетную основу мусульманского вероучения. Эти предания, окончательно собранные и систематизированные в IX-X вв. н. э., сгруппированы по тематике, каждый из сюжетов составляет «книгу» (*китаб*), а каждое предание — «главу» (*баб*) в ней. Если мы обратимся к *Сахйх* ал-Бухарй, наиболее известному из этих сборников, то обнаружим в начале 4-го тома две книги, касающиеся вопросов медицины и недомоганий, в общей сложности содержащие 80 глав. Это выглядит многообещающим; однако если мы взглянем на них более внимательно, то увидим, что лишь незначительная их часть касается медицины, хирургии или терапии, в том смысле, в котором мы их понимаем, а большая часть посвящена таким вопросам, как посещение, моральная поддержка и утешение больного, сглаз, магия, талисманы, амулеты, охранительные молитвы и формулы. Пророк Мухаммад утверждает, что Господь определил подходящее лекарство для каждого заболевания, которое Он ниспосылает людям, однако, несмотря на это, чуть позже Пророк указывает основные три метода лечения — назначение меда, применение банок (кровопускание) и прижигание, и он рекомендует своим последователям избегать последнего или, по крайней мере, не злоупотреблять им. Из других терапевтических средств упоминаются верблюжье молоко, семя черного тмина (*Nigella sativa*), алоэ, сурьма (при профилактике глазных болезней), манна, а также пепел травы в качестве кровоостанавливающего лекарства. Из болезней упоминаются головная боль и мигрень, офтальмия (воспаление глаз), проказа, плеврит, чума и лихорадка, охарактеризованная как «адские испарения». Пророк советует своим последователям не посещать страны, где свирепствует чума, но в случае нахождения в них не бежать прочь. Скучный

материал, представленный в этих и других преданиях (поскольку Коран, за исключением упоминаний о ранах и сведений об эмбриологии, едва ли касается вопросов медицины), в большей или меньшей степени был систематизирован более поздними авторами в так называемой «Медицине Пророка» (*Тибб ан-Набй*), и, как я слышал, некий учебник, озаглавленный подобным образом, все еще является одной из первых книг, с которыми знакомятся студенты-медики в Индии, наряду с сокращенной версией *Кануна* Авиценны, известной как *Канунча*.

Остроумный Ибн Халдун, о котором мы уже говорили, вскользь упоминает¹¹ «Медицину Пророка» и те местные формы медицинских знаний арабов, которые в ней собраны и которые составили ее неотъемлемую часть, однако справедливо добавляет, что нас не призывали подчиняться ее правилам, поскольку «задачей Пророка было донести до нас предписания Божественного Закона, а не обучать нас медицине и обычным делам повседневной жизни». В этой связи он напоминает нам об одном случае, когда Пророк пытался запретить искусственное опыление финиковой пальмы, что имело столь плачевные последствия для урожая, что он отменил свой запрет со словами: «Вы знаете лучше меня, когда дело касается мирских интересов». «Таким образом, никто не обязан, — продолжает наш автор, — верить в то, что медицинские предписания, переданные даже через подлинные *хадисы*, были сообщены нам как непреложные истины, которые мы обязаны соблюдать; ничего в этих преданиях не указывает на это. Однако, воистину, ежели кто-либо желает применять эти предписания с целью заслужить Божественное благословение и ежели воспринимает их с искренней верой, то он может извлечь из них огромную пользу, хотя они и не являются по существу частью того, что мы именуем медициной».

¹¹ De Slane's transl., iii, pp. 163-164.

Я надеюсь, что уже достаточно рассказал, чтобы продемонстрировать, как велико было различие, возникшее в области медицинских знаний у древних арабов-язычников, периода пророчества и первых халифов, а также в той детально разработанной системе на основе учений Гиппократ и Галена, которая существовала в Багдаде при первых 'аббасидских правителях. Сведения об этом достоверны и многочисленны. Гораздо сложнее обстоит дело с вопросом относительно того, как эволюционировала данная система медицины в промежуточный период правления умаййадских халифов, между серединами VII и VIII вв. христианской эры. Умаййады, хотя и являлись, несомненно, чистокровными арабами, были к этому времени знакомы с оседлой жизнью и благами цивилизации и весьма отличались от некоторых простых завоевателей Ктесифона, столицы Сасанидской империи, родом из пустыни, которые не отличали камфару от соли и удивлялись тому, что приправленная ею пища пресна; обменивали золото на равное количества серебра — «желтое на белое», как они выражались; отказывались от права жениться на царской наследнице за тысячу монет, поскольку, как выразился тот араб в ответ на упреки своих единоверцев в том, что он отпустил ее так дешево, он не мог запросить большую цену, ибо не знал чисел более тысячи. Под властью Умаййадов арабская, или мусульманская, империя достигла своих максимальных пределов, поскольку Испания — одно из их главных завоеваний, никогда не признавала господства 'Аббасидов. В Египте и Персии, так же как и в Сирии и ее столице Дамаске, где располагался их двор, они находились в непосредственном контакте с основными центрами древних знаний. Следует задаться вопросом: в какой мере они смогли извлечь выгоду из возможностей, которые им представились? На развитие их теологии, как наглядно показал фон Кремер (von Kremer)¹², несомненно оказал влияние Иоанн Дамаскин,

¹² Culturgeschichte d. Orients, vol. ii, pp. 401 и далее.

носивший имя Chrysorrhoas (букв, «источающий золото, златоструй»), а по-арабски именовавшийся Мансур. Он пользовался благосклонностью первого умаййадского халифа Му'авийи. Первый импульс, пробудивший жажду арабов к познанию греческой мудрости, исходил от умаййадского правителя Халида, сына Иазйда, сына Му'авийи, который страстно интересовался алхимией. Согласно *Фихристу*¹³, наиболее древнему из существующих источников наших знаний по рассматриваемым вопросам, он собрал греческих философов в Египте и повелел им перевести греческие и египетские книги по данному предмету на арабский язык; и это, как говорит автор *Фихриста*, «было первым переводом с одного языка на другой в Исламе». С этим правителем связан прославленный арабский алхимик Джабир ибн Хаййан, известный средневековой Европе под именем Гебер. Многие, если не большинство книг, изданные под его именем в Средние века на латыни, носят подложный характер и являются оригинальными плодами творчества европейских ученых, которые, используя присущий его имени авторитет, стремились придать вес и известность своим собственным работам. Оригиналы его работ на арабском языке редки, а их единственное серьезное научное исследование, повстречавшееся мне, содержится в 3-м томе замечательной работы Берселота (Berthelot) *Histoire de la Chimie au Moyen age* («История химии в Средние века»), где приводится текст и французский перевод одного из его подлинных трактатов. Берселот указывает на то, что, конечно же, и так было давно известно: хотя основной задачей средневековых алхимиков был поиск «философского камня» и «эликсира жизни», тем не менее они совершили множество бесспорных и ценных открытий. То, скольким мы обязаны арабам в этой области, обнаруживается в заимствовании таких слов, как алкоголь, перегонный куб (лат. *alembic*), все еще используемых нами. Конечно общепризнано, что именно в областях химии и

¹³ Р. 242.

фармакологии арабы внесли наибольший вклад в научную теорию, унаследованную от греков.

Относительно медицины в узком смысле слова в этот период мы имеем немного свидетельств, отдельно упоминаются лишь три или четыре медика, в основном христиане и, по всей вероятности, неарабы. Одним из них был Ибн Усал, врач Му'авийи, первого умаййадского халифа, который был убит человеком из племени махзум по подозрению в отравлении, как было выяснено расследованием самого халифа, своего родственника 'Абд ар-Рахмана, к которому испытывал вражду. Другой, Абу-л-Хакам, также христианин, прожил более 100 лет, так же как и его сын Хакам. Что касается последнего, то до нас дошел довольно подробный рассказ о его удачном опыте лечения тяжелого больного с артериальным кровоизлиянием, вызванным действиями неумелого врача-цирюльника. По-видимому, никто из вышеперечисленных людей ничего не написал, однако Йсе, сыну Хакама, приписывают объемный *Куннаш*, или трактат об искусстве врачевания, от которого до нас не дошло ни одного фрагмента. Арабские биографы также упоминают о некоем Феодосии, или Феодории¹⁴, очевидно греке, который был врачом жестокого, но талантливого Хаджжаджа ибн Йусуфа, относившегося к нему с величайшим уважением и почтением. От него сохранилось несколько высказываний, чего нельзя сказать о трех или четырех книгах, приписываемых ему. Короткий список практиковавших медиков эпохи Умаййадов завершает женщина-бедуинка по имени Зайнаб, которая излечивала офтальмии в некоторых случаях. О том, что значительно большее внимание стали уделять общественному здоровью, свидетельствует случай, описанный историком Табари¹⁵: халиф ал-Валид в 88/707 г. отделил прокаженных, в то же время повелев снабжать их продовольствием в достаточном объеме. Среди бедуинов оказание помощи все еще ограничивалось использованием

¹⁴ Ибн Абй Усайби'а (vol. i, pp. 121-123) передает его имя в форме Сийазук (ثيائوق)

¹⁵ Secunda Series, vol. ii, p. 1196.

старых амулетов и заклинаний, зачастую сопровождавшимся применением слюны врача для лечения пациента. Подобный случай описан в связи с поэтом Джариром¹⁶, который отдал свою дочь Умм Гайлан замуж за мага по имени Аблак, излечившего его таким образом от рожистого воспаления. Медицинские практики, использовавшиеся тогда коренными жителями Аравии, как бедуинами, так и городскими жителями, кратко изложены Цвимером (Zwemer) в его книге «Аравия, колыбель Ислама» (*Arabia, the Cradle of Islam*)¹⁷, и его описание, насколько мы можем судить, четко определяет состояние медицины в далекий период, о котором мы сейчас ведем речь.

Еще один важный вопрос требует внимательного изучения, перед тем как мы перейдем к рассмотрению великого возрождения науки при первых 'аббасидских халифах в Багдаде в VIII и IX вв. н. э. Леклерк в своей «Истории арабской медицины» (*Histoire de la Medecine Arabe*) настаивает на том, что процесс ассимилирования греческих знаний начался еще веком ранее, когда арабы завоевали Египет. В этом процессе он отводит важную роль некоему Иахйя ан-Нахвй, или «Иоанну Грамматику», который обладал высочайшим покровительством 'Амр ибн ал-'Аса, завоевателя и первого мусульманского правителя Египта и которого он отождествляет с Иоанном Филопонусом, комментатором Аристотеля. Этот Йахйя, наиболее полные сведения о котором встречаются в трактате ал-Кифти «История мудрецов» (*Ta'riх al-Хукама*)¹⁸ был яacobитским епископом в Александрии, который впоследствии отрекся от вероучения о Троице и по этой причине привлек благосклонное внимание мусульман, для строгого монотеизма которых данная доктрина была в высшей степени неприемлема.

Согласно широкоизвестной легенде, в настоящее время по большей части поставленной под сомнение востоковедами,

¹⁶ Bevan ed. of the *Naqa 'id*, p. 840.

¹⁷ Pp. 280-284.

¹⁸ Ed. Lippert, pp. 354-357.

Иахйя явился, хотя и неосознанно, изначальной причиной так называемого сожжения мусульманами книг в великой библиотеке Александрии. Как ни странно, эта история воспринимается Леклерком как исторический факт¹⁹ несмотря на его сильно выраженные проарабские и промусульманские симпатии. Этот Иахйя в любом случае был выдающимся коптским ученым и, как указывает ал-Кифтй, упомянул в одной из своих работ год 343 по Диоклетиану (ведущему отсчет с 284 г. н. э.) как текущий год работы над своей книгой. Это согласуется с версией о его присутствии в Египте во время арабского завоевания в 640 г. н. э., однако доказывает, что он не одно лицо с Иоанном Филопонусом, который, согласно замечанию, добавленному профессором Бери (Bury) к рассказу Гиббона (Gibbon) по рассматриваемому нами вопросу, жил не в VII, а в начале VI в. от Рождества Христова²⁰. Бесценная александрийская библиотека, как отмечает Гиббон, была почти полностью уничтожена христианскими фанатиками почти за 3 века до того, как мусульмане завоевали Египет.

Как бы то ни было, вопросы о судьбе александрийской библиотеки и идентификации двух Иоаннов или Иахйя отходят на второй план при сравнении с гораздо более глобальной и важной проблемой состояния науки в Египте во времена арабского завоевания. Ле-клерк считает, что эта школа медицины, некогда столь знаменитая, надолго пережила школу философии и продолжала существовать, хотя и в весьма упадочном состоянии по сравнению с былым величием, вплоть до времени арабского завоевания. Этот вопрос довольно сложно разрешить; однако д-р. Уоллис Бадж (Dr. Wallis Budge), чье мнение я хотел знать, определенно воспринял точку зрения, согласно которой по крайней мере египетские письменные памятники этого периода, поскольку они вообще затрагивают данные темы, демонстрируют весьма

¹⁹ Аргументы, ставящие под сомнение истинность этой истории, в полной мере изложены Л. Крелем (L. Krehl) (*Über die Sage von der Verbrennung der Alexandrinischen Bibliothek durch die Araber*) в материалах IV международного конгресса востоковедов (Флоренция, 1880).

²⁰ Vol. V of Bury's ed., p. 452 ad calc.

незначительные признаки медицинской науки (или их полное отсутствие), греческой или же иной. В то же время мы должны придать должное значение и достоверным арабским рассказам, например, о переводе греческих работ по алхимии для умаййадского правителя Халида ибн Иазйда в Египте, и должны признать возможность, если не вероятность, того, что подобные переводы могли включали в себя и другие сферы — философию, медицину и пр., помимо того, что составляло особый интерес вышеупомянутого правителя.

Как бы то ни было, именно в середине VIII в. н. э. через недавно основанный город Багдад огромный поток греческих и иных древних научных знаний начал вливаться в мусульманский мир и представлять по-новому уже в арабском обличье. Что же касается медицины, то здесь доминировали традиции древней сасанидской школе Джундй-Шапура. Об этой некогда прославленной школе (от которой давно осталось лишь название), расположенной в труднодоступной для современных путешественников и ученых местности близ селения Шах-абад²¹ в провинции Хузистан на юго-западе Ирана, следует дать краткие сведения.

Город обязан своим происхождением сасанидскому монарху Шапуру I, сыну и преемнику Ардашйра Бабакана, который основал эту великую династию в III в. от Рождества Христова и восстановил, спустя 5 веков, древнюю славу ахеменидской Персии. После того как Шапур разгромил и взял в плен императора Валериана и разграбил знаменитый город Антиохию, он построил в месте, на сирийском называемом Бет Лапат, город, который назвал Вех-аз-Андев-и-Шапур, т. е. «(Город) Шапура, лучше чем Антиохия», название которого постепенно превратилось в Гунде Шапур, или арабский Джундй Сабур²². Другой «(Город), лучше чем Антиохия» был основан в VI в. н. э. Хусравом Анушарваном — греческим Хосровом, или

²¹ См. Rawlinson *Notes on the March from Zohab to Khuzistan* в *Journal of the Royal Geographical Society*, vol. ix, pp. 71-72, и замечания Layard в vol. xvi, p. 86 того же журнала.

²² См. Th. Noldeke *Gesch. d. Perser u. Arab, zur Zeit der Sasaniden* (Leyden, 1879), pp. 40-42.

арабским Кисра, который, дабы отличать его от первого, был назван Вех-аз-Андев-и-Хусрав. В этом городе, в соответствии с положением дел в Персии вплоть до XVI в., жили в основном переселенцы — в первую очередь ремесленники и мастера — из иноземного города, в честь которого он был назван; весьма вероятно, что в Джундй-Шапур также попало значительное число греческих поселенцев, поскольку греческие переводы пехлевийских надписей Шапура, высеченные на скалах в местечке Истахр в Фарсе, подтверждают, что греческая рабочая сила имелась в распоряжении даже в регионах Центральной Персии. Сорока или пятьюдесятью годами позже, в начале IV в., во времена правления Шапура. II, город стал резиденцией правителя, и именно здесь был казнен Манй, основатель манихейства, а его кожа, набитая соломой, была повешена на одни из городских ворот, известных еще много лет спустя, даже в мусульманскую эпоху, как «Ворота Манй». Представляется также весьма вероятным, что здесь Шапур II встретился с греческим врачом Феодосием или Феодорием, которого вызвал к себе на службу и система медицины которого упоминается в *Фихристе*²³ как одна из первых персидских книг по вопросам врачевания, впоследствии переведенных на арабский язык. Эта книга сохранялась по крайней мере до X в. н. э. Этот медик был христианином и обрел в Персии столь большие славу и уважение, что Шапур велел построить для него церковь и по его просьбе освободить нескольких пленных сограждан.

Удивительное развитие школы Джундй-Шапур, тем не менее, явилось непредвиденным и непреднамеренным следствием нетерпимости, которая заставила византийских несториан в V в. н. э. покинуть свою школу в Эдессе и вынудила их искать убежища на территории Персии. В следующем столетии просвещенный и любознательный Хусрав Анушарван, покровитель изгнанных философов-

²³ Р. 303.

неоплатонистов²⁴, послал своего врача Бурзуйа в Индию, который наряду с игрой в шахматы и прославленной «Книгой о Калйле и Димне» привез оттуда в Персию индийские труды по медицине, а возможно, также и индийских врачей.

Ко времени появления на свет Пророка Мухаммада школа Джундй-Шапур достигла вершины своей славы. Они объединили греческое и ближневосточное знания, первое было получено отчасти напрямую от греческих ученых, но в большинстве своем через усердных и восприимчивых сирийцев, которые компенсировали старанием то, чего им не доставало в оригинальности. Сергей из Ра'с ал-'Айи, живший несколько раньше²⁵, был одним из тех, кто переводил на сирийский язык Гиппократ и Галена. Из числа этих работ по медицине на сирийском языке, служивших своего рода промежуточным звеном, с которого были сделаны многие, если не большинство, арабские переводы VIII и IX в., до наших дней дошли не многие. Изданный М. Х. Поньоном (М. И. Pognon) французский перевод сирийской версии «Афоризмов»²⁶ Гиппократ и «Сирийская книга медицины» (*Syriac Book of Medicines*)²⁷ д-ра Уоллиса Баджа дают нам некоторое представление об их характере. Азия многим обязана этим сирийцам, какие бы ошибки они ни допускали, и особенно несторианам, а письменность монголов, маньчжуров, уйгуров и многих других народов западной части Азии свидетельствует о влиянии на них со стороны арамейских народов.

Хотя обучение медицине в Джундй-Шапур было главным образом греческим, в основе там несомненно лежал персидский компонент, особенно в фармакологии, где арабская терминология во многих случаях отчетливо обнаруживает персидские корни. К сожалению, два наиболее выдающихся периода доисламской истории Персии — Ахеменидский (550-330 до н. э.) и Сасанидский (226-640 н. э.)

²⁴ Около 531 г. н. э.

²⁵ Он умер в Константинополе около 536 г. н. э.

²⁶ *Une Version Syriaque des Aphorismes d'Hippocrate, Leipzig, 1903.*

²⁷ Два тома, текст и перевод, изданные в 1913 г.

— окончились губительными иноземными вторжениями, греческим в первом случае и арабским — во втором. Эти вторжения повлекли за собой практически полное уничтожение местной науки и литературы, так что сейчас не представляется возможным реконструировать что-либо большее, чем общий облик этих двух древних цивилизаций. Тем не менее «Авеста», священная книга зороастрийцев, рассказывает о трех категориях целителей: исцеляющих молитвами и религиозными ритуалами; особым питанием и лекарствами; инструментами, — другими словами о священнослужителях, врачах-терапевтах и хирургах. И конечно же, при Ахеменидском дворе до эпохи Александра Македонского присутствовали греческие врачи, из которых наиболее известен Ктесий (кстати, он мог быть и египтянином).

По-видимому медицинская школа Джундй-Шапур была мало затронута арабским нашествием и завоеваниями VII в. н. э., однако лишь ко второй половине VIII в., когда Багдад стал главной метрополией мусульманского мира, она стала оказывать большое влияние на мусульман. Шел 765 г. н. э.²⁸, когда второй 'аббасидский халиф ал-Мансур, страдавший от болезни, с которой тщетно боролись его придворные медики, призвал к себе для лечения Джурджйса, сына Бухт-Йишу (наполовину персидское, наполовину сирийское имя, переводимое как «Георгий, сын Иисуса освобожденного»)²⁹, главного врача знаменитой больницы Джундй-Шапура. Четырьмя годами позже Джурджйс заболел и попросил разрешения вернуться домой, для того чтобы повидаться с семьей и, в случае своей смерти, быть похороненным рядом со своими предками. Халиф призвал его принять Ислам, однако Джурджйс ответил, что предпочтет быть со своими предками, неважно, в раю или в аду. В ответ на это халиф рассмеялся и сказал: «С тех пор как я увидел тебя, я обрел избавление от

²⁸ Al-Qifti *Ta'rikhu'l-Hukama*, p. 158.

²⁹ Разъяснением подобных древнеперсидских имен, начинающихся или оканчивающихся на -бухт мы обязаны профессору Т. Нёльдеке (Th. Nöldeke) см. *Gesch. d. Artakhschir-i-Papakan*, p. 49, n. 4.

преследовавших меня болезней», и отпустил его, одарив 10 000 динаров, а также послал вместе с ним сопровождающего, который должен был доставить его, живого или мертвого, в Джундй-Шапур (*Civitas Hippocratica*), который он так любил. Со своей стороны Джурджйс обещал послать в Багдад взамен себя одного из своих учеников по имени 'Йса ибн Шахла, однако отказался послать своего сына Бухт-Йишу' II, на основании того, что тот не может обходиться без Бймаристана, т. е. больницы, Джундй-Шапура.

На протяжении шести поколений и более 250 лет семья Бухт-Йишу' сохраняла свои лидирующие позиции в медицине, последний ее представитель (Джибра'йл, сын 'Убайд Аллаха, сына Бухт-Йишу', сына Джибра'йла, сына Бухт-Йишу', сына Джурджйса, сына Джибра'йла) умер 10 апреля 1006 г., занимая столь же высокое положение и пользуясь таким же уважением правителей и аристократии, как и первый. Об определенном чувстве собственной исключительности и нежелании передавать свои знания посторонним, характерных для врачей Джундй-Шапура, можно сделать заключение на примере обращения, которому подвергся в начале своей карьеры прославленный переводчик на арабский греческих медицинских трактатов Хунайн ибн Исхак, известный в средневековой Европе как Иоаннитий. Он был арабом-христианином из Хйры, отличался огромной любознательностью и служил фармацевтом у Йуханны ибн Масавайха (латинский Мессей), лекции которого посещал. Однако Иоаннитий был склонен задавать слишком много затруднительных вопросов, и однажды его учитель, потеряв терпение, воскликнул: «Что могут жители Хйры делать в медицине? Иди и зарабатывай деньги на улицах!» — и вытолкнул его прочь; «ибо,— говорит ал-Кифти³⁰,— эти люди из Джундй-Шапура привыкли верить в то, что они единственные пригодны для этой науки, и не допускают, чтобы она ускользнула от них, их детей и их рода». Однако

³⁰ *Op. cit.*, p. 174.

Хунайн, полный решимости овладеть знаниями до самых основ, уехал на несколько лет, дабы выучить греческий язык. В это время один из его старых знакомых, врач Йусуф, увидел некоего человека с длинными волосами и нестриженными бородой и усами, декламирующего на улице Гомера, и, несмотря на изменившийся облик, по голосу узнал в нем Хунайну. В ответ на вопрос тот признался, что это он, однако запретил Йусуфу рассказывать об этом, заявив, что поклялся не продолжать своего обучения медицине до тех пор, пока не доведет свои познания в области греческого языка до совершенства. Когда же он окончательно вернулся, Джибра'йл ибн Бухт-Йишу', к которому он обратился, был восхищен его знанием греческого и назвал его чудом образованности, а Ибн Масавайх, который ранее выгнал его с оскорблением, стал искать доброго посредничества Йусуфа, чтобы добиться установления дружеских отношений с Хунайном. Позже он снискал высочайшее расположение халифа, который, впрочем, сначала решил проверить его профессиональную репутацию жестоким испытанием. Он предложил Хунайну изготовить яд для одного из врагов, обещав ему за это большую награду и суровое наказание — тюремное заключение или смерть, в случае если он откажется. Хунайн отказался и был посажен в тюрьму сроком на один год, после чего вновь предстал перед халифом и опять был поставлен перед выбором между богатым вознаграждением за согласие или мечом палача за отказ. «Я уже сказал повелителю верующих, — ответил Хунайн, — что мое искусство подразумевает лишь исцеление, и я не обучался ничему более». Будучи вновь поставленным перед угрозой немедленной смерти, он добавил: «У меня есть Господь, который воздаст мне по справедливости завтра во время высшего восстания из могилы, так что если халиф желает нанести ущерб своей собственной душе, пусть он так и делает». На это халиф улыбнулся и объявил, что он лишь хотел удостовериться в честности Хунайны, перед тем как предаться в руки его с полным доверием. Таким образом,

ситуация разрешилась благополучно, однако она служит хорошей иллюстрацией того, что место придворного врача в Багдаде при ранних 'Аббасидах следовало еще заслужить; этот сюжет обыгрывается в широко известной истории о враче Дубане и царе Йунане (которая, правда, имела гораздо более печальный конец) из «Тысячи и одной ночи»³¹.

Хунайн был не только наиболее прославленным, но и самым плодовитым из вышеупомянутых переводчиков. Из 10 сочинений Гиппократов, которые, как указывает автор *Фихриста*, существовали в арабском переводе в его время, 7 были работами Хунайна, а 3 принадлежали его ученику— 'Йса ибн Иахья, в то время как все 16 книг Галена были переведены им или его учеником Хубайшем. В большинстве случаев, насколько мы можем заключить из *Фихриста*³², Хунайн переводил с греческого на сирийский, в то время как Хубайш переводил с сирийского на арабский, после этого арабскую версию просматривал Хунайн, который при этом иногда переводил и непосредственно с греческого на арабский. Большинство переводчиков знали все эти три языка, и, возможно, как предположил Леклерк, перевод на сирийский или арабский зависел от того, для кого он в первую очередь предназначался, для читателей-христиан или мусульман. До настоящего времени даже в рукописном виде дошли лишь очень немногие из этих переводов; однако хорошие списки «Афоризмов»³³ и «Предсказаний»³⁴ хранятся в Британском музее, а кроме того, там находится краткое изложение 16 книг Галена³⁵, приписываемое Йахья ан-Нахви или Иоанну Грамматисту. Что касается арабского варианта «Афоризмов», то существует индийское литографическое издание, которого, однако, я не видел. Подобная нехватка текстов крайне прискорбна для изучающих мусульманскую медицину, которые по этой причине стеснены в поиске

³¹ Перевод Lane (London, 1859), vol. i, pp. 83-86.

³² P. 289.

³³ Or. 5914, Or. 6419, Or. 5820, Or. 6386 и Or. 5939.

³⁴ Or. 5914.

³⁵ Arundel, Or. 17.

решения важных предварительных вопросов, касающихся точности и достоверности этих ранних арабских переводов, а также развития арабской медицинской терминологии, зачастую неясной без ссылок на греческий оригинал. Что касается первого вопроса, то Леклерк³⁶, вероятно, прав в своем мнении, что переводы с греческого на арабский по большей части осуществлялись с гораздо большим мастерством и эрудицией, чем последующие переводы с арабского на латынь, и тот, кто будет судить о мусульманской медицине на основании последних, будет неизбежно недооценивать ее и поступит по отношению к ней весьма несправедливо. И действительно, весьма сложно опровергнуть вывод о том, что многие отрывки из латинской версии *Кануна* Авиценны были поняты переводчиками неверно или же вовсе не поняты и в результате не в состоянии четко донести идею до читателя.

Другая группа великих переводчиков с греческого на арабский происходит их города Харран, классический вариант названия — Charrae. Этот город вплоть до XIII в. оставался языческим и в силу того, что в нем долгое время господствовала греческая культура, назывался Хелленополис. То, каким образом обитатели этого города начиная с IX в. стали именоваться сабианами, хотя и не имели ничего общего с настоящими сабианами из Халдеи (малая часть которых, называемая мусульманам *ал-мугтасила* из-за частого практикования ими ритуальных омовений и купаний и по той же причине именуемая европейцами «христиане святого Иоанна Крестителя», до сих пор проживает близ Басры и по берегам Шатг ал-'Араб), вызывает немалый интерес и подробно разъяснено, с полным набором документальных свидетельств, Хволсоном (Chwolson) в его великолепной работе *Die Ssabier und Ssabismus*³⁷. Из ученых мужей города Харран самыми прославленными были Сабит ибн Курра (род. в 836, ум. в 901 г. н. э.), его сыновья Ибрахим

³⁶ *Hist. de la Medicine Arabe*, vol. ii, pp. 346-348.

³⁷ St.Petersburg, 1856 (2 vols.), см. vol. i, ch. vi (pp. 139-157),

и Синан, внуки Сабит и Ибрахйм и правнук Синан, а также семья Захруна. Следует также упомянуть об еще одном их современнике, хотя его главным пристрастием была скорее математика, нежели медицина, — это Куста ибн Лука, христианин из Баальбека в Сирии, который умер около 923 г. н. э.

Таким образом, к X в. мусульмане, для каждого из которых, вне зависимости от этнической принадлежности, арабский являлся не только языком откровения и религии, но и науки, дипломатии и культурного общения, имели в своем распоряжении великое множество по большей части великолепных переводов всех наиболее известных философских и научных трудов греческих авторов. Греческая поэзия и драматургия интересовали их в меньшей степени, а о латинских авторах они, по-видимому, вообще ничего не знали. Помимо Гиппократ и Галена из числа греческих авторов в области медицины наиболее популярными были Руфус Эфесский, Орибасий, Павел Эгинский и Александр из Трал, а в области фармакологии — Диоскорид. В некоторых случаях греческие трактаты, утерянные в оригинале, были сохранены и дошли до нас в арабском переводе. Наиболее примечательным случаем здесь может служить 7 книг из «Анатомии» Галена, утраченные в греческом оригинале, но сохранившиеся на арабском языке. Текст их с немецким переводом и полным критическим аппаратом был опубликован д-ром Максом Саймоном³⁸, с замечательным арабско-греческо-немецким словарем технических терминов, о котором мы уже упоминали выше.

В случае наличия материала интересно сравнить те арабские переводы, которые были сделаны непосредственно с греческого, с теми произведениями, которые сначала были переведены на сирийский. Из нескольких сирийских версий, дошедших до нас, я не могу составить для себя четкого представления, поскольку, к сожалению, не знаком с этим

³⁸ *Sieben Bücher Anatomie des Galen, u. s. w., 2 vols. (Leipzig, 1906).*

языком, однако довольно суровую оценку им дает М. Поньон (M. Pognon), о чьем издании и переводе сирийского варианта «Афоризмов» Гиппократ я уже упоминал³⁹. «Сирийская версия "Афоризмов", содержащаяся в моей рукописи, — пишет он, — представляет собой очень точный или, вернее сказать, слишком точный, перевод греческого текста; иногда, правда, она является дословным переводом, абсолютно лишенным смысла. И это, к сожалению, не позволяет нам составить представление об эпохе, в которой рукопись создавалась, поскольку излишний буквализм, характерный для многих сирийских переводчиков, является недостатком, не позволяющим это сделать».

«Я не могу сказать, — продолжает М. Поньон, — что сирийцы никогда не располагали четкими переводами, написанными надлежащим образом, но в большинстве из этих переводов, дошедших до нас, стиль зачастую невразумительный, структура неточна, а слова часто употреблены в не вполне подходящих значениях, что происходило от желания сирийских переводчиков передать греческий текст слишком точно. Сирийские переводчики, встретив сложный абзац, слишком часто довольствовались заменой каждого греческого слова на сирийское, не пытаясь составить осмысленное предложение. Таким образом, мы обнаруживаем в их переводах множество неверных предложений и даже выражения, начисто лишенные какого-либо смысла. Кратко говоря, я предполагаю, что в случае, когда переводчики не понимали значения греческого слова, они не колеблясь транскрибировали его сирийскими буквами, оставляя читателей строить догадки о значении той околесицы, что они создали». Перевод «Афоризмов», который интересовал его в первую очередь, М. Поньон характеризует как «отвратительный» и добавляет: «Когда переводчик подходит к непонятному для него отрывку, его перевод становится неясным; а когда он встречается отрывок,

³⁹ *Une Version Syriaque des Aphorismes d'Hippocrate, texte et traduction, par M. Pognon, Consul de France a Alep (Leipzig, 1903).*

допускающий несколько различных переводов, то и его перевод можно интерпретировать в нескольких значениях». Этот вывод М. Поньон подтверждает многочисленными примерами.

С другой стороны, арабский ум четок и прямолинеен, а арабский язык выразителен, развит и богат, как на практике, так и в своем потенциале. Древние арабы были проныцательными и наблюдательными людьми, и для всех объектов природы, которые они наблюдали, они имели соответствующие четко различимые слова. Для перевода на арабский язык медицинских трудов греков им, конечно, приходилось во многих случаях изобретать новые термины, буквально переводя или имитируя греческие, и часто их можно понять только со ссылкой на греческие оригиналы; однако арабы уже обладали весьма богатым анатомическим лексиконом, который они, кроме того, охотно использовали в своей повседневной жизни, даже в поэзии.

Так умайядский халиф Иазид ибн 'Абд ал-Малик, который в 105/723-4 г. умирал от любви к наложнице Хаббабе, был глубоко взволнован ее исполнением следующего куплета⁴⁰:

بين التراقى و اللهاة حرارة ما تطمئن و لا تسوغ فتبرد

«Между ключицами и увулой располагается пылающий жар,

Который нельзя унять или проглотить и охладить».

У поэта ал-Мутанаббй (X в.) имеется поэма⁴¹ о лихорадке, которой он заболел в Египте в месяце зу 'л-хиджжа 348 г. (февраль 960 г.) и которая оставила его

علىل الجسم ممتنع القيام شديد السكر من غير المدام

⁴⁰ *Kitab al-Fakhru*, ed. Ahlwardt, p. 155.

⁴¹ Ed. Dieterici, pp. 675-680.

«больным телом, неспособным подняться, неистово опьяневшим (т. е. находящимся в бреду) безо всякого вина».

Поэт сравнивает лихорадку с застенчивой девушкой, которая может видаться с ним только под покровом темноты:

فليس تزرور الا فى الظلام،	و زانرتى كان بها حياء،
فعافتحا و باتت فى عظامى،	بذلت لها المطارف و الحشايا،
فتوسعه بانواع السقام،	يضيق الجلد عن نفسى و عنها،
كانا عاكفان على حرام،	اذا ما فارقتنى غسلتنى،
مدامعها باربعة سجام،	كان الصبح يطردها فتجرى،
مراقبة المشوق المستهام،	اراقب و قتها من غير شوق،
اذا القاك فى الكرب العظام،	و يصدق وعدھا و الصدق شر،

*И это подобно тому, как если бы та, что посещает меня,
Была преисполнена скромности,
Поскольку она не наносит визитов кроме как под покровом
темноты.*

*Я открыто предложил ей мою постель и подушки, Однако
она отказалась от них и провела ночь в моих костях.*

*Моя кожа слишком больна, чтобы вмещать и мое
дыхание, и ее,*

*Поэтому она смягчает ее всевозможными болями. Когда
она покидает меня, то она омывает меня [испаринной]*

Как будто бы мы завершили некое запретное действие.

*Кажется, будто утро уводит ее прочь, И ее слезные
протоки наполнены в своих четырех каналах.*

Я ожидаю время ее [прихода] без желания,

*Но с настороженностью страстно жаждущего
любовника.*

*И она всегда верна своему назначенному времени, но эта
точность есть зло,*

Когда она ввергает тебя в мучительные страдания.

В изумительных образных сравнениях четко отражены расстройства сознания и регулярные ночные приступы лихорадки, дрожь, которая указывает на ее начало, обильное потоотделение, которым она завершается и которое

фантастически сравнено с плачем женщины, вырванной из объятий ее возлюбленного.

То, что в период халифата предполагалось, что каждый образованный человек хоть чуть-чуть интересуется медициной, а также кое-что знает об анатомии, наглядно демонстрируется в удивительной истории о красивой и в то же время талантливой девушке Таваддуд из «Тысячи и одной ночи». Эта девушка была предложена халифу Харуну ар-Рашиду за баснословную цену (10 тысяч *динаров*) ее разорившимся хозяином Абу-л-Хусном, и халиф согласился заплатить эту сумму с условием, что она сможет правильно ответить на любые вопросы, заданные ей самыми эрудированными людьми, в каждой из тех многочисленных областей знаний, в которых, как утверждалось, она преуспевала. Таким образом, самые известные ученые мужи в области теологии, права, толкования Корана, медицины, астрономии, философии, риторики и шахмат по очереди экзаменовали девушку, и в каждом случае она не только давала необходимый ответ на все их вопросы, но и под конец сама задавала каждому из них такой вопрос, на который он не мог ответить. Лэйн (Lane) описывает этот рассказ, составивший шесть из тысячи и одной ночи⁴², как «чрезвычайно утомительный для большинства читателей», однако он крайне ценен как показатель того, что считалось средневековым мусульманином хорошим всесторонним образованием. Экзамен по медицине включал в себя проверку знания общих положений анатомии и психологии, согласно представлениям арабов, правил постановки диагноза по признакам и симптомам, лечения психических заболеваний, основ гигиены, диетологии и пр. Определение количества костей оказалось практически верным, однако представления о количестве кровеносных сосудов были весьма смутными. Что касается разветвлений аорты, говорит Таваддуд, «никто не ведает об этом за исключением Того, Кто создал их, однако

⁴² Ed. Dieterici, pp. 675-680.

говорят, что их число 360» — сакральное число, 12 x 30, которое до сих пор играет важную роль в учениях некоторых мусульманских сект, где оно именуется «числом всех вещей» (عدد كل شيء) по причинам, которые слишком утомительно было бы здесь перечислять.

Я и так уже отнял у вас слишком много времени сегодня, обсуждая эти предварительные положения. В своей следующей лекции я предполагаю повести речь о четырех наиболее значительных из ранних мусульманских авторов в области медицины, сменивших тех, кто работал в данной научной сфере, в эпоху великих переводчиков. Все они происходили из Персии, хотя имена их писали по-арабски; латинские версии основных трудов трех из них, известных в латинской Европе как Разес, Хали Аббас и Авиценна, составили три из наиболее высоко ценимых трактатов по медицине, распространенных в средневековой Европе.

ЛЕКЦИЯ 2

РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ — ПРАКТИКОВАЛИ ЛИ АРАБЫ ВСКРЫТИЕ — ЧЕТЫРЕ РАННИХ ПЕРСИДСКИХ АВТОРА В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ: 1) 'Али ибн Раббан; 2) Абу Бакр Мухаммад ибн Закарийя ар-Рази; 3) 'Али ибн ал-'Аббас ал-Маджуси; 4) Абу 'Али Хусайн ибн Сйна (Авиценна)

В своей последней лекции я проследил развитие так называемой арабской медицины вплоть до IX в. н. э. — эпохи великих переводчиков раннего 'аббасидского периода — и продемонстрировал, как благодаря их стараниям и эрудиции мусульманскому миру стали доступны учения наиболее выдающихся врачей Древней Греции, прежде всего Гиппократ, Гален, Орибасий, Руфус Эфесский и Павл Эгинский. Сейчас мы должны перейти к независимым арабским авторам работ по медицине, которые, начиная именно с этих основ, написали более или менее подлинные труды, состоящие в большей или меньшей степени из их собственных наблюдений, и упорядочили их по собственному замыслу. Широта рассматриваемого сюжета, однако, обязывает меня достаточно строго придерживаться региональных, временных и тематических рамок, следовательно, я ограничу себя двумя столетиями, непосредственно следующими за «Золотым веком», который датируется 750-850 гг. н. э., а также восточными территориями халифата, главным образом Персией. Далее я буду рассматривать мнения четырех или пяти основных авторов медицинских сочинений этого ограниченного мною периода и, как правило, только одной из работ каждого. При подобных ограничениях возможно дать лишь частичный и поверхностный обзор сюжета, ибо вся совокупность лекций несомненно могла быть посвящена единственному разделу любой одной работы, которую я сегодня намерен лишь кратко обсудить.

Тем не менее перед тем как приступить к дальнейшему изложению, необходимо сказать несколько слов об одной-двух проблемах, имеющих значение, прежде всего, относительно эволюции арабской научной терминологии. Как мы уже увидели, сирийцы были склонны переводить греческие слова так, как они располагались, без какой бы то ни было попытки к их разъяснению, оставляя читателю возможность извлечь из этого все, что можно, самостоятельно. Средневековые переводчики с арабского языка на латынь поступали подобным же образом, и *Канун* Авиценны переполнен варваризмами, которые не только являются транскрипциями, но и во многих случаях практически не поддаются распознаванию, поскольку представляют собой ошибочные транскрипции арабских слов. Таким образом, «копчик» называется по-арабски *ус* 'ус (عُضْفُصْ) или, с определенным артиклем, — *ал- ус* ус (الْعُضْفُصْ), и это слово в латинской транскрипции предстает как *alhosos* \ *ал-катан* (القطن) — «поясничной отдел» — предстает как *alchatim*; *ал- 'аджуз*, или *ал- 'аджиз* (العجز), — «крестец» — часто предстает как *alhauis* или *al-hagiazr*, *ан-наваджиз* (النواجد) — «зуб мудрости» — как *nuaged* или *negnegidi*. Десятки примеров подобных уродств можно подобрать в книге д-ра Гиртля (Hyrthl) *Das Arabische und Hebraische in der Anatomie* (Вена, 1879), и необходимо признать, что арабы так же, но в меньшей степени, были виновны в подобных искажениях греческих слов, как, например, в преобразовании *ἀμφίς* в *анфас* (أنفس), и в результате это слово, в свою очередь, в латино- варварской передаче превратилось в *abgas*.

Несмотря на тот факт, что арабский язык почти полностью лишен возможностей, которыми обладает греческий в образовании сложных слов для выражения новых и сложных понятий, в целом арабы достигли значительного успеха в перефразировании специальной греческой терминологии. Диагноз хорошо переводится словом *таихис*, которое главным образом означает «установление личности (шахс)»; прогноз довольно громоздко переводится словосочетанием

такдимат ал-ма 'рифати, что буквально означает «выдвижение вперед знания». В самых ранних арабских книгах по медицине, таких как *Фирдавс ал-хикмат*, или «Рай мудрости», о которой я буду говорить непосредственно, появились странные сирийско-персидские слова, вероятно, заимствованные из словаря школы Джундй-Шапур и впоследствии замененные хорошими арабскими эквивалентами. Таким образом, в едва ли не уникальной рукописи вышеупомянутой работы дважды встречается слово для обозначения головной боли, поражающей всю голову (в качестве противопоставления слову *шакйка*, обозначающему гемикранию, или мигрень), ошибочно написанное в обоих случаях (в одном случае — как *سنوريا*, в другом — как *سورتا*). Это слово только после многочисленных исследований сирийских ученых было определено как сирийское *санварта*, являющееся персидским словом с исходным значением «шлем». В действительности это слово — несомненно персидское *сар-банд* (*سَرَبَند*) или *сар-ванд* с перестановкой букв *р* и *н* (*сан-вард* вместо *сар-ванд*) и добавлением сирийской конечной эмфатической буквы *а*. Это может служить примером лишь одной из проблем, с которыми может столкнуться читатель, переводчик или, более того, редактор старинных арабских трудов по медицине.

С другой стороны, кроме довольно большого анатомического, физиологического и медицинского лексикона, принадлежащего собственно арабскому языку, в этом языке заложен огромный потенциал для формирования от существующих корней многозначных производных слов, которые, будучи образованными, сразу же становятся понятными. Так, в арабском языке существует специальная форма для «имени боли», в котором за первой корневой буквой следует краткий гласный *у*, а за второй корневой идет долгий *а* (эта форма известна арабским грамматистам как *فُعَال*, *фу'ал*). Именно эту форму приняли названия многих болезней и недугов, такие как *суда* (*صُدَاع*) «острая головная боль», *soda* на латино-варварском; *зукам* (*زُكَام*) — «катар»;

джузам (جُذَام) — «элефантиаз» и т. д. По этой аналогии мы получаем от корня *давр* (دَوَّر) «вращение» — слово *дувар* (دَوَّار) — «головокружение»; от *бахр* (بَحْر) — «море» — *бухар* (بُحَّار) — «морская болезнь»; *отхамр* (خَمَر) — «вино» — *хумар* (خُمَّار) — «головная боль, проистекающая от чрезмерного потребления вина» и т. д. Я никогда не встречал слово *джубал* (جُبَّال), от *джабал* (جَبَل) — «гора», но если бы я встретил его, то понял, что оно не может означать ничего иного, как «горная болезнь». В других случаях специальный арабский термин подразумевает некую патологическую теорию, как, например, формы *истиска* (اِسْتِشْقَاءُ), *мустаскй* (مُسْتَشْقَى), которые являются, соответственно, отглагольным именем и действительным причастием десятой или дезидеративной породы, спряжением корня *сака*, *йаскй* (يَسْقَى سَقَى) — «поить», и в обычном языке означают «желание пить» и «желающий пить», однако в медицине они имеют значения «водянка» и «страдающий водянкой». Таким образом, оказывается несомненным то, что арабский язык в целом хорошо приспособлен для образования подходящей специальной терминологии, которой он фактически обеспечил весь мусульманский мир, независимо от того, говорят ли его обитатели на арабском, персидском, турецком или урду. Данную терминологию, по свидетельству современной египетской прессы, арабский язык продолжает вырабатывать в настоящее время.

Еще одна проблема, заслуживающая краткого рассмотрения, — это вопрос о том, практиковалось ли мусульманами анатомирование. Обычно дается отрицательный ответ, и я должен признать, что склоняюсь к этой позиции; но в необъятном, незаконченном современном персидском биографическом словаре, озаглавленном *Нама-и данишваран* («Книга ученых»), составленном по приказу покойного Насир ад-Дин-шаха четырьмя учеными, а именно врачом Мирзой Абу ал-Фадлем из Сава, Шайхом Мухаммадом Махди 'Абд ар-Рабб-абадй, прозванным *Шамс ал-'Улама*, Мйрзой Хасан-и Талаканй, прозванным *Адйбоы*, и Мйрзой 'Абд ал-Ваххабом ибн 'Абд ал-'Алй из Казвйна, и литографированном в Тихране,

утверждается⁴³, что знаменитый Йуханна ибн Масавайх, не имея возможности получить человеческие трупы, вскрывал обезьян в особой анатомической комнате, которую он построил на берегах Тигра, и примерно в 836 г. н. э. по приказу халифа ал-Му'тасима правитель Нубии снабдил его тем специфическим видом обезьян, которые имеют наибольшее сходство с человеком. Эта история приводится по утверждению Ибн Абй Усайби'а, в сочинении которого «Разряды врачей» она содержится в менее ясной и подробной форме. Однако данную историю невозможно обнаружить в «Истории мудрецов»⁴⁴ ал-Кифтй, и я опасаясь, что ее нельзя рассматривать в качестве веского доказательства существования практики анатомирования в средневековых школах арабов. Этот Йуханна ибн Масавайх отличался недобрым нравом и острым языком. Согласно *Фихри-сту*, однажды он сказал некоему придворному, который ему докучал: «Если невежество, которым ты страдаешь, превратилось бы в разум, а затем разделилось бы среди тысячи жуков, каждый из них стал бы мудрее, чем Аристотель!»

Возвращаясь к средневековым авторам, о которых я намерен вести разговор сегодня, необходимо отметить, что самым старшим среди них является 'Алй ибн Раббан из Табаристана, персидской провинции на южном побережье Каспийского моря. Раббан было прозвищем, а не именем отца, как сам автор объясняет в начале своей книги.

«Мой отец, — пишет он, — был сыном некого переписчика в городе Мерве... который обладал большим усердием в поиске добродетели... и стремился извлечь пользу из книг по медицине и философии, предпочитая медицину профессии своих предков. При этом его целью было не столько добиться похвалы и выгоды, сколько привести себя в соответствие Божественным атрибутам и таким образом заслужить уважение людей. Посему он получил прозвище Раббан,

⁴³ Vol. II, pp. 37-38.

⁴⁴ Vol. I, p. 178 of the Cairo ed.

которое, будучи переведенным, имеет значение «наш господин» или «наш учитель».

Исходя из данного прозвища мы можем сделать вывод, что отец нашего автора был христианином или евреем. И действительно, кратко упоминающий о нем ал-Кифтй⁴⁵ говорит, что тот исповедовал иудаизм и что собственное имя отца 'Али ибн Раббана было Сахл, а сын стал исповедовать Ислам только после того, как поступил на службу к халифу ал-Мутаваккилю. До этого он был секретарем у известного Мазйара из благородного персидского рода Карен, который восстал против халифа, надеясь освободить свою страну от арабского ига, и в конечном итоге был схвачен и распят в Багдаде рядом с ересиархом Бабаком. 'Али ибн Раббан впоследствии поступил на службу к халифу и наконец, на третьем году правления последнего (850 г. н. э.), после преодоления многочисленных препятствий, успешно завершил свое сочинение по медицине и физике, над которым он долго трудился и которое называл *Фирдавс ал-хикмат* («Рай мудрости»). Это почти все, что известно о жизни 'Али ибн Раббана, за исключением того, что очевидно исходя из пояснения, приведенного в его книге⁴⁶, а именно— его хорошего знания гор и туманов Табаристана, что подразумевает его *нисба*; но более важным является тот факт, что он был одним из учителей великого врача ар-Разй, или Разеса, и именно этот факт сам по себе привлекает к его книге значительный интерес. Согласно *Фихристу*⁴⁷, он написал лишь 4 книги, наиболее важной из которых является «Рай мудрости». Вероятно, одно время эту книгу хорошо знали и высоко ценили, поскольку, как нам известно из «Словаря ученых»⁴⁸ Иакута, великий историк Мухаммад ибн Джарйр ат-Табарй читал ее, лежа больной в постели; в то время как в другом отрывке этого же сочинения⁴⁹, где порицается

⁴⁵ P. 231.

⁴⁶ Brit. Mus. ms. Arundel, op. 41, f. 15a.

⁴⁷ P. 296.

⁴⁸ «E.J.W. Gibb Memorial» Series, VI, 6, p. 429.

⁴⁹ «E.J.W. Gibb Memorial» Series, VI, 2, p. 279.

выдающийся покровитель литературы *сахиб* Исма'йл ибн 'Аббад за то, что мнит себя выше авторов всех самых значительных произведений по каждому виду наук и искусств. *Фирдавс*, или «Рай», 'Алй ибн Раббана⁵⁰ упоминается как раз среди этих произведений. Впоследствии интерес к этой книге, как и ко множеству других драгоценных арабских работ, угас, и в настоящее время, насколько я могу быть уверенным, существует лишь две ее рукописи: одна — это высококачественный старинный экземпляр (*Arundel, op. 41*), хранящийся в Британском музее, который я сфотографировал для личного пользования, другая (*Landberg, 266*) находится в Берлине, но этот экземпляр, насколько я смог узнать, вероятно, является кратким изложением сочинения или, по крайней мере, содержит несколько искаженный или сокращенный текст.

«Рай мудрости», который я надеюсь однажды подготовить к изданию и, возможно, перевести, главным образом рассматривает вопросы медицины, а также до некоторой степени и философии, метеорологии, зоологии, эмбриологии, психологии и астрономии. Данное сочинение является книгой среднего объема, содержащей примерно 550 страниц и разделенной на 7 частей (*нав'*), 30 бесед (*макала*) и 360 глав. Автор упоминает в качестве своих основных источников работы Гиппократ, Аристотеля, Галена, Иуханна ибн Масавайха (Месуе) и Хунайна-переводчика, т. е. Хунайна ибн Исхака — средневекового Иоаннития. Четвертая и последняя «Беседа» седьмой части содержит в 36 главах краткий свод положений индийской медицины. Было бы весьма утомительно, если бы я зачитал выдержку из содержания книги, сделанную мной, и автор тоже не выступил бы в поддержку подобного занятия, поскольку он говорит:

«Тот, кто серьезно раздумывает над этой книгой, подобен блуждающему по плодородным и прекрасным садам или же

⁵⁰ В тексте ошибочно написано (*Зайн*) вместо (*Раббан*).

по базарам больших городов, где каждому из его чувств доставляется удовольствие и наслаждение. Однако именно тот, кто ограничивает свое знание об этих садах и городах созерцанием их ворот, подобен не видящему их, так и тот, кто перечисляет главы моей книги без внимательного прочтения каждой из них, не понимает истинного значения моих слов... Но тот, кто справляется с этой книгой и полностью понимает и обдумывает ее, обнаружит в ней большую часть того, что необходимо знать юному выпускнику о медицинской науке, и описание действия естественных сил в этом микрокосме, а также в макрокосме».

Возможно, необходимо оправдать перевод в приведенном отрывке арабского слова *мутахарридж* в его современном значении как «выпускник», которое может показаться слишком однозначным переводом слова, подразумевающим человека, который ушел или был выпущен из школы или колледжа, где завершил свое обучение. Следует отметить, что квалификационные экзамены, если они еще не существовали в 850 г. н. э., когда писал наш автор, были введены 80 лет спустя, во время правления халифа ал-Муктадира, из-за случая преступной небрежности врача, о которой ему стало известно в 931 г. н. э. Вследствие этого, как сообщает нам ал-Кифти⁵¹, халиф издал приказ, согласно которому никто не имеет права заниматься медицинской практикой в Багдаде до тех пор, пока не сможет убедить Синана ибн Сабита из Харрана в своих знаниях и опытности, за исключением нескольких врачей, обладавших общепризнанным положением и благодаря своей известности освобожденных от прохождения этого испытания, которому пришлось покориться остальным (их было приблизительно 860 человек). То, что экзамены не всегда проводились тщательным образом, показывает следующий случай. Среди практикующих врачей, представших перед Синаном, был величественный и хорошо одетый старец внушительной

⁵¹ Ta'rikhu'-l-Hukama, pp. 191-192.

наружности. Синан проявил к этому человеку соответствующее внимание и уважение и обратился к нему с различными замечаниями, а когда прогнали других кандидатов, он сказал: «Я бы хотел услышать от шейха (наставника) что-либо, что я могу запомнить от него, и поэтому ему следует упомянуть того, кто был его учителем врачевания». Вслед за тем старец положил перед Синаном мешок с деньгами и сказал: «Я плохо умею читать и писать и не прочитал ничего систематично, но у меня есть семья, которую я содержу своим трудом, в который, следовательно, я умоляю тебя не вмешиваться». Синан рассмеялся и ответил: «При условии, что ты не будешь лечить пациентов тем, о чем ты не знаешь, и не будешь прописывать кровопускание или слабительное лекарство в случае простых заболеваний». — «Это, — сказал старец, — было занятием всей моей жизни, и я никогда не позволял себе ничего кроме *сиркан-габина* (уксус с медом) и *джуллаба* (ялапа)». На следующий день среди представших пред Синаном оказался хорошо одетый юноша, приятный и разумный на вид. «У кого ты учишься?» — осведомился Синан. «У моего отца», — ответил юноша. «А кто твой отец?» — спросил у него Синан. «Пожилой господин, который был у тебя вчера» — ответил тот. «Прекрасный пожилой господин! — воскликнул Синан, — и ты следуешь его методам? Да? Тогда следи за тем, чтобы не идти дальше них!»

Хотя, как я уже сказал, подробное изложение содержания книги «Рай мудрости» пришлось бы не к месту, общий план книги все же может быть приведен.

Часть I, в которой говорится о некоторых общих философских понятиях, о категориях, природах, элементах, видоизменении, возникновении и распаде.

Часть II, в которой говорится об эмбриологии, беременности, функциях и строении различных органов, поколениях и периодах, психологии, внешних и внутренних чувствах, темпераментах и эмоциях, личных особенностях характера, некоторых заболеваниях нервной системы

(столбняк, онемелость, дрожь, ночные кошмары и т. д.), сглазе, гигиене и диетологии.

Часть III, в которой говорится о питании и диетологии.

Часть IV (самая длинная, состоящая из 12 рассуждений), в которой говорится об общей и специальной патологии от головы до ног. Эта часть завершается подсчетом количества мышц, нервов и вен, результатами исследований кровопускания, пульса и анализа мочи.

Часть V, в которой говорится о вкусах, запахах и цветах.

Часть VI, в которой говорится о лекарственных веществах и токсикологии.

Часть VII, в которой говорится о климате, водах и временах года в их отношении к здоровью, основных принципах космографии и астрономии, пользе науки и медицины. Эта глава завершается кратким сводом положений индийской медицины в 36 главах.

Необходимо обратить внимание на следующее: книга содержит очень мало сведений по анатомии и хирургии, в ней слишком много разделов посвящено климату, питанию и лекарствам, включая яды. Часть IV, с описаниями патологии, является наиболее интересной в целом, и я позволю себе в более полной форме привести 12 рассуждений, которые входят в состав этой части.

Рассуждение 1 (9 глав) об общей патологии, признаках и симптомах внутренних расстройств и правилах терапии.

Рассуждение 2 (14 глав) о заболеваниях и ушибах головы, заболеваниях мозга, включая эпилепсию, различные виды головной боли, звон в ушах, головокружение, потерю памяти и ночные кошмары.

Рассуждение 3 (12 глав) о заболеваниях глаз и век, ушей и носа (включая носовое кровотечение, катар), лица, рта и зубов.

Рассуждение 4 (7 глав) о заболеваниях нервной системы, включая судороги, столбняк, паралич, лицевой паралич.

Рассуждение 5 (7 глав) о заболеваниях горла, грудной клетки и голосовых органов, включая астму.

Рассуждение 6 (6 глав) о заболеваниях желудка, включая икоту.

Рассуждение 7 (5 глав) о заболеваниях печени, включая водянку.

Рассуждение 8 (14 глав) о заболеваниях сердца, легких, желчного пузыря и селезенки.

Рассуждение 9 (19 глав) о заболеваниях кишечника (особенно коликах) и мочеполовых органов.

Рассуждение 10 (26 глав) о лихорадках — эфемерной, гектической, постоянной, трехдневной, четырехдневной и получетырехдневной; о плеврите, рожистом воспалении и оспе; о переломах (кризисах) в ходе болезни, прогнозе, благоприятных и неблагоприятных симптомах и признаках смерти.

Рассуждение 11 (13 глав) о ревматизме, подагре, ишиасе, проказе, элевфантиазе, золотухе, волчанке, раке, опухолях, гангрене, ранах, ушибах, шоковом состоянии и чуме. Последние 4 главы посвящены вопросам анатомии, в том числе подсчету мышц, нервов и кровеносных сосудов.

Рассуждение 12 (20 глав) о кровопускании, применении банок, ванн и показаниях для применения данных средств на основании данных оценки пульса и анализа мочи.

Часть IV составляет приблизительно две пятых всей книги и содержит 152 главы. Каждая глава, таким образом, очень короткая, в основном меньше одной страницы, в редком случае превышает две. Она представляет собой слабую попытку выйти за пределы основных признаков и симптомов каждого заболевания и рекомендуемого лечения, и, насколько я понял, в ней отсутствуют ссылки на действительные случаи или истории болезни. Эта книга, за исключением части I, касающейся общих философских концепций и содержащей некоторые интересные понятия относительно возникновения четырех элементов (земли, воздуха, огня и воды) из четырех природ (горячей, холодной, сухой и влажной) и их видоизменения (استحالة), — в действительности не более чем карманный справочник практикующего врача, по большей

части интересный как одна из ранних, сохранившихся до нашего времени независимых медицинских работ на арабском языке, написанная учителем великого врача, к которому мы должны сейчас обратиться.

Абу Бакр Мухаммад ибн Закарийя из Рея, прозванный на арабском языке ар-Разй, а средневековыми латинскими учеными — Разесом, был, вероятно, величайшим и наиболее оригинально мыслящим среди всех мусульманских врачей, а также одним из самых плодовитых авторов. Его родина — город Рей, расположенный в нескольких милях от Тегерана, современной столицы Персии, был одним из самых древних персидских городов, упомянутых в Авесте⁵² как «Рага трех племен» — двенадцатая из плодородных земель, сотворенных Ахура Маздой. В молодости его интересовала главным образом музыка, он превосходно играл на лютне. Впоследствии Рази обратился к философии, но, по утверждению Кадй Са'йда⁵³, «он не вникал в метафизику и не понимал ее предельную цель, так что собственные суждения давались ему с трудом и он перенимал недоказуемые суждения, поддерживал нежелательные [т. е. еретические] учения и осуждал людей, которых не понимал и чьих методов не придерживался». Здесь он выступает как яркая противоположность Авиценны, о котором мы вскоре поговорим, поскольку Авиценна был скорее философом, чем врачом, а Разй — врачом, нежели философом.

Как сообщает нам Ибн Абй Усайби'а, Разй провел большую часть своей жизни в Персии, потому что это была его родная страна и потому что там жили его брат и другие родственники. Интерес Разй к медицине возрос, когда он уже был человеком зрелого возраста, благодаря посещениям больницы и беседам со служившим там старым аптекарем. В конечном счете Разй стал главным врачом в госпитале Рея и постоянно лечил там больных в окружении своих учеников и учеников его учеников. Каждый пациент, показывавшийся

⁵² Vendidad, Fragard ii, v. 16.

⁵³ Ibn Abi Usaybi'a, i, p. 310.

ему, вначале осматривался последними — медицинскими сотрудниками, как бы мы сказали сегодня, и если случай оказывался слишком сложным для него, то он переходил к непосредственным ученикам наставника и, наконец, в случае необходимости — к нему самому. Позднее Разй получил должность главного врача в крупной больнице Багдада, относительно создания которой, как говорят, с ним советовались. Когда его попросили выбрать наиболее подходящее место, он, говорят, велел развесить куски мяса в различных кварталах города и выбрал то место, где они медленнее всего проявляли признаки разложения. Во время своего пребывания в Персии Разй пользовался дружеским расположением и покровительством Мансура ибн Исхака, правителя Хурасана, для которого он написал свою *ал-Китаб ал-Мансурй* («Мансурову книгу»). Хронология жизни Разй остается довольно неясной, поскольку даже дата, отнесенная к его смерти, расходится между 903 и 923 гг. н. э.⁵⁴, однако некоторые авторы⁵⁵ связывают его с великим бувайхидским правителем 'Адуд ад-Давла, царствовавшим с 949 по 982 г. н. э. и основавшим в конце своего царствования *Бймаристан ал-'Адудй*, или «Больницу 'Адудй», место для которой приказали выбрать Разй, как было описано выше.

Во всех сообщениях о Разй имеет место одна подробность: к концу своей жизни он ослеп из-за катаракты, поскольку отказался перенести операцию на том основании, что не желает больше видеть мир, который его разочаровал и вызвал к себе отвращение. Косвенной причиной слепоты Разй, как было установлено в дальнейшем, явилось увлечение алхимией, о которой, насколько нам известно из перечня сочинений, составленного ал-Кифтй, он написал 12 трактатов. Один из них Разй посвятил и преподнес некоему вельможе, который щедро наградил его, а затем велел ему применить научные знания в изготовлении золота на

⁵⁴ Ibn Abi Usaybi'a, i, p. 314.

⁵⁵ Там же, p. 309-310, но автор выражает справедливое мнение, что Разй жил раньше 'Адуд ад-Давла, и больница, с которой он был связан, стала называться 'Адудй лишь в более поздний период.

практике. Разй приводил различные отговорки, оказываясь от этого эксперимента, вследствие чего вельможа вышел из себя, обвинив Разй в мошенничестве и шарлатанстве, и нанес ему удар по голове, явившийся причиной возникновения слепоты. Одни авторы утверждают, что Разй был тайно задушен за свою неудачу, в то время как другие приписывают его слепоту чрезмерному употреблению в пищу бобов, которые он очень любил. Короче говоря, биографы Разй стремились вознаградить нас за скудные и противоречивые подробности его деятельности, предлагая нашему вниманию такие же необычные истории, что скопились вокруг средневековых физиков в Европе, где каждый переступивший пределы своего возраста человек, изучавший науку, подозревался в колдовстве.

Когда мы обращаемся к сочинениям Разй, мы оказываемся, тем не менее, на более верном пути, поскольку нет причин сомневаться в точности их перечня, предложенного тремя заслуживающими наибольшего доверия биографами. Считается, что этот перечень основан на личных записях и утверждениях самого автора. *Фихрист* — наш самый древний авторитетный источник — насчитывает 113 основных и 28 менее значительных работ, написанных Разй, помимо двух стихотворений. Большая их часть не сохранилась, но тех сочинений, что остались, вполне достаточно, чтобы позволить нам оценить его эрудицию, хотя все они, за небольшим исключением, доступны лишь в рукописях. Среди многочисленных монографий Разй наиболее знаменитой в Европе является трактат об оспе и кори, впервые опубликованный на исходном арабском языке с латинским переводом Ченнинга (Channing) (Лондон, 1766). Первый латинский перевод этой монографии появился еще в 1565 г. в Венеции, а версия на английском языке, выполненная Гринхиллом (Greenhill), была издана Сиденхемским обществом (Sydenham) в 1848 г.

Этот трактат был прежде известен как *de Peste*, или *de Pestilentia* («Об оспе и кори»), и, как говорит о нем Ной-

бургер⁵⁶, «В любом отношении справедливо он считается украшением медицинской литературы арабов. Он имеет огромное значение в истории эпидемиологии, как самая ранняя монография по оспе, и показывает нам Разеса как добросовестного практикующего врача, почти свободного от догматических предрассудков, следующего по стопам Гиппократов».

Еще одна монография Рази о камнях в желчном пузыре и почках издана на языке оригинала с французским переводом (Лейден, 1896) доктором П. де Конингом, который также издал текст и перевод анатомической части *Китаб ал-Хавй*, или *Continens* («Всеобъемлющая книга»), вместе с соответствующей частью из *Китабу ал-Маликй*, или *Liber Regius* («Царская книга») 'Алй ибн ал-'Аббаса и *Кануном* Авиценны. Штайншнайдеру мы благодарны за немецкий перевод других трактатов Разй, особенно за перевод его занимательного сочинения об успехе шарлатанов и знахарей в достижении популярности, которой часто не хватает знающим и получившим должное образование врачам⁵⁷.

Другую неизданную монографию Разй можно найти в различных публичных библиотеках в Европе и на Востоке. Так, рукопись (*Add. 3516*), недавно приобретенная библиотекой Кембриджского университета, содержит трактат о подагре и ревматизме⁵⁸ и трактат о колике⁵⁹, упомянутые ал-Кифтй.

Кроме многочисленных монографий Разй написал примерно полдюжину общих трудов по медицине, а именно *Джамии* или «Сборник», *Кафй*, или «Достаточный», малый и большой *Мадхал*, или «Введение», *Малукй*, или «Царский», составленный для правителя Табаристана 'Алй ибн Вех-Судхана, *Фахир*, или «Великолепный» (авторство которого, однако, остается неясным), и последний, но не наименьший *Мансурй*, или «Мансурова книга», латинский

⁵⁶ Ernest Playfair's translation, vol. 1, p. 362.

⁵⁷ Virchow's Archive, vol. XXXVI, p. 570-586.

⁵⁸ Ff. 110-142.

⁵⁹ Ff. 48-62.

перевод которой был издан в 1489 г., и *Хавй*, или «Всеобъемлющая книга», латинский перевод которой был издан в 1486 г. в Бреши, а в 1542 г. — в Венеции. Этот перевод очень редкий, и единственный кембриджский экземпляр находится в Библиотеке королевского колледжа⁶⁰. Именно о *Хавй*, или «Всеобъемлющей книге» я намерен говорить, поскольку это самое объемное и важное из сочинений Разй.

К сожалению, изучение *Хавй* связано со специфическими сложностями. Эта работа не только никогда не была издана в оригинале, но даже не имеет полной рукописи, и, исходя из знаний, которыми я располагаю, я сомневаюсь в том, что в настоящее время вообще существует больше половины этого огромного сочинения, в то время как сохранившиеся тома разошлись по разным местам: 3 тома в Британском музее, 3 — в Бодлеанской библиотеке, 4 или 5 — в Эскориале, остальные находятся в Мюнхене и России, а несколько сокращенных текстов — в Берлине. Более того, некоторая неопределенность существует и в отношении количества и содержания томов, которые содержит данная работа, поскольку в то время как *Фихрист*⁶¹ насчитывает только 12 томов, латинский перевод состоит из 25, а также отсутствует какое-либо соответствие содержания расположению текста. Эта путаница возникла частично из-за того, что *Хавй* было посмертным произведением, составленным уже после смерти Разй его учениками из неоконченных заметок и бумаг, оставшихся после него, и этой работе не хватает единства плана и завершающих штрихов, которые могла придать произведению лишь рука автора, и частично из-за того, что название *Хавй*, вероятно, иногда применялось к другим крупным работам Разй. К тому же, *Хавй* пугал многих прилежных переписчиков своим невероятным размером и множеством содержащихся в нем подробностей и не был доступен никому кроме самых богатых библиофилов, поэтому 'Алй ибн ал-'Аббас, о котором я снова скажу и

⁶⁰ Его классификационная отметка — XV. 4. 2.

⁶¹ Р. 300.

который писал лишь 50 или 60 лет после смерти Разй, сообщает, что в его время ему были известны только две завершённые рукописи⁶².

С какого оригинала был выполнен латинский перевод, существует ли сейчас оригинал и где — мы к сожалению не знаем, поскольку средневековые переводчики не снизошли упомянуть о таких деталях. Столкнувшись с этими трудностями, все, что я смог сделать, — это поверхностно проверить полдесятка томов в Британском музее и Бодлеанской библиотеке. Самым интересным из этих томов оказался зарегистрированный под шифром *Marsh 156*, находившийся в последней библиотеке, в особенности листы с 239b по 245b, с которых я получил фотоснимки благодаря любезности доктора Каули (Cowley) и профессора Маргулиуса.

Я уже сказал, и это действительно общепризнанно всеми авторитетными исследователями данного вопроса, что Разй превосходил своих коллег именно как клинический наблюдатель; и поскольку клинические заметки старых «арабских» врачей представляют гораздо больший интерес и имеют большее значение, чем их труды по физиологии и патологии или пособия по анатомии, тщательное изучение работ Разй, особенно его великого произведения *Хавй* («Всеобъемлющая книга»), является, вероятно, наиболее благодатной почвой, на которой могут просветить себя арабские ученые, интересующиеся медициной. Некоторые наиболее известные и поразительные случаи из его практики записаны в таких собраниях коротких рассказов, как арабский сборник *Китаб ал-Фарадж ба'д аш-Шидда* («Книга об облегчении после страдания») ат-Танухй (ум. в 994 г. н. э.) и персидский сборник *Чахар макала* («Четыре беседы»), составленный Низамй-и 'Арудй из Самарканда примерно в 1155 г. н. э. Ибн Абй Усайби'а в своем сочинении «Разряды врачей»⁶³ говорит: «Существует множество отчетов и

⁶² Kamilu 's-Sina 'at (=al-Kitabu Ч-Maliki), Cairo ed. 1294/1877 г., vol. I, pp. 5-6.

⁶³ Vol. I, p. 311.

различных наблюдений Разй, свидетельствующих о том, чего он достиг благодаря своему мастерству в искусстве врачевания, благодаря своим уникальным достижениям в исцелении больных, способности делать выводы исходя из их состояния посредством умения прогнозировать и благодаря сведениям, которые он сообщал относительно их симптомов и лечения. Подобных успехов достигли лишь немногие врачи. Он может изложить множество фактов о том, что случилось в период его практики по тем или иным вопросам, содержащимся во многих его работах».

Теперь десяток страниц Бодлеанской рукописи, относящихся к вышесказанному (предположительно являющиеся томом 7 *Хавй*, но лучше сойтись на томе 17 латинского перевода⁶⁴), содержит именно такие клинические заметки, о каких говорит Ибн Абй Усайби'а. Они озаглавлены так: «Пояснительные отчеты о пациентах и изложение фактов о необычных историях болезни, в которых мы сомневались». Записано 24 случая с указанием полных имен пациентов, симптомов, лечения и результатов. Арабский текст, представленный всего лишь одной рукописью, довольно сложен для понимания, а стиль, не говоря уж о явных ошибках переписчика, неразборчив и специфичен.

Первая история болезни, которую я перевожу так, как в состоянии это сделать, может служить наглядным примером.

⁶⁴ Книга VII латинского перевода озаглавлена *De passionibus cordis et epatis et splenis*; книга XVII *De effimera et ethica* (? *hectica*).

كان يأتي عبد الله بن سواده حميات مخلطة تنوب مرة في ستة أيام و مرة غب و مرة كل يوم و يتقدمها نافض يسير و كان يبول مرات كثيرة و حكمت أنه لا يخلو أن تكون هذه الحميات تُريد أن تنقلب ربعاً و أما أن يكون به خراج في كلاء فلم يلبث الا مديدة حتى بال مدة أعلمته أنه لا يعاود هذه الحميات و كان كذلك و انما صدني في أول الأمر عن آبت القول بأن به خراجاً في كلاء أنه كان يحم قبل ذلك حمى غب و حميات أخر فكان للظن بأن تلك الحمى المخلطة من احتراقات تُريد أن تصير ربعاً موضعاً اقوى و لم يشك الى أن قطنه شبه ثقل معلق منه اذا قام و أغفلت أنا ايضاً أن أسئله عنه و قد كان كثرة البول يقوى ظني بالخراج في الكلى الا أنني كنت لا أعلم أن أباه ايضاً ضعيف المثانة يعتريه هذا الداء و هو ايضاً قد كان يعتريه في صحته فينبغي أن لا يفعل بعد ذلك غاية التقضي ان شاء الله و أما بال المدة اكبت عليه بما يدر البول حتى صفا البول من المدة ثم سقيته بعد ذلك الطين المختوم و الكندر و دم الأخوين و تخلص من علته و برأ برواً تاماً سريعاً في نحو من شهرين و كان الخراج صغيراً و دلني على ذلك أنه لم يشك الى ابتداء ثقل في قطنه لكن بعد أن بال مدة قلت له كنت تجد ذلك قال نعم فلو كان كثيراً لقد كان يشكو ذلك و ان المدة تُنبئ سريعاً تدل على صغر الخراج فأما غيري من الاطباء فأنهم كانوا بعد أن بال مدة ايضاً لا يعلمون حالته البتة

«Абд Аллах ибн Савада страдал от припадков смешанной лихорадки, иногда ежедневной, иногда трехдневной, иногда четырехдневной и иногда возвращающейся раз в 6 дней. Этим припадкам предшествовал слабый озноб, а мочеиспускание было весьма частым. Я высказал мнение, что либо эти приступы лихорадки обратятся в четырехдневную форму, либо это следствие образования почечных язв. Прошел лишь небольшой промежуток времени, прежде чем у пациента в моче оказался гной. Вслед за этим я сообщил ему, что лихорадочные приступы не возвратятся. Так и произошло.

Единственное, что удержало меня вначале от точного заключения, что пациент страдал от язв в почках, определилось тем, что до этого он страдал от трехдневной и других смешанных типов лихорадки, и это до некоторой степени подтвердило мое подозрение, что эта смешанная лихорадка, возможно, возникла вследствие воспалительных

процессов и склонялась к превращению в четырехдневную, когда эти процессы усилились.

Более того, пациент не жаловался мне на тяжесть в пояснице, когда он вставал, и я не посчитал нужным спросить его об этом. Частое мочеиспускание также усилило мое подозрение на образование язв в почках, но я не знал, что отец пациента страдал от слабости желчного пузыря и был подвержен этому недугу. Эта болезнь также поразила его, когда он был здоров⁶⁵, и с этого времени ей не следовало воздействовать на него до конца его жизни, если пожелает Господь.

Итак, со дня, когда пациент обнаружил гной, я снабжал его мочегонным средством до тех пор, пока его моча не стала чистой от гноя, после чего я лечил его с использованием болюса (*terra sigillata*), *Boswellia thurifera* и драконьей крови, в результате болезнь ушла от него и он был быстро и полностью исцелен примерно за 2 месяца. На то, что язвы были незначительными, мне указал тот факт, что пациент не пожаловался мне сначала на тяжесть в пояснице. После того, как он обнаружил гной, я, тем не менее, спросил его, обнаруживал ли он этот симптом ранее, и он ответил утвердительно. Если бы язвы были обширными, он добровольно пожаловался бы мне на этот симптом. И то, что гной был быстро удален, послужило признаком ограниченного распространения язв. Другие врачи, с которыми пациент консультировался помимо меня, вообще не поняли, что это за болезнь, даже после того как пациент обнаружил в моче гной».

Несмотря на некоторые проблемы, как словесные, так и практические, которые, к моему разочарованию, я так и не решил, общая природа описанного заболевания кажется достаточно ясной. Пациент страдал от скачкообразных приступов лихорадки, предварявшихся слабым ознобом, которые в местности, где распространена малярия, были

⁶⁵ То есть до того, как он страдал от лихорадки.

диагностированы и лечились как малярийные, хотя в действительности имели септическое происхождение. Сам Разй сперва принял и общее мнение, но впоследствии, наблюдая наличие в моче гноя, диагностировал заболевание как пиелит и соответственно успешно его вылечил.

Теперь обратимся к третьему имени в нашем списке — 'Алй ибн ал-'Аббасу, известному в Европе в Средние века как Хали Аббас, чье сочинение *Китаб ал-Маликй* («Царская книга») в латинском переводе Стефана Философа с примечаниями Мишеля де Капелла (Michael de Capella) было напечатано в Лионе в 1523 г. Упоминание ал-Кифтй⁶⁶ об этом авторе настолько краткое, что его можно перевести полностью:

«'Алй ибн ал-'Аббас ал-Маджусй (маг или зороастриец), образованный и превосходный врач персидского происхождения, известный как «сын мага», учился у персидского наставника (*шейха*), известного как Абу Махир [Муса ибн Саййар], а также самостоятельно учился, работал и знакомился с сочинениями древних ученых. Он составил для правителя 'Адуд ад-Давла Фанахусрава Бувайхида⁶⁷ свою систему медицины *ал-Маликй* («Царская»), которая является блестящей работой и великолепным справочником, охватывающим теорию и практику медицины и упорядоченным наилучшим образом.

Данное сочинение пользовалось в свое время огромной популярностью, его прилежно изучали до появления *Кануна Авиценны* — труда, который стал популярен вместо него и явился причиной того, что сочинение *Малики* оказалось забытым. *Малики* выделяется своей практической стороной, а *Канун* — теоретической».

Мы больше не может обращаться к *Фихристу*, поскольку он был завершен ко времени, предшествовавшему событиям, о которых мы сейчас говорим, и единственная важная деталь, добавленная Ибн Абй Усайби'а, следующая: 'Алй ибн ал-'Аббас был родом из Ахваза — города на северо-западе

⁶⁶ Р. 232.

⁶⁷ Правил в 949-983

Персии, расположенного недалеко от некогда великой медицинской школы Джундй-Шапур, о которой так много было сказано в прошлой лекции, в то время как его *нисба* (прозвище) ал-Маджусй указывает на то, что его отец или дед изначально принадлежал к древней персидской религии Зороастра. Ни он, ни его учитель Абу Махир не написали много работ. *Малики* является единственным произведением, приписываемым 'Алй ибн ал-'Аббасу биографами, хотя Брокельман⁶⁸ упоминает о рукописи в Готе, содержащей и другие медицинские трактаты, относящиеся к нему, в то время как упоминаются лишь две работы его учителя — трактат о кровопускании и дополнение к одному из небольших руководств Исхака ибн Хунайна по практической медицине.

Мы ничего больше не знаем о подробностях жизни 'Алй ибн ал-'Аббаса кроме приведенных выше скудных деталей, а что касается дат его жизни, известно лишь, что он был современником великого и просвещенного 'Адуд ад-Давла, основателя больницы 'Адудй в Багдаде, который жил во второй половине X в. Сочинение *Малики* этого автора является наиболее доступным и наиболее легко читаемым среди всех великих арабских систем медицины, поскольку великолепное двухтомное издание, отпечатанное в Каире в 1294/1877 г., и довольно редкая его латинская версия, к счастью, не входят в инкунабулу и поэтому их можно взять в библиотеках, которые располагают ими. Арабский текст включает примерно 400 тысяч слов и разделен на 20 рассуждений, каждое из которых разделено на множество глав. Первые 10 рассуждений касаются теории, а следующие 10 — практической медицины. Второе и третье рассуждения, касающиеся анатомии, были изданы с французским переводом д-ром П. де Конингом (Лейден, 1903) в составе его работы *Trois Traite d'Anatomie Arabes* (с. 90-431).

⁶⁸ *Gesch. d. Arab. Litt.*, vol. I, p. 237.

Девятнадцатое рассуждение, содержащее 110 глав, полностью посвящено хирургии⁶⁹.

Вводный раздел книги, охватывающий первые 3 главы первой беседы, превосходно написан и весьма интересен, особенно критическим разбором предыдущих работ по медицине. Из греческих врачей 'Али ибн ал-'Аббас обсуждает в особенности Гиппократ, Галена, Орибасия и Павла Эгинского, из сирийских и мусульманских — Ахруна-священника, Йуханна ибн Серапиона и ар-Разй. Он считает Гиппократа слишком немногословным и, следовательно, иногда непонятным, а Галена — напротив, слишком многословным; он критически высказывается об Орибасии и Павле Эгинском в связи с их недостаточно полными исследования в области анатомии, хирургии, физики, гуморальной патологии и этиологии болезней.

'Али ибн ал-'Аббас считает, что из современных трудов только работа Ахруна отвечает всем требованиям в своей сфере, но выражает недовольство низким качеством и невняtnостью арабских переводов. 'Али ибн ал-'Аббас говорит, что Ибн Серапион обходит вниманием хирургию, пропускает упоминания о многих важных заболеваниях (в том числе об аневризме), которые перечисляет, а свои материалы располагает неудобно и бессистемно. Я уже напоминал о замечании 'Али ибн ал-'Аббаса в отношении невероятного объема и трудности восприятия «Всеобъемлющей книги» Разй, что сделало данное сочинение доступным лишь очень богатым людям и привело к крайней нехватке рукописей уже в течение короткого периода времени после смерти автора. Другую же, более известную, работу Разй — *Мансури* — он считает чрезмерно сжатой. После этого 'Али ибн ал-'Аббас излагает план своей собственной книги, в которой он стремится найти компромисс между чрезмерной краткостью и многословием, и поясняет свой метод пробным описанием плеврита. Автор начинает с определения

⁶⁹ Pp. 454-516, vol. II of the Cairo ed.

заболевания и его этиологии, затем обращается к четырем постоянным симптомам — лихорадке, кашлю, боли и одышке. Отсюда он переходит к прогнозу, делая акцент на признаках, обусловленных образованием мокроты, и заканчивает лечением. Стоит процитировать примечания в конце этой главы относительно важности постоянного присутствия в больницах⁷⁰.

«И среди прочего на обучающегося этому искусству возложена обязанность постоянно посещать больницы и лечебницы, он должен неустанно уделять внимание болезням и диагнозам их обитателей в обществе самых проницательных специалистов в области медицины, часто осведомляться о состоянии пациентов и видимых для них симптомах, храня в уме то, что он прочитал об этих отклонениях, и думать, имеют они положительное или отрицательное значение. Если он будет поступать таким образом, то достигнет высокого уровня мастерства в этом искусстве. Следовательно, тому, кто желает стать хорошо образованным врачом, надлежит наиболее четко придерживаться этих предписаний, дабы воспитать в себе качества, соответствующие тому, что мы упомянули здесь, и не пренебрегать ими. Если он будет поступать таким образом, лечение заболеваний будет успешным, люди будут верить и благоволять ему, а он добьется любви, уважения и доброй славы, и при этом он также не будет нуждаться в пользе и выгоде от них. И Всевышний Господь знает лучше».

В связи с заключительными словами приведенного выше отрывка здесь уместно сказать кое-что относительно гонораров, которые получал один из самых выдающихся врачей во время правления первых 'аббасидских халифов, а именно Джибра'йла ибн Бухт-Йишу', скончавшийся около 830 г. н. э. Согласно ал-Кифтй⁷¹, он получал из общественного фонда ежемесячное жалование в размере 10 тысяч дирхемов,

⁷⁰ Vol. I, p. 9. Соответствующий отрывок в латинском переводе находится в верхней части расположенной слева колонки на листе 7 b лионского издания 1523 г. н. э.

⁷¹ Pp. 142-143.

и еще 50 тысяч в начале каждого года из личного фонда правителя, помимо одежды стоимостью 10 тысяч дирхемов. За пускание крови халифу Харун ар-Рашиду 2 раза в год ему выплачивалось 100 тысяч дирхемов, равная сумма выдавалась за назначение один раз в 2 года слабительного лекарства. От придворных вельмож лекарь получал в год 400 тысяч дирхемов деньгами и товарами, а от большой семьи Бармакидов — 1 миллион 400 тысяч дирхемов. Исходя из подсчетов ал-Кифтй, общая сумма, которую он получал указанными выше путями, помимо той, что заработал частным образом у пациентов

с более низким положением, за время его 23-летней службы Харун ар-Рашиду и 13-летней службы Бармакидам составляла 88 миллионов 800 тысяч дирхемов. Если мы примем за основу вычисление фон Кремера, согласно которому дирхем приблизительно равен франку, то получим, что эта сумма соответствует более 3,5 миллиона фунтов стерлингов.

Теперь я перехожу к последнему и наиболее прославленному из четырех персидских врачей, о которых намерен поговорить сегодня, т. е. к Авиценне. Его точное имя — Абу 'Аль Хусайн ибн 'Абд Аллах ибн Сйна, в большинстве случаев его называют *аш-Шейх ар-ра 'йс* («Главный наставник») либо *ал-Му'аллим ас-Санй* («Второй учитель» после Аристотеля). Сложность здесь состоит в принятии решения, что же необходимо сказать из того многого, что заслуживает упоминания, поскольку так называемая арабская наука достигла своей высшей точки и воплотилась в Авиценне — философе, враче, поэте и деловом человеке. В пределах, предписанных мне, было бы невозможным перечислить все его философские и научные работы или привести дошедшие до нас подробности его биографии, которую он сам писал до 21 года. События же остальной его жизни были записаны его учеником и другом Абу 'Убайдом из Джузджана. Отец Авиценны, сторонник исма'илитов, был родом из Балха, а его мать происходила из деревни недалеко от Бухары. Сам Авиценна родился примерно в 980 г. н. э. В

возрасте 10 лет он уже был знатоком Корана и арабской классики. В течение 6 последующих лет он посвятил себя изучению мусульманского права, философии и физики, а также ознакомился с логикой и евклидовой геометрией, работами 'Εισαγωγή и «Альмагест». Авиценна направил свой интерес на медицину в возрасте 16 лет и признал ее «нетрудной». Однако ему с величайшим трудом давались проблемы метафизики до тех пор, пока по счастливой случайности он не стал обладателем маленького и дешевого справочника прославленного философа ал-Фарабй, разрешившего имевшиеся затруднения. Когда Авиценне было не более 18 лет, его известность как врача была столь велика, что его призвали лечить саманидского правителя Нуха ибн Мансура (правил в 976-997 гг. н. э.), который в благодарность за услуги позволил Авиценне бесплатно пользоваться царской библиотекой, содержащей множество редких и даже уникальных книг. Эта библиотека впоследствии была уничтожена пожаром, и клеветники без зазрения совести утверждали, что именно Авиценна умышленно поджег ее с тем, чтобы одному обладать ученостью, полученной из редких книг. В возрасте 21 года Авиценна потерял отца и примерно в это же время написал свою первую книгу. На некоторое время он поступил на службу к 'Алй ибн Ма'муну— правителю Х'аразма, или Хивы, но в конце концов сбежал оттуда, чтобы предотвратить попытку султана Махмуда из Газны похитить его. После долгих скитаний Авиценна прибыл в Джурджан, привлеченный славой его правителя Кабуса как покровителя наук, однако его прибытие почти совпало с низложением и умерщвлением этого князя, и Авиценна горестно воскликнул в стихе, написанном по этому случаю:

لَمَّا عَظُمْتُ فَلَيْسَ مِصْرٌ وَاسْعَى
المشترى
لَمَّا غَلَا ثَمَنِي عَدِمْتُ

*Когда я стал великим, ни в одной стране не оказалось для
меня места;*

Когда возросла моя цена, мне не досталось покупателя.

Вскоре, однако, Авиценна нашел «покупателя» в лице Амйра Шамс ад-Даула из Хдмадана, которого он исцелил от колик и который назначил его своим первым министром. Авиценна через какое-то время был отстранен от должности и заключен в тюрьму в результате восстания против него военных, но в итоге Амйр, вновь подвергшийся приступам колик, вернул его, принес свои извинения и восстановил в должности. Жизнь Авиценны в это время была чрезвычайно напряженной; целый день он находился на службе у Амйра, в то время как большая часть ночи проходила в чтении лекций и диктовке заметок для своих книг с перерывами на поэтические занятия. Измученный тяжелой работой и трудной жизнью, Авиценна умер в 428/1036-1037 г. в сравнительно молодом возрасте (58 лет) после многих превратностей, перечислить которые мне не позволяет время, но которые описаны его верным другом и учеником Абу 'Убайдом из Джузджана. Во время последней болезни Авиценна лечил себя так неудачно, что, как говорили клеветники, ни физика не смогла спасти его тело, ни метафизика — его душу⁷².

Сочинения Авиценны — это многочисленные и во многих случаях многотомные произведения. Так, например, некоторые из его основных трудов состоят почти из 20 томов. Ошибочно признанный исчерпывающим список сочинений Авиценны, который составил ал-Кифтй⁷³, включает 21 основной труд и 24 второстепенные работы по философии, медицине, теологии, геометрии, астрономии, филологии и другим дисциплинам. Большинство из них написаны на арабском, а на персидском, своем родном языке, Авиценна написал одну большую книгу — справочник философских наук под названием *Даниш-нама-и'ала* и (рукопись

⁷² Стихи, о которых идет речь, приведены Ибн Абй 'Усайби'а (*Tabaqatu'l-Atibba*, vol. II, p. 6) и в сносках к моему выходящему вскоре переводу *Chahar Maqala* («E. J. W. Gibb Memorial» Series, vol. XI, 2, p. 156).

⁷³ Ed. Lippert, p. 418.

представлена в Британском музее⁷⁴) и небольшой трактат о пульсе. Предложенный Брокельманом в книге «История арабской литературы» (т. I, с. 452—458) список, в который включены лишь сохранившиеся до наших дней работы, тем не менее, более обширен, нежели список ал-Кифтй, в нем перечислены 99 книг: 68 по теологии и метафизике, 11 по астрономии и физике, 16 по медицине и 4 в стихах. Самое известное стихотворение Авиценны на арабском языке описывает схождение души в тело из высшей сферы (المحلّ الأرفع), которая является ее родным домом. Перевод этого невероятного по своей красоте стихотворения приведен в моей книге «Литературная история Персии» (т. II, с. 110-111). Стараниями покойного доктора Эте (Ethe) из различных биографических работ было собрано 15 коротких персидских стихотворений, по большей части четверостиший, в них насчитывается в целом примерно 40 строф, которые приписывают Авиценне. Самые известные из них обыкновенно, но, вероятно, ошибочно, приписываются 'Омару Хаййаму, по крайней мере, одна пятая из четверостиший, предположительно принадлежащих Авиценне, более или менее достоверные источники приписывают другим людям. Четверостишие, о котором идет речь, было переведено Фицджеральдом следующим образом:

*Up from Earth's Centre through the Seventh Gate I
rose, and on the Throne of Saturn sate, And many a
knot unraveled by the Road, But not the Master-knot of
Human Fate.*

*Из самого центра Земли через седьмые врата Я
поднялся и опустился на трон Сатурна, И многие
узлы распутаны дорогой, Но не главный узел
судьбы человека.*

⁷⁴ Op. 16, 830. См. Rieu Pers. Cat., p. 433-444. Г-н А. Г. Эллис (A. G. Ellis) обратил мое внимание на литографическое издание этой работы, вышедшее в Индии в 1309/1891 г.

Оригинал, приведенный в книге *Маджма 'у 'л-Фусаха*⁷⁵, такой:

از قعر گِل سیاه تا اوج زحل، کردم همه مشکلاتِ گیتی را حلّ،
بیرون جستم ز قیدِ هر مکر و حیل، هر بند گشاده شد مگر بندِ اجل،

Ровно половина медицинских работ Авиценны, а именно 8, — это написанные в стихотворной форме трактаты, в которых идет речь о 25 признаках, определяющих смертельный исход болезни, о правилах гигиены, испытанных лекарствах, анатомических заметках и т. п. Одна или две из них были опубликованы на Востоке, однако я их не видел. Тем не менее я предполагаю, что они не имеют особой ценности как в стихотворном, так и в научном плане. Среди прозаических работ Авиценны, вероятно, наиболее значимым является трактат о сердечных лекарствах (الأدوية القلبية), несколько прекрасных рукописей которого имеются в Британском музее. Но этот трактат не был издан, и с ним можно ознакомиться только в стенах данного музея и некоторых других крупных публичных библиотеках⁷⁶.

Канун, разумеется, — самая большая, самая известная и самая важная из медицинских работ Авиценны, и в то же время самая доступная как на исходном арабском языке, так и в латинском переводе Жерара Кремонского (Gerard of Cremona). Также существует современное египетское издание арабского текста, помимо римского издания 1593 г., и прекрасный венецианский перевод на латынь, изданный в 1544 г. Эта работа, подобно большинству арабских книг, имеет сложную структуру, состоящую из разделов и подразделов. В целом она разделена на 5 книг: в первой говорится об основных законах, во второй в алфавитном порядке представлены простые лекарства, в третьей описаны болезни отдельных органов и частей тела от головы до ног, в четвертой рассказывается о

⁷⁵ Vol. I, p. 68.

⁷⁶ Библиотеки Берлина, Готы, Лейдена и Эскориала.

болезнях, изначально частично поражающих один орган, но склонных к распространению на другие части тела, таких как лихорадка, и в пятой сообщается о составных лекарствах. Эти описания в действительности не полностью соответствуют содержанию. Так, в четвертой книге речь идет не только о лихорадке, но и о кризисных днях в ходе болезни, прогнозах, опухлях, язвах, переломах, вывихах и токсикологии.

Я намеревался обсудить данную великую и широко известную книгу более подробно, чем позволяет мне время, которым я располагаю сегодня, но ввиду того что колледж оказал мне честь, пригласив снова прочитать фитцпатриковские лекции в следующем году, я надеюсь вернуться к открытой сегодня теме в связи с дополнительными вопросами, которые я должен буду затронуть. Энциклопедический характер этой работы, ее систематическое оформление и философский план, возможно, даже ее догматизм в сочетании с беспрекословной репутацией автора в других областях знания, помимо медицины, определили ее уникальное положение в медицинской литературе мусульманского мира, так что более ранние работы ар-Разй и ал-Маджусй, несмотря на их несомненные достоинства, были почти полностью забыты, и до сих пор на Востоке последователи древнегреческой медицины — *тибб-и йунанй* — считают это произведение последней инстанцией при решении вопросов, связанных с искусством исцеления. В подтверждение вышесказанного и для того, чтобы показать необычайное благоговение, испытываемое перед Авиценной, я закончу свое повествование цитатой из замечательной книги *Чахар макала*, или «Четыре беседы», написанной на персидском языке в середине XII в. н. э. В этой книге сообщается о четырех категориях людей, а именно о министрах, поэтах, астрологах и врачах, считающихся автором книги, Низамй-и 'Арудй из Самарканда, необходимыми в первую очередь для служения царям. После перечисления большого количества книг, которые необходимо усердно изучить тому, кто желает

достичь определенных высот в медицине, автор говорит, что если человек не хочет подпадать под влияние разных других работ, ему достаточно остановиться на *Кануне*. Низамй-и 'Арудй продолжает⁷⁷:

«Наставник двух миров и проводник по двум материальным путям говорит: "Любой вид игры наблюдается в диком осле". Все это, а также и многое другое можно найти в *Кануне*, и от того, кто одолел первый том, не утаится ничто из того, что касается общей теории и законов медицины, так что если бы Гиппократ и Гален вернулись к жизни, они наверняка преклонились бы перед этой книгой. Однако я слышал об удивительной вещи, а именно о том, что некий человек не оценил по достоинству эту работу Абу 'Аль [Авиценны], и даже выразил свое критическое отношение в книге, которую он озаглавил «Исправление *Кануна*». Мне довелось познакомиться и с автором, и с его книгой, и я убедился в том, насколько глуп первый и отвратительна вторая. Какое право имеет автор говорить об ошибках великого человека, если даже первый вопрос, который он встречает в его книге, сложен для его понимания? В течение четырех тысяч лет медики античности занимались умственным трудом и вкладывали души в то, чтобы привести науку философию к некоему определенному порядку, но не смогли этого добиться до тех пор, пока после неудач этого периода безупречный философ и величайший мыслитель Аристотель не привел измышления в равновесие с логикой, не испытал ее с помощью определений и не измерил ее аналогией, так что все сомнения и неточности были удалены из философии и она упрочилась на надежных и критических основах. И в течение 15 веков, прошедших после смерти Аристотеля, ни один философ не осмыслил глубочайшую суть его доктрины и не смог превзойти его кроме этого величайшего среди своих современников — философа Востока и свидетельства

⁷⁷ Цитируемый отрывок находится на с. 70-71 текста *Чахар макала*, изданного в 1910 г. в «E. J. W. Gibb Memorial» Series, vol. XI и на с. 110-111 отдельного оттиска перевода, который я опубликовал в 1899 г. в «Journal of the Royal Asiatic Society». В моем новом исправленном переводе, который появится в vol. XI, 2 Gibb Series, этот отрывок можно найти на с. 79-80.

Господа человечеству Абу 'Али Хусайна ибн 'Абд Аллаха ибн Сйны [Авиценны]. Всякий, кто видит ошибки в работах этих двух гениев, сходит с пути мудрости и обрекает себя на звание главного глупца. Пусть Господь благодаря своей милости и великодушию оставит нас в стороне от подобных ошибок и тщеславных мнений!»

ЛЕКЦИЯ 3
КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ —
АРАБСКАЯ НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА —
ПЕРЕВОДЧИКИ С АРАБСКОГО НА ЛАТЫНЬ —
ВРАЧЕБНАЯ ПРАКТИКА В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ —
ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ОБ ИСЦЕЛЕНИИ В АРАБСКОЙ И
ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ —
ПСИХОТЕРАПИЯ —
ЛЮБОВЬ И МЕЛАНХОЛИЯ —
МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТЫ
НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ —
ПРИВНЕСЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ В
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР

Прежде чем приступить к дальнейшему изложению предмета, было бы, возможно, неплохо ненадолго вернуться к основным моментам, которые я попытался обозначить в двух лекциях, которые мне выпала честь читать вам в прошлом году. Я обратил внимание на то, что термин «арабская медицина» (по отношению к которой более предпочтителен был бы термин «мусульманская медицина») можно оправдать лишь в том случае, если мы принимаем во внимание язык, служащий в качестве средства распространения этой науки, и условия, в которых она развивалась; что эта наука представляла собой синтез различных более древних систем, главным образом, греческой, и, в меньшей степени, индийской и древнеперсидской, с добавлением других экзотических систем, установить которые сложнее; и что медицина у жителей Аравии во время пришествия Пророка, т. е. в начале VII в. н. э., была самого примитивного типа. Касательно этого вопроса я обращался к наблюдениям доктора Цвемера, приведенным в его книге «Аравия, колыбель Ислама», и теперь должен сослаться на очень интересную небольшую книгу египетского доктора 'Абд

ар-Рахмана Эфенди Исма'йла, опубликованную в Каире в 1892 или 1893 г. на арабском языке, — книгу по народной медицине и врачевным суевериям среди своих соплеменников, особенно среди женщин. Эта система, если можно так сказать, называется *тибб ар-рукка*⁷⁸, что по значению приблизительно эквивалентно «бабьему врачеванию», и подвергается жесткому разоблачению и осуждению со стороны автора, который расценивает продолжение ее существования в наши дни в такой стране, как Египет, находящейся, по общему мнению, в соприкосновении с современной образованностью, как некую скверну.

В развитии арабской медицины в более широком смысле, т. е. в адаптации древнегреческой медицины к общей системе цивилизации и науки, эклектически созданной мусульманскими учеными и мыслителями во время «Золотого века» Багдадского халифата, а именно начиная с середины VII в., я выделил два периода: 1) время, когда на арабский язык переводили шедевры греческой медицинской литературы, которой было суждено создать основу для дальнейших исследований; 2) время, когда говорящие или, по крайней мере, пишущие по-арабски врачи (среди которых было множество иудеев, христианам, сабеев и даже потомков зороастрийцев), пересматривая и преобразовывая данный материал в свете собственного опыта, создавали более или менее самостоятельные труды. Из числа таких авторов я отметил четырех самых видных, живших и писавших между 850 и 1036 г. н. э. (в 1036 г. н. э. умер Абу 'Али ибн Сйна, известный на Западе как Авиценна); а трое других — это 'Али ибн Раббан, написавший «Рай мудрости» для халифа ал-Мутаваккила в 850 г. н. э.; Абу Бакр Мухаммад ибн Закарийя ар- Разй, известный в средневековой Европе как Разес; 'Али ибн ал-'Аббас аль-Маджусй, которого в средневековом латино-варварском мире называли Хали

⁷⁸ Относительно слова *rukka*, очевидно являющегося заимствованным из итальянского *rocco*, см. интересные наблюдения Фоллерса (Vollers), в вып. XXI «Журнала немецкого востоковедного общества» (Z. D. M. G.) (1897), p. 332.

Аббас. Я кратко рассмотрел четыре главных труда этих великих врачей, а именно: «Рай мудрости» (по причине своей исключительной редкости до сих пор остававшийся без внимания за пределами арабских каталогов Британского музея Берлина); *Хавй* («Всеобъемлющая книга по медицине»); *Камил ас-Сина'ат*, или *Liber Regius* («Царская книга»); *Канун* («Канон врачебной науки») Авиценны. Далее я выразил свое согласие с точкой зрения, выдвинутой Нойбургом, Пагелем и другими историками медицины, согласно которой несмотря на большую известность, которую снискал Авиценна, Рази — благодаря своим врачебным наблюдениям (некоторые из них сохранились в рукописном сборнике *Хавй* в Бодлеанской библиотеке⁷⁹) — заслуживает самого почетного места среди этой четверки и, возможно, среди всех врачей, которых дал Ислам за 13 веков своего существования. К этому труду и трудам трех других только что упомянутых врачей я охотно вернусь, если позволит ограниченное время, которое имеется в моем распоряжении, однако другие вопросы, связанные с историей медицины, медицинской литературой и ее положением в мусульманском мире, требуют первоочередного внимания, чтобы можно было в целом рассмотреть данную область, прежде чем вдаваться в подробности.

Уже было сказано, что мусульмане, скорее, добросовестно сохранили и развили древнегреческое знание, нежели создали новую систему с нуля. Уиттингтон в замечательной небольшой книге «История медицины»⁸⁰ так хорошо преподносит суть дела, что я не могу придумать ничего лучшего, чем процитировать его слова. «За демонстрацией физической мощи, — пишет он, дав описание поразительным арабским завоеваниям в VII в., — последовала не менее поразительная интеллектуальная деятельность. Византийский император был поражен, узнав, что право сбора и приобретения греческих рукописей было среди условий, продиктованных

⁷⁹ Marsh 156 ff. 239b-246a. См. выше с. 50-53.

⁸⁰ The Scientific Press, London, 1984. pp. 138-139.

победителем- чужестранцем, и что иллюстрированная копия Диоскорида являлась самым желанным подарком, который он мог предложить дружественному вождю. Константинопольских философов изумлял внешний вид мусульманских авторов», которых они с неохотным восхищением называли "учеными варварами"; менее же цивилизованные христиане позднее будут считать мудрость сарацин чем-то сверхъестественным. Именно этот народ перенял из рук малосильных наследников Галена и Гиппократов гаснущий факел греческой медицины; он ... не дал его пламени погаснуть и спустя пять столетий возвратил этот факел, светящий ярче, чем прежде».

Впрочем, «пять столетий» — преувеличение, поскольку, когда еще Авиценна был во цвете лет, в Северной Африке, вероятно, в Тунисе, родился необычный человек; о его биографии известно мало, однако ему было предназначено стать известным под именем Константина Африканского. Он первым открыл Западной Европе знания арабов посредством латинского языка⁸¹. Он относился к представителям прославленной медицинской школы Салерно — *Civitas Hippocratica* — и умер в Монтекассино, сделав очень многое на литературном поприще, в 1087 г. — ровно за 100 лет до смерти еще более известного ученого-востоковеда и переводчика, Жерара Кремонского. Двум этим ученым мужам и еврейскому врачу Фараджу ибн Салиму (Фарарий, или Фарагут), завершившему перевод «Всеобъемлющей книги» ар-Рази в 1279 г., средневековая Европа обязана знакомством с арабской медициной.

Обмен идеями между Западом и Востоком, однако, осуществлялся не только через литературные источники. Сколь бы ожесточенными ни были настроения обеих сторон в связи с Крестовыми походами, мирные взаимоотношения в большом количестве имели место в перерывах между битвами крестоносцев с их противниками — сарацинами.

⁸¹ О его трудах см. в *Virchow's Archiv*, vol. XXVII (Berlin, 1866) (pp. 351-410) статью эрудированного востоковеда Морица Штайншнейдера (Moritz Steinschneider).

Среди многих хроник до нас дошли и благодаря М. Хартвигу Деренбургу (M. Hartwig Derenbourg) стали доступными в арабском оригинале, сопровождаемом французским переводом⁸², содержательные воспоминания сарацинского эмира по имени Усама ибн Мункиз, который жил в XII в. в Сирии и провел большую часть своей жизни в борьбе против франков. Он родился в 1095 г., в том самом году, когда крестоносцы захватили Антиохию и Иерусалим, и умер в 1188 г. Отношения с франками установились главным образом как раз во время временного затишья между 1140 и 1143 г. В своих непоследовательных, но занимательных воспоминаниях Мункиз сообщает о многих их обычаях и особенностях, казавшихся ему любопытными или забавными, и наряду с другими моментами рассказывает несколько курьезных историй об их врачебной деятельности⁸³. По просьбе франкского смотрителя дворца Мунайтиры в Ливане дядя Усамы отправил своего врача-араба по имени Сабит для лечения некоторых находившихся там больных. Через 10 дней Сабит возвратился. Его встретили поздравлениями по поводу того, что он столь скоро излечил своих пациентов. Однако же причин для поздравления, как он пояснил, не было. По прибытии ему представили двух больных — мужчину, страдающего от нарыва на ноге, и женщину, больную чахоткой. Он принялся за их лечение, назначив мужчине примочки, а женщине — соответственное питание и лекарства. Состояние пациентов было удовлетворительным, и тут вмешался франкский врач и, объявив проводимое лечение бесполезным, обратился к пациенту-мужчине и спросил, предпочтет тот умереть с обеими ногами или продолжить жить с одной. Пациент предпочел выбрать последнее; сразу после этого франкский врач подозвал крепкого воина с топором и велел отрубить больному ногу одним ударом. С первого удара у воина не получилось, а на втором костный мозг был выбит из кости, и пациент почти сразу скончался.

⁸² Leroux, Paris, 1886-1893.

⁸³ Об этом см. с. 97-101 арабского текста и с. 491-194 текста французского перевода.

Затем франкский врач переключил свое внимание на женщину и, после того как обследовал ее, заявил, что она одержима дьяволом, который вселился в ее голову. Он приказал ее обрить и вернуться к обычному питанию, которого придерживаются ее соплеменники, — чеснок и масло; когда ее состояние ухудшилось, лекарь сделал глубокий надрез на голове женщины, извлек часть черепной кости и втер в рану соль, после чего женщина также скончалась. «После этого, — подвел итоги Сабит, — я спросил, требуются ли еще мои услуги, и, получив отрицательный ответ, вернулся домой, узнав о врачебных приемах, прежде мне неизвестных».

Усама описывает еще один курьезный случай, по сообщению Гильома де Бюре⁸⁴ (Guillaume de Bures), с кем он проделал путь из Акко в Тверию. «В местности нашей, — сказал Гильом, — жил один бесстрашный рыцарь, который слег с недугом и был при смерти. В качестве последней надежды мы обратились к очень высокому христианскому священнику и доверили ему больного со словами: "Иди с нами и обследуй такого-то рыцаря". Он согласился и отправился вместе с нами. Мы полагали, что ему стоит лишь приложить ладони, чтобы излечить больного. Как только священник увидел пациента, он сказал: "Принесите мне воск". Мы принесли воск. Священник размял его, вылепил две затычки и затолкал их в ноздри больного, после чего тот испустил дух. "Он умер!" — воскликнули мы. "Да, — ответил священник. — Он страдал, и я закупорил ему ноздри, чтобы он умер и упокоился с миром!"»

Арабам того времени, как мы можем догадаться, франкская медицина казалась в высшей степени бесчеловечной и примитивной по сравнению с их собственной. И не удивительно, что когда сам Усама простудился, вдобавок к суровым условиям в Шайзаре, он предпочел услуги арабского врача, шейха Абу-л-Вафа Тамйма, услугам врача

⁸⁴ *Op. cit.*, арабский текст, с. 101, текст перевода, с. 494.

франкского⁸⁵. Однако, отдавая должное франкам, Усама повествует о двух случаях проведения успешного лечения их врачами. Первый относится к казначею графа Фулька Анжуйского, некоему Бернару, которого Усама описывает как «одного из самых ненавистных из числа франков и подлейшего среди них», чьей смерти он искренне желал²; а второй — к золотушному ребенку одного арабского ремесленника по имени Абу-л-Фатх⁸⁶. Первый больной страдал от травмы ноги, полученной от удара коня. Четырнадцать сделанных надрезов не заживали, тогда франкский врач, к которому в конце концов обратились, удалил все мази и бинты, наложенные на раны, и пропитал их очень крепким уксусом. В результате лечения раны зажили и больной, цитируя выражение Усамы, «излечился и предстал словно дьявол», или, как бы мы сказали, готовым к новым злодеяниям. Золотушного мальчика взял в Антиохию его отец, который там трудился. Ребенка пожалел один повстречавшийся франк. «Поклянись своей верой, — сказал он отцу мальчика, — что, коль передам тебе лекарство для излечения его, не возьмешь денежного вознаграждения ни с одной души, которую, может статься, будешь им врачевать. И сообщу тебе рецепт». Отец дал требуемое заверение и получил указания взять нетолченой соды, разогреть ее, смешать с оливковым маслом и крепким уксусом, нанести смесь на зобные язвы на шее ребенка; затем следует нанесение того, что Усама называет «жженный свинец», смешанного с маслом или жиром. Мальчик, как сообщается, выздоровел, а то же самое лекарство в дальнейшем успешно применялось в других случаях.

Рассмотренными историями не исчерпываются медицинские сведения в этих интересных воспоминаниях. Жил один довольно известный арабский врач-христианин по имени Ибн Бутлан, умерший в 1063 г. и написавший мно-

⁸⁵ *Op. cit.*, арабский текст, с. 137, текст перевода, с. 491.

⁸⁶ *Op. cit.*, арабский текст, с. 98-99, текст перевода, с. 493-494.

жество трудов по медицине (перечисленных Леклерком⁸⁷ и Брокельманном⁸⁸), самый известный из которых — *Таквйм ас-Сихха* («Укрепление здоровья»). Латинский перевод, озаглавленный *Tacuini Sanitatis*, был издан в Страсбурге в 1531 или 1532 г. В период своих обширных путешествий Ибн Бутлан одно время ухаживал за прадедом Усамы в Шайзаре. Наш автор приводит некоторые истории с его участием, все еще ходившие в семье, когда он (Усама) был юн. Одна из них — о человеке, страдавшем от водянки, чей случай Ибн Бутлан посчитал безнадежным и которого позднее встретил совершенно излечившимся от болезни. В ответ на расспросы о способе лечения, оказавшемся столь успешным, человек рассказал, что никто ничего не пытался сделать, чтобы облегчить его страдания, кроме престарелой матери, ежедневно дававшей ему кусок хлеба, вымоченный в уксусе, который она брала из кувшина. Ибн Бутлан попросил посмотреть кувшин, слил из него остатки уксуса и обнаружил на дне двух гадюк, упавших туда ранее, отчасти размочившихся или разложившихся. «Сын мой! — воскликнул он. — Только Бог, милостивый и всемогущий, смог исцелить тебя настоем из гадюк и уксуса⁸⁹!»

В другой раз к Ибн Бутлану в операционную в Алеппо пришел человек, жалуясь на хрипоту и полную потерю голоса. На вопрос о своей профессии тот ответил, что занимается просеиванием земли. Ибн Бутлан дал ему выпить полпинты крепкого уксуса, вскоре после чего того потянуло рвать, и с уксусом он изверг много грязи. Вскоре к нему вернулся голос. Ибн Бутлан сказал своему сыну и ученикам, которые были рядом: «Не врачуйте никого этим лекарством, не то убьете больного. У этого же человека от просеивания в глотке собралась пыль, и только уксус смог бы ее вывести⁹⁰».

Я уже обращал внимание на то, каким широким был интерес к медицинским вопросам в средневековом му-

⁸⁷ *Hist. de la Medicine Arabe. m. 1, c. 489-492.*

⁸⁸ *Gesch. d. Arab. Litt.* Том 1, с. 483.

⁸⁹ *Op. cit.*, арабский текст, с. 135, текст перевода, с. 488-489.

⁹⁰ *Op. cit.*, арабский текст, с. 135-136, текст перевода, с. 489.

сульманском мире. Очень популярную область литературы, как на арабском, так и на персидском языке, составляли сборники необыкновенных и причудливых историй, называемые *Навадир*. В них исторические или псевдо-исторические рассказы сгруппированы под соответствующими заголовками. В таких книгах медицине и врачам часто отводится отдельный раздел. Таким образом, данный материал, хотя до сих пор и не привлекавший особенного внимания, кажется мне заслуживающим рассмотрения.

Одна из ранних арабских книг такого рода — труд, названный *Ал-Фарадж ба 'д аш-Шидда* («Радость после печали», или, возможно, лучше перевести название как «Облегчение после муки»). Данный труд написал Кадй Абу 'Али ат-Танухи, который родился в 939 и умер в 994 г. Книга была издана в Каире в 1903-1904 гг. в 2 томах. Она состоит из 14 глав. В 10 главе речь идет о примечательных случаях, в этой главе содержится 15 историй; некоторые из них тривиальны либо вызывают отвращение, другие же представляют значительный интерес. Две истории, которые я отмечу первыми, связаны с великим врачом Абу Бакром Мухаммадом ибн Закарийей ар-Разй (Разесом), о котором я рассказывал в прошлом году во второй лекции и которому наш автор (Усама) приходился почти современником.

Первая⁹¹ из этих историй — об одном молодом человеке из Багдада, который пришел к Разесу с жалобой на кровавую рвоту. Тщательное обследование не помогло установить причину заболевания и истолковать симптом. Больной отчаялся, полагая, что если не удалось Разесу, то и никому иному не справиться. Разес, тронутый страданием и верой в него больного, продолжил внимательно расспрашивать о том, какую воду он пил во время путешествия, и выяснил, что иногда ее черпали из застойных прудов. «Когда я завтра приду, — сказал Разес больному, — буду лечить и не оставлю тебя до тех пор, пока ты не выздоровеешь, при условии, что

⁹¹ Vol. ii, p. 96. Эту историю также приводит Ибн Абй Усайбий'а, vol. i, pp. 311-312.

ты прикажешь своим слугам повиноваться мне во всех распоряжениях относительно тебя». Пациент дал требуемые обещания, а Разес вернулся на следующий день с двумя сосудами, наполненными сорными водорослями, которые по-арабски называются *туклуб*, а по-персидски — *джама-йи-гук* («лягушачья шкура»), или *наим-и-вазаг*⁹² («лягушачья шерсть»), и заставил больного глотать их. Проглотив довольно много, больной заявил, что не в силах больше делать это. Тогда Разес приказал его слугам прижать его спиной к земле и открыть ему рот, куда Разес продолжал запихивать все больше тошнотворной субстанции, пока не началась сильная рвота. При анализе рвотной массы нашли пиявку, которая была причиной болезни и по удалении которой здоровье пациента восстановилось. Этот же самый случай встречается в персидском сборнике курьезных историй, составленном 'Авфй, на котором я вкратце останавлиюсь. Там добавлено, что проглоченная вместе с питьевой водой пиявка присосалась к стенке желудка больного и находилась там до тех пор, пока не оказалась вынужденной перебраться в более свойственную ей среду — сорные водоросли.

В очередной истории⁹³ рассказывается, как Разес описывает случай с мальчиком, больным водянкой. Его отец обратился к Разесу в Бистаме, в Северо-Восточной Персии, когда он возвращался после прославленного излечения амйра Хурасана⁹⁴, для которого он написал труд *Liber Almansoris* («Книга ал-Мансури»). Разес заявил, что случай безнадежен, и сказал отцу, чтобы тот позволил сыну есть и пить все, что тот пожелает. Год спустя Разес вернулся в этот город и, к великому своему изумлению, узнал, что здоровье мальчика полностью восстановилось. На вопрос, как это произошло, ему ответили, что мальчик, потеряв надежду на

⁹² Что Ахундов (Achundow) определяет как *Lemna*, или *Herba Lentis Palustris* (с. 231, 383); фсхкод по Диоскориду; по-немецки — *Wasserlinde*. Сейчас это растение иранцы называют *джул-и-вазаг*.

⁹³ Al-Faraj, vol. ii, pp. 103-104; Ibn Abi Usaybi'a, vol. i, p. 312.

⁹⁴ В действительности правитель Рея — Мансур ибн Исхак ибн Ахмад. См. мой перевод *Чисар макала* («E. J. W. Gibb Memorial» Series, XI, 2, p. 150).

восстановление здоровья и нормальной жизнедеятельности и желая положить конец своему существованию, однажды увидел, как огромная змея подползла к чаше с *мадйрой* (нечто наподобие бульона, приготовляемого с кислым молоком), стоявшей на земле, отпила немного и затем изрыгнула обратно в отвар, который вскоре изменил цвет. Намереваясь покончить с собой с помощью этой ядовитой смеси, он выпил большую часть, после чего впал в глубокий сон, от которого очнулся весь в поту. После обильного испражнения мальчик обнаружил, что избавился от водянки и к нему вернулся аппетит.

Третья история, похожая на предыдущую, рассказанная человеком по имени Абу 'Али 'Умар ибн Йахйа ал-'Алавй⁹⁵, касается одного страдающего водянкой паломника из Куфы, которого вместе с верблюдом похитили арабские мародеры. Однажды похитители вошли в хижину, где лежал паломник. Они принесли пойманных змей, которых начали жарить и есть, отрубив им головы и хвосты. Похищенный, в надежде на то что такая непривычная пища отравит его, выпросил немного и съел. После проявления точно таких же симптомов, как и у больного в предыдущей истории, он также обнаружил, что излечился от болезни.

Четвертая история⁹⁶ — о мальчике, страдающем от сильных болей и расстройства желудка. Не могли выявить причину и назначить лечение, несмотря на то что его обследовали многие врачи Ахваза (Юго-Западная Персия) — известного города, расположенного неподалеку от некогда выдающейся медицинской школы Джундй-Шапур, о которой я рассказывал в прошлой лекции. В итоге мальчика отправили домой, где проезжавший через поселение врач, чье имя не названо, тщательно осмотрел его и выяснил, что недуг начался в день, когда больной съел гранаты, хранившиеся в коровнике. На следующий день врач принес больному бульон, сваренный из мяса жирного щенка, и велел выпить

⁹⁵ Al-Faraj, vol. ii, p. 103.

⁹⁶ Ibid., vol. ii, pp. 96-97.

столько, сколько он сможет, отказавшись сообщить о происхождении бульона. Затем он дал мальчику дыни и через 2 часа — пива, смешанного с горячей водой, после чего рассказал, каким образом был приготовлен бульон. Вслед за тем больного очень сильно стошнило, и в рвотной массе врач тут же обнаружил «черный предмет, похожий на большую шевелящуюся финиковую косточку», оказавшийся овечьим или коровьим клещом, который проник в гранат, был случайно проглочен мальчиком и присосался к стенке желудка, откуда, как и пиявка в предыдущей истории, был вынужден переместиться в более подходящую среду.

Случай с очередным пациентом, страдавшим от водянки, составляет сюжет пятой из этих историй. После лечения различными лекарствами багдадские врачи объявили больного неизлечимым. Тогда он взмолился о позволении есть и пить то, что пожелает. Однажды он увидел человека, продававшего приготовленную саранчу, купил и съел большое количество. Очень болезненное очищение кишечника последовало за этой трапезой и продолжалось 3 дня, по окончании которых человек настолько ослабел, что за его жизнь отчаялись бороться. Однако он постепенно оправился и полностью излечился от водянки. На пятый день, будучи в состоянии появиться на людях, человек повстречал одного из врачей, видевшего его ранее и потрясенного удивительным выздоровлением, о котором его и расспросил. «Это была не простая саранча, — сказал врач, когда выслушал рассказ. — Я бы хотел, чтобы ты показал мне человека, котррый продал ее тебе». Когда продавца отыскали и расспросили, он сказал, что собрал саранчу в одной деревне в нескольких милях от Багдада, куда — за небольшое вознаграждение — сопровождал врача. Тот нашел саранчу в поле, где росла в больших количествах трава под названием *мазарйун* (определенная Шлимммером и Ахундовым как *Daphne oleoides*, лавровый молочай, или молочайный лен), считавшаяся в малых дозах целительной при водянке, но слишком опасной, чтобы

прописывать в обычных случаях⁹⁷. Двойное переваривание растения, произошедшее в организме саранчи, однако, настолько снизило его вредоносность, что результат в данном случае оказался вполне целительным.

В других историях, на подробное рассмотрение которых у меня нет времени, рассказывается о лечении апоплексии нанесением ударов, плеврита — укусом скорпиона и т. п.

Персидский сборник курьезных историй, на который я ссылался выше, был составлен Мухаммадом 'Авфй примерно в 1230 г. и называется *Джамами ал-Хикайат ва Лавами ар-Ривайат*. Это огромный труд, включающий 4 тома, содержащих по 25 глав каждый и никогда не публиковавшийся; мне же, однако, повезло обладать одним полным манускриптом и еще одним списком первого тома. В 20 главе речь идет о врачах и содержится 9 рассказов, 4 из них взяты из труда ат-Танухй, о котором говорилось выше. Только в одной из 5 новых историй упоминается Разес, представленный лечащим инвагинацию, или закупорку, кишечника, давая больному 2 глотка ртути. Другие истории мало чем примечательны помимо одного афоризма и одного сюжета. Афоризм, изреченный неизвестным врачом в адрес больного, таков: «Знай, что я, ты и болезнь суть три взаимно противоположные силы. Если ты будешь держаться меня и внемлешь тому, что накажу тебе, и воздержишься от пищи, что я запрещу тебе, тогда мы встанем вдвоем против одной и одолеем болезнь». История связанная с Аристотелем и индийским врачом по имени Сарбат, или Сарнаб (этот человек пришел к Аристотелю инкогнито в качестве ученика, чтобы обучаться его методам, но выдал себя в ответственный момент при проведении трепанации), абсурдна — о многоножке или уховертке (*хазар-най* или *гуш-хурак*), пробравшейся в ухо больного и присосавшейся к мозгу. Интересным здесь является то, что, прежде чем начать

⁹⁷ См. «Канон» Авиценны (ed. Rome, 1593), р. 205 и латинский перевод (Венеция, 1544), р. 147, где говорится, что два глотка такой «тезергон» смертельны для человека. В *Бурхан-и-Кати* и *Фарханг-и-Фарханг-и-Насири* приводится форма *мазарйун* (с ۛ вместо ۛ).

операцию, Аристотель «дал больному дурманящее снадобье, чтобы ввести в бессознательное состояние». Я встречал лишь одно раннее упоминание об обезболивании в персидской литературе, а именно хорошо известный отрывок из *Шах-нама*, или «Книги царей», Фирдавси⁹⁸ (написанной в начале XI в. н. э.), в котором описывается кесарево сечение, проведенное на Рудабе, матери Рустама, в момент его рождения. Однако в данном случае средством введения в бессознательное состояние было вино, а операцию проводил *мубаз*, или зороастрийский священник.

Еще одна написанная по-персидски книга, озаглавленная *Чахар Макала* («Четыре беседы») и созданная в 1155 г. самаркандским придворным поэтом по имени Низамй-и-Арудй, предоставляет для наших текущих целей более богатый материал, нежели любая из вышеназванных книг. Автор рассматривает 4 класса специалистов, которых он считает незаменимыми при правильно устроенном дворе (а именно вазирь, поэты, звездочеты и лекари); поскольку, как он справедливо отмечает, правление невозможно осуществлять без сведущих помощников, триумфы и победы не будут увековечены без поэтов, предприятия не будут успешны, если не осуществлять их во время, которое звездочеты сочтут благоприятным, в то время как здоровье — основание любого счастья и занятия — можно сохранить только стараниями умелых и верных целителей.

В каждой речи, следовательно, повествуется об одном из этих классов в порядке, указанном выше, и после некоторых вводных замечаний относительно качеств, необходимых для достижения успеха в данной профессии, приводится несколько историй (как правило, около 10), раскрывающих взгляды автора. Эти истории особенно значимы, так как по большей части являются следствием его собственных размышлений и опыта. Я опубликовал 20 лет назад полный перевод данного труда в Журнале Королевского азиатского

⁹⁸ Ed. Turner Macan, vol. i, pp. 162-163.

общества⁹⁹ (Journal of the Royal Asiatic Society); 10 лет спустя мой ученый друг из Ирана, Мйрза Мухаммад Хан Казвйний, написал критический текст и опубликовал его в цикле «E. J. W. Gibb Memorial»¹⁰⁰; и сейчас я вовлечен в осуществление переработанного и снабженного комментариями перевода, в котором особое внимание уделено медицинским случаям. Тот факт, что данная книга в настоящее время относительно легко доступна, исключает необходимость рассказывать о ней в больших подробностях, и я ограничусь несколькими замечаниями относительно «Четвертой беседы», повествующей о врачах.

«Лекарь, — утверждает наш автор, — должен быть мягким по нраву, разумным и благодушным по природе, но самое главное — проницательным наблюдателем, могущим принести благо каждому установлением точного диагноза, т. е. установлением неизвестного из известного. И ни одному лекарю не обрести ни мягкого нрава, коли не достигнет он осознания величия человека, ни философской натуры, пока не ознакомится он с логикой, не стать проницательным наблюдателем, пока не окрепнет он через руководство Божье; а тот, кто не есть проницательный наблюдатель, не придет к верному пониманию причины всякого недуга».

После изложения данного тезиса и сообщения о случае с одним больным, исцеленным молитвой, автор приводит дидактический список книг, которые следует читать тому, кто стремится познать медицинскую науку. Этот список содержит труды от «Афоризмов» Аристотеля и «Шестнадцати трактатов» Галена до великой медицинской «Сокровищницы» на персидском языке, составленной для шаха Х^варазма, или Хивы, Саййид Исма'йлом из Джурджана всего лишь на 20 или 30 лет ранее. «Но, — заключает он, — если ученик желает остаться в стороне от других трудов, он может удовлетвориться *Кануном* Авиценны». Перед которым он

⁹⁹ Июль и октябрь 1899 г. Отдельное переиздание, в настоящее время недоступное, составляет — вместе с указателем — 139 страниц.

¹⁰⁰ XI том данной серии, опубликован в 1910 г. Переработанный и снабженный комментариями перевод (в настоящее время в печати) составит XI (2) том этой же серии.

ставит только труды Аристотеля и самыми высокими словами отдает похвалу Авиценне как единственному мыслителю за 15 столетий, постигнувшему сокровенную сущность философии Аристотеля и прошедшему по пути непревзойденности своего великого предшественника.

Следующие истории несколько иного рода, нежели те, что мы до этого момента рассмотрели: в них мы не найдем гротескных рассказов о паразитических инвазиях и целительных качествах гадюк и саранчи. Наоборот, простейшие методы психотерапии являются предметом не менее чем 4 сообщений, а некоторые из них вошли в персидскую литературу, даже в поэзию, и, таким образом, получили значительную известность. Мы можем рассмотреть 2 первых рассказа, из самых известных, где чувства гнева и стыда задействованы соответствующим образом при лечении ревматического поражения суставов.

Великого лекаря Разеса вызвали в Трансоксиану, чтобы он осмотрел эмира Мансура, страдавшего от ревматического поражения суставов, поставившего в тупик всех осмотревших его медиков. По прибытии на Оксус (т. е. Аму-Дарью) Разес был так сильно встревожен из-за размеров реки и небольшой ненадежной по виду лодки, в которую его пригласили погрузиться, что решил отказаться следовать дальше.

Но посыльные царя связали его по рукам и ногам, бросили в лодку и силой переправили через реку, хотя в других отношениях обращались с ним крайне уважительно, даже принесли извинения за применение силы и просили не держать на них зла. Разес уверил их в том, что не питает чувства обиды, и объяснил причину отказа. «Я знаю, — сказал он, — что каждый год многие тысячи людей переправляются через Оксус благополучно, но если бы я утонул, люди бы сказали "Каким же глупцом был Мухаммад ибн Закарийя, что подверг себя опасности по собственной воле". Если бы я погиб во время переправы по принуждению, люди ощутили бы сострадание, а не порицание».

По прибытии в Бухару Разес опробовал различные способы лечения эмира, не имевшие успеха. Наконец он сказал эмиру: «Завтра я испробую новый способ, однако это будет стоить тебе лучшего коня и лучшего мула из твоих конюшен». Эмир согласился и передал животных в распоряжение Разеса. На следующий день Разес привел эмира в натопленную баню за пределами города, привязал коня и мула, оседлал и взнуздал их снаружи и вошел в банную комнату вместе с больным, которому прописал обливание горячей водой и дозу лекарства, приготовленного «на сей час», «поскольку жидкость в суставах его затвердела». Затем Разес вышел, оделся и, взяв нож, вошел обратно, встал перед эмиром, браня его: «Ты отдал приказ связать меня и бросить в лодку, и ты задумал лишить меня жизни. Если я не погублю тебя в наказание за это, то имя мне не Мухаммад ибн Закарийя!» Эмир пришел в ярость и — отчасти от гнева, отчасти от страха — вскочил на ноги». Разес тут же метнулся из бани туда, где его ждал слуга с конем и мулом, пустил коня во весь опор и не прекращал движения, пока не пересек Оксус и не добрался до Мерва, откуда написал эмиру следующее¹⁰¹:

«Да будет долгой жизнь даря и в здравии, и в царствовании! Что касается моих начинаний, то я приложил все усилия, врачую тебя. Однако недоставало внутреннего тепла, и лечение слишком бы затянулось, поэтому я отказался от него в пользу психотерапии (*'иладж-и нафсанй*); и, когда болезнетворная жидкость достаточно нагрелась в бане, я умышленно спровоцировал тебя, дабы приумножить внутреннее тепло, которое, таким образом, достигло достаточной мощности, чтобы разжидить уже размягченную затвердевшую жидкость. И в дальнейшем нет нужды нам встречаться».

Эмир, оправившись от гнева, обрадовался обретению вновь здоровья и свободе движений и приказал искать лекаря повсеместно. Поиск был безрезультатным, и только на

¹⁰¹ Я несколько сократил и переиначил письмо, дословный перевод находится на с. 117 отдельного переиздания в Журнале Королевского азиатского общества (Journal of the Royal Asiatic Society) за 1899 г. и на с. 84 переработанного перевода.

седьмой день слуга вернулся с конем, мулом и вышеупомянутым письмом. Так как Разес решительно отказывался возвращаться к эмиру, тот дал ему в награду мантию, тюрбан, оружие, рабов мужского и женского пола, коня с полным снаряжением и, кроме того, назначил ему ежегодное жалование размером 2000 золотых *динаров* и 200 ослиных вьюков зерна.

Вышеприведенная история рассказывается в известном персидском труде по этике *Ахлак-и Джалали*, написанном на 300 лет позже, чем *Чахар-Макала*. В другой истории, которую я помещаю в эту же категорию, пациентом является придворная женщина, которая, накрывая на стол, нагнулась и не смогла распрямиться из-за внезапного «ревматического распухания суставов». Царский лекарь (его имя не сообщается), получивший указание лечить ее и не имевший под рукой медикаментов, прибегнул к «душевному лечению» (*тадбйр-и нафсанй*) и, начав снимать с нее паранджу, а затем юбку, призвал себе на помощь чувство стыда, в результате чего, по словам автора, «внутри нее пронеслась огненная вспышка, растворившая ревматические отложения», так что женщина распрямилась, полностью исцеленная. Эта история пересказана великим поэтом Джамй, расцвет творчества которого приходится на XV в., в его сочинении *Силсилат аз-Захаб*, или «Золотая цепь». Но, что более важно, ее отыскал Мйрза Мухаммад Хан в рукописи малодоступной и неопубликованной книги *Китаб ал-Мабда'ва ал-Ма 'ад* («Книга начала и возвращения»), где автор труда *Чахар Макала* ее, по собственному признанию, взял¹⁰². Следовательно, Авиценна, по-видимому, поверил в этот рассказ, хотя он также не называет имя врача, сообщая лишь, что тот находился при одном из правителей династии саманидов, жившем в Хурасане и Трансоксиане в X в.

Авиценна является героем и двух следующих историй. Убежав от Махмуда Газнавй, он инкогнито прибыл в

¹⁰² См. с. 73 основного текста и сноски на с. 242 в XI томе «E. J. W. Gibb Memorial» Series.

Джурджан, или Гурган (древняя Гиркания) на берегу Каспийского моря, где некий родственник правителя той провинции слег с недугом, который озадачил всех местных врачей. Авиценну (хотя его личность не было раскрыта) пригласили выразить свое мнение. После осмотра больного он попросил себе в помощь кого-нибудь, кто хорошо знает все районы и города этой провинции. Этот человек повторял их названия, пока Авиценна держал палец на пульсе больного. При упоминании одного города Авиценна почувствовал колебание пульса. «Теперь, — сказал он, — мне нужен кто-нибудь, кто знает все дома, улицы и кварталы этого города». И опять при упоминании одной улицы возник этот симптом; и вновь случилось то же самое, когда были перечислены члены одного семейства. Тогда Авиценна сказал: «Я закончил. Этот молодой человек влюблен в такую-то девушку, которая живет в таком-то доме на такой-то улице в таком-то квартале в таком-то городе; а личико девушки — вот лекарство для больного». Свадьбу торжественно отпраздновали в благоприятное время, которое назначил Авиценна, и таким образом лечение завершилось.

Что касается настоящей истории (или, по крайней мере, ее важнейшей детали), то у нас есть авторитетный источник, а именно собственное сообщение Авиценны в *Кануне*¹⁰³, в разделе, посвященном любви, которую он классифицирует как умственную, или душевную, болезнь наряду с сонливостью, бессонницей, амнезией, гидрофобией, меланхолией и т. п. Под заголовком *De Ilixī*, с вариантом *alhasch* на полях, в латинском переводе¹⁰⁴ этот раздел вряд ли узнаваем, причем подразумевается, что оба этих искаженных слова означают арабское *ал-'ишик* (любовь). После описания симптомов, особенно неровности пульса, Авиценна говорит:

«И сим можно прийти к установлению личности любимого человека; если больной его скрывает, такое знание послужит

¹⁰³ См. с. 316 арабского текста, изданного в Риме в 1593 г. Ибн Абй Усайби'а (vol. ii, p. 128) приводит очень похожие рассказы Галена и Рашид ад-Дйна Абу Халйка.

¹⁰⁴ Venice, 1544, f. 208b.

средством для лечения. Прием, с помощью которого можно это осуществить, заключается в том, что нужно называть и повторять много имен, удерживая палец на пульсе больного, а когда пульс станет очень неровным и почти исчезнет, нужно снова провести процедуру. Я проводил этот прием повторно и узнал имя любимого человека больного. Затем упоминайте улицы, жилища, ремесла, занятия, семьи и местности, сопоставляя с именем любимого человека, все время проверяя пульс. Когда он изменится при упоминании какой-нибудь одной детали несколько раз, вы сможете сделать вывод относительно имени, внешности и профессии. Мы сами опробовали таковой план и тем самым получили сведения, оказавшиеся полезными. В таком случае, если вы не находите другого лекарства, нежели соединить пару по образу, разрешенному законом и верой, так и поступите. Мы знаем случаи, когда (после сильного истощения и страданий от затяжных тяжелых болезней и продолжительных приступов лихорадки по причине отсутствия силы, проистекающего от непомерных любовных мучений) здоровье и сила полностью возвращались и тело восстанавливалось при одобрении союза с любимым человеком в очень короткий срок; и мы были в изумлении от этого и осознали подчиненность человеческой природы душевным представлениям».

Мы находим очередное упоминание такого рода лечения в одной более поздней энциклопедии, на которую я уже ссылался, — *Захйра-и Хваразмшахй*, — составленной между 1111 и 1136 г. и известной в качестве первой крупной систематизации медицинских знаний, осуществленной на персидском, а не на арабском языке. Здесь автор, Саййид Исма'йл из Джурджана, повторив суть указаний Авиценны, добавляет: «Учитель Абу 'Алй (т. е. Авиценна), да пребудет над ним милость Божья, пишет: "Я опробовал такой план и узнал, кем является объект любви"», и прилагает довольно близкий перевод заключительных слов Авиценны о скором выздоровлении больного, когда его желание осуществилось.

Немногим более чем через 100 лет, в середине XIII в., великий поэт-мистик Джалал ад-Дйн Румй, которого можно назвать персидским Данте, взял данную тему в качестве сюжета аллегорического рассказа в начале своей знаменитой книги *Маснавй*. В этом рассказе описывается, как один царь, выехавший на охоту, встретил красивую девушку, влюбился и женился на ней. К его величайшему потрясению, она сразу же заболела и лекари, вызванные к ее ложу, не могли справиться с болезнью или облегчить ее страдания, потому что, когда они уверяли царя в том, что в силах излечить ее, они не произносили обязательной фразы (*истисна*) «Дай Бог». Следовательно, все лекарства давали эффект, обратный предполагаемому или желаемому: от укуса с медом (*саркан-габйн*) девушка только становилась все более раздражительной, а миробалан (*удалила*) лишь вызывал обезвоживание вместо успокоения. Наконец в ответ на молитвы царя появляется «божественный лекарь» (*табйб-и илахй*) и после тщательного обследования больной заявляет, что до сих пор осуществлявшееся лечение полностью противопоказано и основано на неверном диагнозе. Затем лекарь просит разрешить ему остаться наедине с больной и продолжает расспрашивать ее о городах, в которых она раньше жила или останавливалась, поскольку, разъясняет он, лечение различается в зависимости от места рождения или пребывания. Беседуя с девушкой о ее прошлой жизни, он держит палец на ее пульсе, однако не замечает каких-либо знаков волнения, пока не упоминается Самарканд и, позже, квартал Сар-и Пул, или «Окраина моста», и улица под названием Гатафар¹⁰⁵. Вскоре он узнает — в точности с помощью метода, который указал Авиценна, — что она влюблена в одного ювелира, живущего в данном районе в Самарканде. Вслед за тем, успокоив ее и пообещав выздоровление, лекарь советует царю отправить посланников в Самарканд, пригласить ювелира ко двору и назначить

¹⁰⁵ Такие действительно существуют. См. В. Жуковский. Развалины старого Мерва. С. 171, сноска 1.

приличное жалование. Ни о чем не подозревающий ювелир, польщенный любезными словами царя, замечательными подарками и добротными обещаниями, с радостью принимает приглашение. По прибытии, согласно указаниям «божественного лекаря», он женится на девушке, к которой в течение 6 месяцев возвращается здоровье и красота. Затем лекарь начинает давать ювелиру медленно действующий яд, от которого он становится безобразным, надоедливым и болезненным, так что девушка не может его больше выносить перед его смертью, которая вскоре и происходит, и вновь отдается в распоряжение царя, став его невестой. У меня сейчас нет времени, чтобы вдаваться в аллегорический замысел этого по внешней форме безнравственного рассказа, однако такое чисто литературное использование материала, косвенно позаимствованного у самого Авиценны, представляется мне в высшей степени интересным.

Из «Четырех бесед» я приведу еще лишь одну историю, героем которой снова является Авиценна. Один принц впал в уныние и страдал от бреда, считая себя коровой. «Каждый день, — пишет автор, — он мычал, как корова, надоедая всем вокруг, и кричал "Забейте меня, чтобы приготовить вкусное блюдо из моего мяса", пока дело не дошло до того, что он перестал что-либо есть, тогда как врачи не могли как-либо помочь ему». Наконец Авиценну, в то время служившего первым вазирем у 'Ала ад-Давла ибн Какуйя, попросили заняться этим случаем, на что он согласился несмотря на неотложность общественных задач и собственного дела, политической, научной и литературной деятельности, которая была необозримой. Прежде всего он отправил больному сообщение, велел ему быть в хорошем расположении духа, так как к нему направляется мясник, чтобы забить его. Тогда, как сообщается, больной возрадовался. Некоторое время спустя Авиценна с ножом в руке вошел в комнату больного со словами: «Ну, где та корова, что можно заколоть?» Больной замычал, как корова, и обозначил, где он находился. По приказу Авиценны его положили на землю, связанного по

рукам и ногам. Авиценна ощупал его и сказал: «Он слишком тощий и не готов для забоя, его нужно откормить». Тогда больному предложили хорошую пищу, которую он теперь принимал охотно; постепенно он набрался сил, избавился от бреда и полностью выздоровел. Рассказчик заключает: «Каждый здравомыслящий человек понимает, что нельзя лечить такими способами, если они не основаны на превосходном знании, отточенном мастерстве и безошибочной проницательности». Эта история была также изложена в стихах Джамй в его «Золотой цепи» (*Силсилат аз-Захаб*), написанной в 1485 г., через 330 лет после «Четырех бесед», однако я не нахожу упоминания о каком-либо подобном способе лечения в статье, посвященной меланхолии, в *Кануне* Авиценны.

Прежде чем закончить данную тему, я должен упомянуть одну историю, рассказанную поэтом Низами в «Сокровищнице тайн» (*Махзан ал-Асрар*), где внушение применяется не для излечения, а для нанесения вреда. В этой истории рассказывается о том, как соперничество между двумя придворными лекарями в конце концов достигло такого предела, что они бросили друг другу вызов на дуэль или тяжкие испытания путем принятия яда, причем было согласовано, что каждый примет яд, приготовленный соперником, действие которого соревнующийся должен будет устранить соответствующим противоядием. Первый приготовил ядовитое зелье, «чья сила могла расплавить черный камень»; его соперник осушил чашу и сразу же принял противоядие, сделавшее зелье безвредным. Теперь настала очередь второго. Он сорвал в саду розу, произнес над ней заклинание и велел сопернику понюхать ее, после чего последний упал замертво. То, что его смерть связана со страхом, а не с какими-либо ядовитыми или магическими свойствами той розы, четко обозначено поэтом:

دشمن از آن گل که فسون خوان بداد،
ترس بدو چیره شد و جان بداد،
آن بعلاج از تن خود زهر برد،
وین بیکی گل ز توهم بمرد،

*От той розы, что произнесший заклинание отдал против-
нику,*

*Тот покорился страху и отдал душу, Тот
лекарством из тела своего яд изгнан, А этот от
внушения от розы умер.*

Я не сомневаюсь в том, что внушение играло важную роль в арабской медицине, и более широкое изучение арабских и персидских трудов (зачастую, к сожалению, непоследовательных и не снабженных указателями) принесет нам много более весомые плоды в данной области. Но жители Востока питают почти детскую любовь к удивительному. Они хотят, чтобы их цари были необыкновенно велики и могущественны, их царицы и принцессы — бесподобно красивы, их министры, или визири, — необычайно глубокомысленны, а их врачи — невообразимо проницательны и находчивы. Эта безграничная вера, между прочим, в высшей степени стеснительная для того, кто занимается медициной на Востоке, сохраняется и распространяется благодаря таким удивительным историям, о которых я рассказывал. Разес сделал то-то, скажут вам, а Авиценна — то-то, и разве ты, преемник всех веков, не более велик, чем они, или, мало того, Гиппократ и Гален? Тем не менее, подлинный принадлежавший Разесу журнал с историями болезней, от которого (почти единственный случай в арабской литературе) до нас, к счастью, дошел фрагмент, хранящийся в отделе рукописей Бодлеанской библиотеки¹⁰⁶, в целом не отличается таким сенсационным свойством; и будет сказано к чести этого великого врача, что он отбирал для записи именно те истории

¹⁰⁶ Marsch, с. 156, и далее 239b-246a. См. с. 50-53 выше.

болезни, которые его озадачивали поначалу или же вовсе заводили в тупик.

Во вводной лекции к данному курсу я объяснил, что поскольку Золотой век мусульманской, или арабской, литературы и науки приходился на первый век или на первые 2 века Багдадского халифата династии ' Аббасидов (т. е. начиная с 750 г. н. э.), высокий уровень развития культуры поддерживался вплоть до того, пока страшная катастрофа монгольского, или татарского, нашествия в XIII в. не привела к потрясению, от которого эта культура так и не оправилась. Халифат пал, а его столица была разграблена и разорена в 1258 г. И хотя выжившие ученые молодого поколения еще некоторое время продолжали развивать основательную научную традицию, существует, в широком смысле, разница не только в качестве, но и в способе создания литературных и научных трудов до и после XIII в. в мусульманских землях. Медицина и история обязаны своей относительной сохранностью желанию диких завоевателей быть здоровыми и прославленными; и в следующей лекции мне нужно будет рассказать по крайней мере об одном авторе, который жил в XIV в. Конечно, с этих времен и вплоть до наших дней не было недостатка в медицинской литературе подобного рода: некоторое представление о большом числе трудов по медицине, написанных только в Персии, можно получить из работы Адольфа Фонанна (Adolf Fonahn) *Zur Quellenkunde der Persischen Medizin* («К источниковедению персидской медицины»), изданной в Лейпциге в 1910г. Автор этой замечательной и скрупулезной книги, перечисляющей более 400 персидских источников, рассматривает досконально или частично всевозможные медицинские предметы и добавляет исключительно полезную библиографию, а также короткие биографические заметки относительно 25 часто упоминаемых врачей и людей, писавших о медицине, которые жили в период с начала X по начало XVIII в., исключая, однако, Разеса и Авиценну, который, хотя и был персом по происхождению, писал на арабском языке. Эта медицинская

персидская литература остается практически неисследованной. Равным образом, в большинстве случаев не представляется возможным составить о ней сколько-нибудь полное впечатление до тех пор, пока не будет изучена более древняя арабская литература. Доскональное знание текстов *Хавй*, *Китаб ал-Маликй* или *Liber Regius*, а также *Кануна* Авиценны будет необходимо для установления того, были ли включены какие-либо значительные дополнения или изменения в эти классические тексты более поздними авторами. Что касается одного замечательного персидского систематического изложения медицинской науки, озаглавленного *Зиѣра-и Х^аразмиахй* и составленного в XII в., каковое волею судеб оказалось доступным мне в нескольких рукописях, то его я предлагаю обсудить в следующей лекции. И только две другие персидские работы по медицине, дошедшие до наших дней, насколько мне известно, привлекают большое внимание в Европе— труд Абу Мансура Муваффака из Герата под названием *Materia Medica*, составленный приблизительно в 950 г., а также иллюстрированная «Анатомия» (*Anatomyj* Мансура ибн Мухаммада, составленная в 1396 г. Наиболее древней из известных в Европе персидских рукописей, переписанных поэтом Асадй в 1055 г., является уникальный список прежде упомянутого сочинения, замечательное издание которого было осуществлено в Вене доктором Ф. Р. Селигманном (F. R. Seligmann) в 1859 г., основываясь на данном труде, была осуществлена прекрасная работа Абдул Чалиг Ахундова, д-ра Пауля Хорна, проф. Джолли. Анатомические диаграммы, содержащиеся в вышеупомянутом издании, в особенности привлекли внимание д-ра Карла Судхоффа (Karl Sudhoff), опубликовавшего их в India Office ms. *Studien zur Geschichte der Medizin*¹⁰⁷ и предположившего, что они отражают традицию, восходящую, возможно, даже к александрийской школе. Из этой работы я недавно получил две рукописи,

¹⁰⁷ Heft 4, Leipzig, 1908.

некоторые из иллюстраций которых демонстрируют изображения, могущие представлять интерес для нашего исследования.

Прежде чем завершить данную лекцию, я могу добавить несколько слов относительно введения основ современной европейской медицины на мусульманском Востоке, где древняя система, которую мы называем арабской, или греко-мусульманской (*тибб-и йунани*), до сих пор сохраняет свои позиции, в то время как влияние ее постепенно угасает, особенно в Персии и Индии. Когда мне случилось побывать в Тегеране в 1887, д-р Толозон, придворный врач Его Величества Насир ад-дйн Шаха, позволил мне присутствовать на собрании *Маджис-и Сиххат* или, говоря иными словами, Совета по здравоохранению, в столице персидского государства. Большинство присутствовавших там врачей не имели иного представления о медицинской науке, кроме как то, что представлено у Авиценны. С того времени довольно значительное количество молодых иранцев (впрочем, намного меньшее, чем можно было бы желать) отправились для обучения в Европу, однако даже в середине XIX в. много было сделано такими людьми, как австриец д-р Полак (Polak) и голландец д-р Шлимммер (Schlimmer), который поехал Персию с целью организовать новый политехнический и военный колледж. Книга *Terminologie Medico-Pharmaceutique et Anthropologique Francaise-Persane* доктора Шлимммера, изданная литографским способом в Тегеране 1874 г., является бесценной работой для изучения восточной медицины по причине огромного объема информации, которую она содержит, и наличия аккуратно выполненной идентификации персидских названий растений, лекарств и недугов. Одной из первых книг, изданных в Персии с использованием подвижных литер, был трактат о прививках от оспы (я его, к сожалению, не видел), напечатанный в Табризе в 1825 г.¹⁰⁸ Этот же год знаменуют собой внедрение методов

¹⁰⁸ См. E. G. Brown *Press and Poetry of Modern Persia* (Cambridge, 1914), p. 7.

современной западной медицины в Египте Клотом Бейем (Clot Bey) и другими французскими учеными, приглашенными туда хедивом Мухаммадом 'Алй, а также основание госпиталя в Абу За'бале близ Гелиополиса, который годом позже был перемещен на место своего нынешнего расположения в Каср ал-'Айнй. Египетские студенты посылались в Италию (в 1813 и 1816 г.), а также в Англию (в 1818 г.) для обучения военному и морскому делу, кораблестроительной науке, книгопечатанию и механике, однако первые студенты-медики, по всей видимости, были посланы в Париж, несомненно стараниями Клота Бейя, в 1826 г. Великолепная оценка этого позднего возрождения науки (*ан-Нахдат ал-Ахйра*, как называется оно по-арабски) приведена неутомимым писателем Джурджй Зайданом — сирийцем-христианином, проживавшем в Египте, в его книге «История арабской литературы»¹⁰⁹, опубликованной в Каире в 1911-1914 гг. Подробный рассказ об этом слишком далеко уведет меня в сторону от рассматриваемого мной сюжета, однако два момента, касающиеся его истории, имеют несомненное отношение к возрождению греческой учености на Востоке в VIII в., о чем я рассказывал в своей первой лекции в прошлом году. Тогда я говорил о предубеждении относительно препарирования; и будет весьма интересно отметить, что Клот Бей также боролся с подобным предвзятым мнением, призывая различать вскрытие и убийство¹¹⁰. Я также обращал ваше внимание на то, что хотя некоторые греческие труды переводились для багдадских халифов непосредственно на арабский язык, во многих случаях они проходили также фазу «промежуточного» перевода на сирийский. Также и в эпоху «позднего Возрождения», имевшую место тысячу лет спустя в Каире, мы обнаруживаем¹¹¹, что один из наиболее талантливых переводчиков, Хунайн, или Иуханна ' Анхурй (его мы смело

¹⁰⁹ *Ta'rikhu Adabi 'l-Lughati 'l-'Arabiyya*, vol. iv, pp. 24 et seqq.

¹¹⁰ См. его *Apercu general sur l'Egypte*, vol. ii, p. 415 (Paris, 1840).

¹¹¹ С. 190 в работе Зайдана, упомянутой двумя ссылками ранее.

можем назвать Вторым Хунайном, или Иоханнитиусом), «был слаб во французском, однако хорошо подкован в итальянском, с которого часто переводил на арабский. Поэтому если книга была написана на французском, она сначала переводилась на итальянский, с которого он уже переводил ее на арабский». Первые арабские переводы, перед тем как попасть на печатный станок, проходили через руки редактора или «корректора» (как правило, весьма отличавшегося от обычного читателя), который был образованным арабским ученым, разбиравшимся, по крайней мере немного, в данной области и ее терминологии, однако не знавшим никакого европейского языка. Этот человек придавал сочинению должный литературный стиль. Согласно д-ру Люсьену Леклерку, сходная процедура была характерна и для перевода арабских научных трудов на латынь в Средние века¹¹².

Как же умело Абу-л-'Ала ал-Ма'арри уподобил время длинной поэме, в которой вид рифмы, размер и ритмика никогда не меняются, в то время как рифмующиеся слова никогда не повторяются.

و كأنما هذا الزمان قصيد، ما اضطر شاعرها الى ايطائها

*Die Zeit, die ewig dahin rollt, ist wie ein Gedicht:
Doch denselben Reim wiederholt der Dichter nicht.*¹¹³

Об этом же говорит и историк Ибн Халдун:

الماضى أشبه بالانى من الماء بالماء،

«Прошлое в большей мере походит на будущее, чем одна вода походит на другую воду».

¹¹² Histoire de la Médecine Arabe, vol. ii, pp. 344 u 345.

¹¹³ A. von Kremer, *Culturgeschichte des Orients*, vol. ii, p. 390, и Z. D. M. G., vol. xxx, p. 44. Д-р Р. А. Николсон в своей недавно опубликованной работе — R. A. Nicholson, *Studies in Islamic Poetry* (Cambridge, 1921, p. 59), переводит данный отрывок следующим образом:
*And the Maker infinite,
Whose poem is Time,
He need not weave in it
A forced stale rhyme.*

ЛЕКЦИЯ 4

ВКЛАД ИСПАНСКИХ МАВРОВ —

ШКОЛА В ТОЛЕДО —

ПЕРСИДСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XII-XIV вв. —

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ XIII в. —

МУСУЛЬМАНСКИЕ БОЛЬНИЦЫ —

ПИСЬМА «РАШЙДА-ВРАЧА» —

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ КОСМОГОНИИ,
ФИЗИКИ И ФИЗИОЛОГИИ —**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Краткий обзор истории и развития арабской медицины, осуществленный мною в последних трех лекциях и завершаемый сегодня, был, по необходимости, слишком сжатым по соображениям времени. По большей части, я был вынужден ограничиваться периодом и территорией правления 'аббасидских халифов, т. е. VIII—XIII вв. н. э., а также областями Месопотамии и Персии. К сожалению, мне придется исключить из этого обзора блестящие цивилизации, развившиеся в Испании и на Западе в период господства арабов. Однако чтобы вы не забыли о них или не подумали, что я забыл о них, мне, по меньшей мере, следует упомянуть несколько наиболее славных имен, ассоциирующихся с мавританской медициной.

В X в. Кордова породила величайшего хирурга арабского происхождения, Абу-л-Касима аз-Захравй, известного в средневековой Европе как Абулькасис (или даже Альбукасис), и Альсахаравиуса. Современником последнего был придворный врач Ибн Джулджул, сочинение которого «Жизнь врачей и философов», к сожалению, было утеряно. «Абен Гуэфит», собственно Ибн ал-Вафид Толедский, и Ибн ал-Джаззар Кайруванский из Туниса, находивший разрядку

после своих профессиональных трудов в пиратстве на морских просторах, принадлежали к более позднему поколению. История XII в. дала знаменитого Аверроэса (Ибн Рушда) из Кордовы, который, тем не менее, был более известен как философ, нежели как врач, Авензора (Ибн Зухра) из Севильи, а также известного еврейского ученого Маймонида (Муса б. Маймун), также из Кордовы, ставшего в конце концов придворным врачом Саладина в Египте. Еще одно относящееся к XIII в. имя, которое ни в коем случае нельзя пропустить, — великий ботаник Ибн ал-Байтар из Малаги, достойный последователь Диоскорида. Последний много путешествовал по Греции, Малой Азии и Египту в поисках лечебных трав, чьи труды по фармакологии стали известны в Европе благодаря Сонтгеймеру (Sontheimer) и Леклерку. Как вы знаете, Испания и Северо-Западная Африка сыграли главную роль в передаче арабской системы медицины в Европу: особенно Толедо, где деятели, подобные Жерару Кремонскому и Майклу Скотту¹¹⁴, приобретали знания, которые затем передавали в христианской Европе.

Обратимся еще раз к Персии. XII в. оказался благоприятным для развития местной медицинской и научной литературы, образцы которой в более раннюю эпоху встречались довольно редко. Арабский язык, оставаясь основным орудием богословской и философской мысли во всех мусульманских странах, подобно латинскому в Средневековой Европе, по-прежнему практически исключительно использовался даже выдающимися персидскими медиками — Рази, Хали Аббасом и Авиценной, о котором я уже говорил. Однако в начале XII в. при дворе Х'аразма, или Хивы, появился врач по имени Зайн ад-Дйн Исма'йл Джурджани (из Гиркании), написавший ряд медицинских сочинений, наиболее важное и, безусловно, самое объемное из которых называлось, в честь правителя, которому было посвящено, *Захйра-и Х'аразмшахй*, т. е.

¹¹⁴ Время, когда Жерар Кремонский (род. 1114 г., ум. 1187 г.) посетил Толедо, неизвестно. Майкл Скотт побывал там в 1217 г.

«Сокровищница шаха Хорезма». Это сочинение, которое соперничает с *Кануном* Авиценны или даже превосходит его по широте охвата и размеру, до сих пор остается неизданным, хотя, надеюсь, что в Индии все еще пользуются литографированным переводом на урду. Помимо нескольких разрозненных томов, некоторые из которых переписаны в XIII-XIV вв., я имею одну полную рукопись этого энциклопедического сочинения, включающего 1403 страницы в 27 строк размером 12 x 8 дюймов. В книге не менее 450 тысяч слов и, поскольку почерк весьма нечеткий, текст крайне неточен. Здесь, разумеется, нет ни заголовков, ни указателей. Легко понять, что внимательное прочтение сочинения весьма трудоемко. Тем не менее, сочинение тщательно разделено и подразделено: во-первых, на 9 томов, с 10 дополнительным томом, посвященным фармакологии; во вторых, на многочисленные размышления (*гуфтар*), части (*джуз*) и главы (*баб*). С помощью другой, практически полной, рукописи, принадлежащей библиотеке Кембриджского университета, мне удалось составить исчерпывающую таблицу этих разделов. Замечу, что библиотека этого колледжа является обладателем прекрасной старой рукописи (XII в.)¹¹⁵ части 6 тома, касающейся местных процессов *a capite ad calcem* («с головы до пят»). Эта часть включает все 6 глав 8 «Беседы» о болезнях сердца, а также часть 13 «Беседы», посвященной водянке.

Тот же автор составил ряд меньших по объему медицинских сочинений на персидском языке. К ним относятся «Задачи медицины» (*Аград-и Тибб*), «Памятка» (*Йадгар*) по фармакологии и фармацевтике, а также *Хуффй-и 'Ала 'й*, переписанный в форме вытянутой книги для того, чтобы путешественник мог возить чтение с собой в сапогах для верховой езды (*хуфф*), откуда и название. Все эти сочинения описаны Фонаном в его полезной работе «К источниковедению персидской медицины» (*Zur Quellenkunde*

¹¹⁵ Под шифром А.27.

der Persischen Medizin), а также рекомендованы автором «Четырех бесед» (*Чахар Макала*), сочинения, написанного всего лишь через 20 лет после смерти Зайн ад-Дйна Исма'йла. О «Сокровищнице» (так я теперь буду обозначать *Захйра-и Харазмшахй*) я еще много буду говорить, но сначала доведу обзор литературы до монгольского периода, дальше которого я идти не намерен.

Примечателен XIII в. еще и тем, что он дал ряд блестящих биографических сочинений на арабском языке. Сначала я упомяну *'Уйун ал-анба фй-т-табакат ал-атибба* («Источники сведений о разрядах врачей»). Это сочинение, содержащее только биографии врачей, было составлено Ибн Абй Усайби'а в Дамаске в 1245 г. и издано в Каире в двух томах в 1882 г. Далее следует *Та'рих ал-хукама*, биографический словарь философов и медиков. Его составил ал-Кифтй, уроженец Верхнего Египта, большой любитель книг и их собиратель, сочетавший в себе благочестие и терпимость, щедро помогавший другим ученым. Он умер в 1248 г. в возрасте 76 лет. Текст этой ценной работы, отредактированный д-ром Юлиусом Липпертом (*Julius Lippert*), был опубликован в Лейпциге в 1903 г. Еще одно похожее, но несколько более раннее сочинение Шахразурй существует в двух редакциях — арабской и персидской. Однако это редкое сочинение до сих пор не опубликовано. Большой биографический словарь Ибн Халликана, начатый в Каире в 1256 г. и законченный в этом же городе в 1274 г., доступен английскому читателю в переводе барона Мак-Гакин де Слэйна (*McGuckin de Slane*). И хотя он является более общим по своим задачам, в нем содержатся биографии ряда выдающихся медиков. Географ Йакут, находившийся в это же самое время на пике славы, также написал биографический словарь, 5 томов которого были изданы профессором Марголиусом. Однако этот словарь посвящен, главным образом, литераторам. Наконец, следует упомянуть христианского врача, философа, богослова и историка, Абу-л-Фараджа Григориуса, больше известного как Бар

Эбрей. Последний умер в 1286 г. в возрасте 60 лет. Это его д-р Райт ¹¹⁶ (Wright) позднее описал как «одного из самых образованных и разносторонних людей, которых когда-либо порождала Сирия». Он писал, главным образом, на сирийском. Однако в конце жизни, по просьбе ряда друзей из числа мусульман города Марага в Северо-Западной Персии, Райт создал арабскую версию первой (политической) части своей грандиозной «Всемирной истории», «изобилующую многочисленными ссылками на мусульманских авторов и литературу, отсутствующими в сирийском» оригинале. Будучи выдающимся врачом и пользуясь высочайшим благоволением и доверием монгольских правителей Персии, он, естественно, уделил в своей «Истории» довольно много внимания вопросам медицины. Эта книга была издана в латинском переводе Пококом (Рососк) в 1663 г. Еще одно блестящее издание данной книги с подробными указателями было осуществлено издательством «Католик Пресс» (Catholic Press) в Бейруте в 1890 г.

Для того чтобы нарисовать картину медицинской практики в средневековых мусульманских странах, нам, главным образом, не хватает отчета о действительном управлении больницами, в значительных количествах основывавшихся благочестивыми благотворителями в наиболее важных городах. О зданиях мы, разумеется, черпаем информацию из рассказов путешественников, например Ибн Батуты (XIV в.), и описаний топографов, например ал-Макрийзй (XV в.), давшего детальный отчет об истории, расположении и структуре 5 больниц в Каире ¹¹⁷. Старейшей из них была больница, основанная Ахмадом б. Тулуном примерно в 873 г. Наиболее важная из них была основана Кала'уном в 1284 г. и называлась «Большая больница ал-Мансура» (*Ал-Маристан ал-Кабйр ал-Мансурй*). Она была основана Кала'уном ал-Маликом ал-Мансуром во исполнение обещания, данного им несколькими годами ранее, когда он был исцелен от

¹¹⁶ Syriac Literature (London, 1894), p. 265. Список его работ по медицине см. на с. 252 настоящего издания.

¹¹⁷ *Khitat* (Bulaq, 1853), vol. II, pp. 405-8. См. также E. W. Lane. *Cairo Fifty Years Ago* (London, 1896), pp. 92-94.

сильнейшего приступа колики в Дамаске врачом. Этот врач служил в больнице, основанной в этом городе Нур ад-Дйном, при котором начинал свою службу великий Саладин. Пожертвования составляли миллион *дирхамов* в год. Больница была открыта для всех больных — богатых и бедных, мужчин и женщин. Здесь имелись палаты для женщин и для мужчин. Лечением пациентов занимался персонал, состоявший как из мужчин, так и из женщин. Одна большая палата была выделена для больных лихорадкой, одна для пациентов с глазными болезнями, одна для проведения хирургических операций и одна для дизентерийных больных и подобных заболеваний. В больнице имелись кухни, лекционные залы, помещения для хранения препаратов и инструментов, бесплатная амбулатория, а также комнаты для персонала. И не так уж важно, что для обозначения слова «больница» во всех этих книгах используется слово *маристан*, представляющее собой искаженный вариант персидского слова *бймаристан*, что значит «место для больных». В Египте оно было заменено чисто арабским словом *мустаифа*, означающим «место, где приобретается исцеление». Слово же *маристан* стало использоваться в значении «сумасшедший дом». С самого начала в этих больницах отводились отдельные палаты или клетушки для душевнобольных. Макрйзй рассказывает, как Ахмад б. Тулун, основатель старейшей больницы в Каире, посещал ее ежедневно до тех пор, пока один из душевнобольных не попросил у него гранат и, вместо того чтобы съесть его, бросил его в Тулуна с такой силой, что гранат разбился и испачкал его одежду. После этого Тулун никогда больше не посещал эту больницу. Лэйн в своей книге «Каир пятьдесят лет назад» (*Cairo Fifty Years Ago*) (с. 92-94) дает печальный отчет о душевнобольных, которых он видел во время своего посещения Бймаристана Кала'уна. Клот Бей в своей книге

«Общий отчет о Египте»¹¹⁸ рисует плачевную картину состояния медицины в этой стране в начале XIX в.

Весьма ценную, по-моему, даже уникальную, рукопись я недавно получил из библиотеки умершего сэра Альберта Хотума-Шиндлера (Sir Albert Houtum-Schindler), который в течение своего длительного пребывания в Персии приобрел больше знаний об этой стране во всех аспектах, чем кто-либо из ныне живущих. Эта рукопись, между прочим, проливает несколько больше света на состояние медицины в этой стране в начале XIV в. Одним из самых образованных людей и ученых авторов того периода был врач Рашид ад-Дин Фадл Аллах, родившийся в 1247 г. в Хамадане, городе, в котором похоронен Авиценна. Он стал придворным врачом монгольского правителя Абака, наследник которого, Газан, принявший Ислам, оказался столь высокого мнения о нем, что назначил премьер-министром в 1295 г. За 22 года, в течение которых Рашид ад-Дин занимал этот высокий и опасный пост (поскольку было редкостью, чтобы министр монгольского правителя умирал естественной смертью), он обрел огромное богатство и силу, которые использовал в самых благочестивых целях, основывая школы, больницы и библиотеки, давая субсидии на обучение и премии ученым. В прекрасном квартале, основанном им в Табрйзе и названным в свою честь *Раб'-и Рашиди*, он расточал свою заботу, не только украшая его пышными зданиями, предназначенными для благочестивых и учебных целей, но и привлекая туда своей щедростью величайших ученых, наиболее выдающихся мастеров и самых умелых ремесленников со всех частей света. Чрезвычайно скрупулезные меры, принятые им для увековечения и распространения знания, хранимого в несравненных библиотеках *Раб 'и Рашиди*, подробно описаны Катрмером (Quatremere) во Введении в его «Историю монголов» (*Histoire des Mongols*). Увы, все эти меры предосторожности в одночасье оказались напрасными.

¹¹⁸ Aperçu general sur l'Egypte. Paris, 1840, vol. II, pp. 382 и далее.

Когда в июле 1318 г. Рашид ад-Дин в конце концов стал жертвой интриг завистливых противников и был казнен, прекрасный пригород, в который он вложил столько дум, забот и богатства, был полностью разрушен и разорен.

Вот таким, в двух словах, был человек, который на самом пике своего могущества предпочитал называть себя «Рашид-врач», не делая культа из высокопарных титулов помпезной эпохи. Рукопись же, о которой я говорил, содержит собрание около 50 его писем, адресованных разным людям по разным вопросам. Эти письма были собраны и систематизированы его секретарем, Мухаммадом Абаркухи. Мой друг, Мухаммад Шафй', ныне профессор арабского языка в Восточном колледже (Лахор), был настолько любезен, что сделал для меня извлечения из этого ценного собрания, сокращая и опуская риторические излишества и банальности, которыми полны многие письма, но обращая особое внимание на интересные моменты, особенно медицинского или фармакологического характера. Эти извлечения, общим числом 10, я намерен кратко обсудить, располагая их в порядке, в котором они встречаются в рукописи.

Но. 18 (лл. 346-366). Адресовано Х^ваджа 'Ала ад-Дйну Х,инду, требующему различные масла для больницы в *Раб'-и Рашиди* (Табрыз). Там, согласно отчету главного врача больницы, в них остро нуждался Мухаммад б. ан- Нйль, охарактеризованный как «Гален наших времен». Количество каждого сорта масла (от 1 до 300 манов) и место, откуда его следует взять, весьма точно определены. Шйраз обеспечивал 6 разных сортов, Басра — 7, Малая Азия — 6, Багдад — 9, Сирия — 3, Хилла — 3. Большая их часть — это ароматические масла, приготавливаемые из различных ароматных цветов: фиалок, жасмина, нарцисса, разного рода роз, мирта, цветков апельсинового дерева и т. п. Мы также встречаем здесь полынь, смолу мастикового дерева, ромашку, касторовое масло и даже масло скорпионов. В постскриптуме автор письма просит поторопиться с выполнением этих заказов и даже требует, чтобы во избежание задержки в

каждую из шести указанных местностей был бы отправлен отдельный курьер.

№. 19 (лл. 366-40a). Адресовано Рашидом своему сыну, правителю Багдада, Амйру 'Алй. Рашид наставляет сына в том, какие пенсии и подарки следует давать образованным людям по всей Персидской империи от Окса до Джамны, а на западе даже до Малой Азии и границы с Египтом. В каждом случае подарки состоят из некоторой денежной суммы, меховой одежды или шубки и ездового животного. Только один из 49 упомянутых лиц отдельно аттестован как врач. Это некто Махмуд б. Илйас¹¹⁹, которому предстояло получить 1 000 динаров наличными, одежду из серой белки, а также лошадь или мула с седлом.

№. 21 (лл. 456-536). Адресовано Рашидом сыну, правителю Малой Азии, Джалал ад-Дйну. Содержит требование, чтобы тот ежегодно посылал в Табрйз на нужды больницы 6 лекарственных средств в количестве от 50 до 100 манов, а именно анисовое семя, пластинчатый гриб, мастиковое дерево, лаванду, повилику и горькую полынь.

№. 29 (лл. 876-92a). Это письмо было написано из Мултана (Синд) Мавлана Кутб ад-Дйну Шйразй. Автор жалуется на то, что был принужден прекратить свою прекрасную жизнь в Персии и предпринять беспокойное путешествие в Индию из-за каприза Аргуна-монгола. Последний желал, чтобы автор письма поразил индийских царей и принцев силой и величием своего господина и заодно собрал кое-какие полезные травы, которые нельзя было найти в Персии. Автор выражает удовлетворение успехом своей миссии и говорит о скором возвращении домой. Здесь, между прочим, он описывает, как ему удалось, не оскорбив Султана 'Ала ад-Дйна, которому он был представлен, упрекнуть его в чрезмерной привязанности к вину. Упрек был подан столь тактично, в форме анекдота и уместных стихов, что его царственный гость не только не

¹¹⁹ См. № 41 ниже.

разозлился, но и назначил ему и его сыну (после его смерти) приличную пенсию.

№. 36 (лл. 1206-1316). Довольно длинное письмо, написанное в период, когда Рашид страдал от болезни, которую считал смертельной. Содержит подробные указания об управлении его имуществом и содержании его фондов. Он описывает некоторые детали, касающиеся своей библиотеки, которая по его завещанию должна была быть передана в *Раб'-и Рашиди*. Библиотека включала 1000 списков Корана, большинство из которых были переписаны самыми известными каллиграфами, а также 60 000 научных и художественных рукописей, среди которых были книги, привезенные из Индии и Китая. Рашид также особо упоминает о китайских коробочках для электуариев, а также о 1000 китайских кувшинов для сиропа — они были изготовлены очень искусно, и на каждом было написано название сиропа, для которого он предназначался.

№. 40 (лл. 136а-138б). Хотя письмо и не имеет отношения к медицине, оно интересно тем, что показывает единство мусульманского мира, скорость, с которой идеи распространялись в его даже самые отдаленные уголки, а также огромный стимул к учебе, который мог дать щедрый правитель, причем даже в странах, в политическом отношении ему не подчиненных. Письмо содержит наставления Рашиде своему агенту в Малой Азии относительно достойного денежного вознаграждения и подарков для образованных людей, написавших книги в его честь, в Магрибе, или западных исламских странах. Из десяти человек шестеро были жителями Кордовы, Севильи и других мест Андалусии, четверо были из Туниса, Триполи и Кайрувана. Мы преувеличиваем средства коммуникации, которые существуют в настоящее время, однако весьма сомнительно, чтобы какая-либо идея, книга или философское учение проделало бы сейчас путь от Туниса до Табрйза или от Севильи до Самарканда столь же быстро, как это было в XIV

в. Столь могучей была объединяющая сила Ислама и его универсального посредника— арабского языка!

No. 41 (лл. 138b-140b) повествует о реконструкции и новом перераспределении пожертвований больницы в Шйразе, которая первоначально была основана Атабеками Фарса веком ранее, однако на некоторое время пришла в упадок. Теперь же Рашйд назначил нового врача, Махмуда ибн Илйаса¹²⁰, который привлек его благосклонное внимание благодаря медицинскому трактату, озаглавленному *Лата 'иф-и Рашидиййа*, созданному в его честь. Я не уверен, что эта книга сохранилась до наших дней, однако Фонан¹²¹ (Fonahn) упоминает о другой, под названием *Тухфат ал-Хукама* («Дар врачей»), принадлежащей перу того же автора, который создал рукопись в библиотеке *Нур-и 'Усманиййа* в Константинополе. Этому врачу назначается, таким образом, годовое жалование и преподносятся щедрые подарки, выплачиваемые с местных доходов, а он контролирует больницу и все ее пожертвования.

No. 42 (лл. 141a-142b) полностью посвящен рассказу о больнице в Хамадане (родном городе Рашйда), которая также пришла в неудовлетворительное состояние вследствие неверного распределения пожертвований. Новый врач, Ибн Махдй, назначается для руководства больницей и ее реорганизации с учетом благосостояния пациентов, а также необходимости снабжения их необходимыми лекарствами и медикаментами, среди которых особого упоминания заслужили несколько довольно сложно добываемых препаратов, такие как *Terra sigillata* (*тйн-и махтум*), бальзаминовое масло (*рауган-и балсан*), *Folia Indica*, или *Malabathrum* (*сазадж-и хинди*), и *Theban electuary* (*тирйак-и фарук*). Предложены также меры для надлежащего распоряжения счетами, и врачу после внимательного выполнения им всех этих мер, а также назначения управляющего, ассистента, повара и других работников было

¹²⁰ См. No. 19 выше.

¹²¹ *Zur Quellenkunde d. Pers. Medizin*, p. 124.

предложено вернуться в Табрйз, где его ожидали дополнительные милости. Это письмо является одним из немногих датированных: оно было написано из Цезареи (Кайсарийи) в 690/1291 г.

No. 47 (лл. 151a-156b) представляет собой письмо, написанное Рашйду из Индии Малик 'Ала ад-Дйном, в восхищении его гуманизмом и служением человечеству, и содержит большой перечень подарков, передаваемых ему из порта Басры. Эти подарки разделены на 12 категорий, а именно: 1) наряды и одежды; 2) драгоценные камни; 3) благовония; 4) редкие животные; 5) варенья; 6) лекарства и лекарственные травы; 7) лосьон для выведения веснушек (выделен в отдельную группу); 8) обивочные материалы; 9) ароматические масла; 10) посуда и фарфор; 11) специи и сухофрукты; 12) редкие породы деревьев и слоновая кость. Перечень лекарств самый длинный и содержит 22 пункта, включая корицу, мускатный орех, гвоздику, кардамон, кубебу, кассию, дымянку и бетельный орех.

No. 51 (лл. 171b-175b). Письмо от Рашйда его сыну Са'д ад-Дйну, правителю Киннасрйна и 'Авасима в Малой Азии, описывающее собрание ученых, привлеченных в Табрйз его щедростью и роскошью предместья Раб'-и Рашйдй, в которое он вложил столько старания и денег. В предместье насчитывалось 24 караван-сарая, 1500 мастерских и 30 000 красивых домов, помимо садов, бань, лавок, мельниц, ткацких и красильных производств, бумажных фабрик и монетного двора. Обитатели этого города тщательно отбирались из различных городов и стран. Там было 200 профессиональных чтецов Корана с установленной заработной платой, назначенной за ежедневное чтение Священного Писания в помещении, предназначенном для этой цели и обучения 40 отобранных помощников. Там имелась улица Ученых (*Куча-и улама*), на которой проживали 400 богословов, юристов и знатоков *хадисов* с достойными зарплатами и содержанием, а в соседних студенческих кварталах жили 1000 жаждущих знаний учеников из разных стран мусульманского мира, чье

обучение было субсидировано и велось в зависимости от их способностей. Сюда были привлечены 50 умелых врачей из Индии, Китая, Египта, Сирии и других стран, каждому из них было придано по 10 увлеченных учеников с определенными обязанностями в больнице, к которой были также прикреплены хирурги, окулисты и костоправы, под руководством каждого из них находилось 5 учеников. Все они населяли улицу Лекарей (*Куча-и му'алиджан*), располагавшуюся позади больницы, близ парков и садов Рашйдабада.

Итак, я завершил то, что собирался рассказать относительно истории и литературы по так называемой арабской медицине в жестких рамках отведенного мне времени, и теперь намереваюсь сказать несколько слов собственно об этой системе, особо ссылаясь на *Камил ас-Сина'ат* или *Liber Regius* ал-Маджусй, *Канун* Авиценны и особенно персидскую «Сокровищницу Х^варазм шаха», которая доступна нам лишь в рукописном виде. Все эти три работы представляют собой методические трактаты, рассматривающие науку целиком и искусство медицины в том виде, в каком его понимали в средневековом мусульманском мире. *Liber Regius* является наиболее простым из них в плане архитектоники, состоит из 2 томов, каждый из которых, в свою очередь, включает в себя 10 размышлений (*макала*), первые 10 посвящены теории, а вторые 10 — практике медицины. Его перевод на латынь, изданный в Лионе в 1523 г., является наилучшим и наиболее адекватным из тех переводов, которые мне встречались. Два других трактата страдают от характерного для восточной литературы недостатка — чрезмерного и слишком скрупулезного членения на главы. Если не принимать этого во внимание, то содержание 10 книг (т. е. 9 книг и приложения), составляющих «Сокровищницу», предстает вкратце нижеследующим.

Книга I состоит из 6 размышлений и 77 глав, в ней рассматриваются вопросы определения, пределов и пользы медицины; вопросы о природе, элементах, характере,

темпераменте и нраве; анатомии, ее общих и специальных вопросах; а также о трех функциях, или силах, тела — природной, животной и физической.

Книга II состоит из 9 размышлений и 151 главы, повествует о здоровье и болезнях (рассматриваются вопросы общей патологии, классификации и терминологии); признаках и симптомах (в особенности о пульсе и выделениях), этиологии, эмбриологии, акушерстве, а также росте ребенка и заботе о нем, эмоциях, о Жизни и Смерти.

Книга III состоит из 14 размышлений и 204 глав и обращается к вопросам гигиены, включая воздействие климата, времен года, воздуха, воды, еды и различных напитков, в особенности вина; рассматриваются сон, пробуждение, движение и покой; одежда и парфюмерия; кровопускания, слабительные и рвотные средства; дискразия; психические состояния и их воздействие на тело; состояния, предшествующие болезни; забота о здоровье детей, пожилых и путешественников.

Книга IV состоит из 4 размышлений и 25 глав и повествует о важности и принципах диагностики, а также об обострениях и прогнозировании.

Книга V состоит из 6 размышлений и 80 глав и касается разновидностей, этиологии, симптомов и методов лечения лихорадки. Первые 4 размышления посвящены в основном малярийным лихорадкам, 5-е — оспе и кори, а 6-е — рецидивам болезни, профилактике, лечебным диетам и лечению выздоравливающих.

Книга VI состоит из 21 размышления и 434 глав и повествует о местных болезнях *a capite ad calcem* («с головы до пят»), включая психические заболевания, эпилепсию, апоплексические удары, паралич, столбняк, водянку, гинекологические заболевания, акушерские проблемы, подагру, ревматизм, ишиас и слоновую болезнь.

Книга VII состоит из 7 размышлений и 55 глав и касается общих патологий, которые могут затронуть любой орган, в том числе опухолей, абсцессов, злокачественных

новообразований, ран, переломов и вывихов. Одно из размышлений, состоящее из 12 глав, посвящено правильному проведению прижигания.

Книга VIII состоит из 3 размышлений и 37 глав и обращается к вопросам личной гигиены, а также рассматривает вопросы, связанные с уходом за волосами, ногтями и кожными покровами.

Книга IX состоит из 5 размышлений и 44 глав, посвящена ядам животного, растительного или минерального происхождения, а также вопросам лечения при укусах различных животных, змей, ядовитых рептилий и насекомых.

Таким образом, мы имеем обширнейший труд, состоящий из 9 книг, 75 бесед и 1107 глав, изначально оканчивавшийся надписью: «На этом завершается книга о ядах, с концом которой завершается и весь труд, озаглавленный *Сокровищница Харазм шаха*, с дозволения Господа и Его помощью», однако за этим следуют еще 3 заключительных раздела с извинениями, первый — за задержку в завершении книги, второй — за те неточности и ошибки, которые в ней имеются, а третий — за всех тех врачей, которые сами пали жертвами болезней, которые они лечили¹²².

Впоследствии автор добавил заключение, или 10 книгу, освещающую вопросы фармакологии и разделенную на 3 части, первая из которых касается продуктов животного происхождения, вторая — простых растительных лекарственных препаратов, а третья — сложных составных медикаментов.

Здесь мы можем сделать паузу и рассмотреть два вопроса, которые я постоянно держал в голове на всем протяжении подготовки этих лекций. Первый вопрос следующий: в какой степени более детальное изучение мусульманской медицины будет оправдывать усилия, затраченные на это? Вторым вопросом, подразумевающим необходимость более детального изучения, состоит в том, каким образом это изучение следует

¹²² Ср. Арабские стихотворные произведения на с. 8 и 9 выше, а также сноску на с. 59.

продолжать в будущем и какие разделы данной проблематики заслуживают особого внимания.

С предельно утилитарной и ненаучной точки зрения, вряд ли даже наиболее основательное исследование данного предмета принесет сколь-либо значимый практический результат, принимая во внимание то предположение, что вся система мусульманской медицины основывается на рудиментарных представлениях об анатомии, устаревших взглядах на физиологию и причудливых суждениях о патологии. Вероятно, можно по крупицам собрать достаточно полезные сведения из мусульманской фармакологии, а также из правил питания и гигиены, однако я боюсь, что за исключением этого, мы должны признать, что вряд ли можем надеяться на извлечение большой выгоды. Тем не менее лишь очень немногие образованные люди, и, конечно же, никто из досточтимой аудитории, к которой я имею честь обращаться, не воспримет эту узкую, сугубо утилитарную точку зрения, которая отрицается самим существованием Фитцпатриковских лекций. Нам всем следует с готовностью согласиться с тем, что «эмбриология науки», эволюция нашего нынешнего мировоззрения является подходящим, если не сказать достойным, объектом изучения; однако все еще остается нерешенным вопрос о том, сделали ли арабы что-либо большее, чем просто сохранили и передали знания древних греков, и много ли нового они привнесли в те научные представления, основными хранителями которых они являлись на протяжении почти 8 веков. К сожалению, на данный вопрос нелегко ответить, требуется большая кропотливая работа, и только потом мы сможем дать определенный ответ. Кроме того, для подобных исследований требуется определенное сочетание знаний, не так часто встречающихся у одного человека, а именно научные знания греческого, латинского, сирийского, арабского и персидского языков, а также, по возможности, санскрита; познания, или, по крайней мере, интерес в области медицины; огромное количество свободного времени; ненасытность и жажда

чтения; колоссальный энтузиазм и трудолюбие. Также следует раз и навсегда понять, что никакого должного представления о мусульманской медицине невозможно извлечь лишь из весьма несовершенных переводов образцовых арабских трудов на латынь. В прошлой лекции я уже приводил один пример неразборчивого транскрибирования арабских слов (очевидно, недопонятых переводчиком) на латынь, а сейчас приведу другой. В латинском переводе *Кануна* Авиценны, изданном в Венеции в 1544 г., на листе 198а в части, посвященной заболеваниям головы и мозга, вы обнаружите раздел, озаглавленный *Sermo universalis de Karabito qui est apostema capitis sirsem*. Если вы обратитесь к соответствующему абзацу в арабском тексте (с. 302), изданном в Риме в 1593 г., то обнаружите, что здесь эта таинственная болезнь обозначена как *каранийтус* (قرانيطس). Однако ее истинное название, приведенное в великолепном старом списке, который я недавно получил, звучит как *фарранйтис* (فرانيطس), что означает φρενίτις, т. е. бешенство. К подобной неразберихе привело неправильное расставление точек и диакритических знаков в арабских буквах, и при встрече с подобными незнакомыми греческими словами, если слово было неразборчиво написано, одна форма казалась понятной, а другая нет, арабский переписчик не мог ничем руководствоваться. Следовательно, люди, изучающие арабскую медицинскую литературу, должны начинать с исправления и редактирования заново даже изданных текстов и только затем приступать к их чтению и переводу; а многочисленные важные работы, которые существуют только лишь в рукописном виде, конечно же добавят ему дополнительные сложности, поскольку даже для работы с тем, что дошло до нас от *Хавй* («Всеобъемлющая книга») Разй — наиболее важного и одновременно самого объемного труда по медицине на арабском языке, ему придется посетить не только Британский музей и Бодлеанскую библиотеку, но и собрания в Мюнхене и Эскориале, и даже в этом случае он не охватит и половины этого знаменитого труда. Нет особой

надежды и на то, что критические издания этих книг появятся, до тех пор пока египетские студенты-медики или молодые исследователи из Индии, обладающие жаждой познания и желанием оказать услугу и прославить мусульманскую науку, не будут поощряться материально и морально за то, что взяли на себя этот тяжкий, малоодоходный, но крайне необходимый труд. В качестве примера того, что могут сделать подобные люди, я хочу отметить замечательный «Каталог арабских медицинских работ публичной востоковедческой библиотеки в Банкипуре» (*Catalogue of the Arabic Medical Works in the Oriental Public Library at Bankipore*) (Калькутта, 1910), созданный Мавлавй 'Азйм ад-Дйном 'Ахмадом — великолепный образец научной работы, выполненный по предложению и под руководством сэра Е. Дэнисона Росса (Sir E. Denison Ross), в то время занимавшего пост директора Мусульманского медресе в Калькутте, а позже возглавившего Лондонскую школу востоковедения.

Есть трудности с определением новых, т. е. не имеющих греческого происхождения, элементов, которые можно выявить в ходе более детального и внимательного изучения мусульманской медицины. Практически не вызывает сомнения тот факт, что 7 книг «Анатомии» Галена, утраченные в оригинале, однако сохранившиеся в арабском переводе и опубликованные с немецким переводом д-ром Максом Саймоном в 1906 г., не являются единственными древними работами по медицине, содержание если не форму которых можно восстановить подобным образом. И в дальнейшем мы должны помнить о том, что арабские переводчики, выполнявшие свою работу более 1200 лет назад, находились в тесном контакте с живой традицией, ведущей свое происхождение от Багдада к Джундй-Шапуру, затем к Эдессе и Антиохии, а оттуда к Александрии. Эта традиция могла способствовать разъяснению многих непонятных моментов в греческих текстах, все еще сохраняющихся для нас.

И наконец, клинические наблюдения (особенно содержащиеся в работах Разй) имеют значительную ценность сами по себе, и их изучение будет несомненно вознаграждено. Учитывая все вышесказанное, даже понимая то, что мы оцениваем самобытность мусульманской медицины на достаточно низком уровне, я осмелюсь предположить, что она заслуживает более тщательного и систематического изучения.

Рассматривая средневековую науку как единое целое, мы не можем не столкнуться с двумя специфическими чертами, которые она демонстрирует: общностью и взаимозависимостью всех ее отраслей, а также преобладанием определенных чисел в ее основных положениях. Общий объем знаний тогда не был столь велик, чтобы постижение всей его полноты представляло неразрешимую трудность для одного человека, и поэтому мы крайне редко встречаем средневекового врача, согласившегося ограничить свое внимание исключительно медицинской наукой или не желающего включить в круг своих исследований астрономию или астрологию, музыку или математику, а порой даже этику, метафизику и политику. В Коране сказано: «Мы покажем им Наши знамения по странам и в них самих» (41:53), и это вдохновляло многих мистически настроенных мусульман на поиски соответствий не только между звездами, растениями, телами и пр., но и между материальным и духовным мирами. Удивительная секта *исма'йлитов*, или посвященных (*батиниййа*), из числа которых позже вышли печально известные *ассассины*, призывала своих проповедников пробуждать любопытство потенциальных неофитов следующими вопросами: «Почему у человека 7 шейных и 12 спинных позвонков?», «Почему в каждом пальце имеется 3 сустава, а у большого только 2?» и т. п.; и они придавали огромное значение, например, тому факту, что число суставов на обеих руках соответствует числу коренных зубов, количеству дней в лунном месяце и числу букв в арабском алфавите. Таким образом, можно заметить, что в их

космогонических представлениях огромную роль играют числа 4, 7 и 12. Так, мы имеем 4 природных качества — жару, холод, сухость и влажность; 4 первоэлемента; 4 времени года; 4 темперамента; 4 ветра и т. д. Также 7 планет, 7 климатов, 7 дней недели, 7 морей; 12 знаков Зодиака, 12 месяцев в году и т. п.

В соответствии с представлениями древнейших арабских врачей, именно 4 природных качества в большей степени, чем то, что обычно именуются 4 элементами, являются первоначальными субстанциями. Об этом четко говорит 'Али ибн Раббан ат-Табарй в 3 главе своего сочинения «Рай мудрости»:

«Простых природ, именуемых изначальными, четыре, две из них активные, а именно тепло и холод, и две пассивные, а именно влага и сухость. И сложных природ также четыре, а тот факт, что они именуются сложными, указывает на то, что простые предшествуют им, ибо сложное возникает из простого. Из этих сложных природ первая суть огонь, который горячий, сухой, легкий и центробежный в своем движении; вторая — воздух, который горячий, влажный и легкий, движущийся или дующий в любом направлении; третья — вода, которая холодная, влажная, тяжелая и центростремительная в своем движении; и четвертая — земля, которая холодная, сухая и тяжелая, всегда движется книзу... Все земные материи подчинены огню, он воздействует на них и изменяет их. А природных качеств четыре, ибо действующая сила проявляется только через объект, на который воздействует. Два активных природных качества суть тепло и холод, из которых каждый имеет свой собственный надлежащий объект, откуда возникают эти четыре».

«Эти природы, — продолжает автор в следующей главе, — являются враждебными и антагонистическими, и это наиболее яростно проявляется, когда это противоборство возникает одновременно с двух краев или сторон; как, например, в случае огня, который противостоит

одновременно своими жарой и сухостью холоду и влажности воды или воздуха; или воздух, который противостоит своим жарой и влажностью одновременно холоду и сухости земли. Однако если антагонизм имеется только с одной стороны, он проявляется в меньшей мере, как, например, в случае с воздухом, который противоположен воде в своей жаре, однако сходится с ней в влажности. По этой причине Господь сделал воздух преградой между водой и огнем, а воду — преградой между землей и воздухом».

Затем следует диаграмма, которую можно расширить материалами из «Книги указаний» (*Kutab at-Tanbih, Livre d'Avertissement*)¹²³ великого историка и географа Мас'удй, который творил в середине X в. н. э. В этой диаграмме тепло, противостоящее холоду, и сухость, противостоящая влажности, образуют 4 главные точки. Результатом сложения тепла и сухости в различных плоскостях или порядках явлений предстают: огонь в 4 элементах, лето в 4 временах года, юг в 4 сторонах, юность в 4 возрастах человека, желчная вспыльчивость в 4 темпераментах. Таким же образом сложив сухость и холод, мы получаем землю, осень, запад, зрелость и «черный» гнев; сложив холод и влажность — воду, зиму, север, старость и хладнокровие; тепло и влажность — воздух, весну, восток, детство и кровь. Вселенная или макрокосм, согласно этой концепции, состоит из Земли, или земной сферы, окруженной 12 концентрическими огибающими сферами, а именно водной, воздушной и огненной сферами, 7 планетарными сферами, которые начинаются со сферы Луны, а завершаются сферой Сатурна, зодиакальной сферой или сферой неподвижных звезд, и, наконец, снаружи всех них *фалак ал-афлак* («небеса небес»), или *фалак ал-атлас* («простое», или беззвездное, «небо»), Эмпирия Птолемея, после которой, согласно общепринятому мнению, находится *ал-Хала* («вакуум») или *ла хала ва ла мала*. Предполагается,

¹²³ Арабский текст, изданный в Лейдене в 1894 г., вошел в 8 том поздней работы профессора де Гоздже (de Goeje) *Bibliotheca Geographorum Arabicorum*. Французский перевод, выполненный Карра де Во (Carra de Vaux), был выпущен в Париже в 1896 г. под названием *Le Livre de l'Avertissement et de la Revision*.

что возникновение земного сущего произошло посредством взаимодействия 7 планет, или «Семи небесных предков», и 4 элементов, или «Четырех земных матерей», в результате чего появилось «Трехчастное потомство», или царства минералов, растений и животных. Первое зародилось между земной и Водной сферами, второе — между водной и воздушной, третье — между воздушной и огненной. Процесс эволюции от минералов до растений, от растений до животных и от животных до человека распознается со всей очевидностью и подробно обсуждается Диетерици (Dieterici) в книге 9 его описания арабской философии, в том виде, в котором она преподавалась энциклопедистами Багдада в IX-X вв. н. э. Книга называется *Der Darwinismus im zehnten und neunzehnten Jahrhundert* («Дарвинизм в X и XI веках»)¹²⁴ В персидском труде XII в. «Четыре беседы», на который я уже имел случай сослаться, предпринимаются даже попытки установить «недостающие связи»: коралл рассматривается как промежуточное звено между царствами минералов и растений; виноградная лоза, которая стремится избежать неминуемого включения в отряд вьющихся растений, именуемых 'агуака, — в качестве промежуточного звена между царствами растений и животных; *наснас*, некий род человекообразной обезьяны, или дикого человека, — как промежуточное звено между человеком и животными.

Общие принципы, составляющие основание арабской медицины, суть следствие из этих концепций, и первые главы всякого значительного систематического труда по тому или иному предмету по большей части связаны с рассмотрением учения о «темпераментах» или «характерах» (*мизадж*, мн. ч. *амзиджа*), природных свойствах (*табаи'*) и желчи (*салат*). *Мизадж*, слово, которое до сих пор является наиболее общим обозначением здоровья в арабском, персидском и турецком языках, происходит от корня со значением «смешивать» и указывает на состояние равновесия между 4 природными

¹²⁴ Leipzig, 1878.

элементами или 4 видами желчи; когда равновесие это расстраивается преобладанием одного из природных элементов или одного из видов желчи, возникает нарушение, называемое *инхираф ал-мизадж*, или «нарушение состояния равновесия между темпераментами». Впрочем, даже обыкновенный «здоровый» *мизадж* не является на деле неизменной величиной, всякая область, время года, возраст являются отдельными и неповторимыми, обладая своим собственным и соответствующим видом. Различаются 9 видов характера, а именно уравновешенный (*му'тадил*), какового по сути не существует, 4 простых характера — тепло, холод, сухость и влага; 4 сложных, а именно — тепло и сухость, тепло и влага, холод и сухость, холод и влага. За исключением редких случаев совершенного равновесия между темпераментами, всякая отдельная вещь будет либо иметь раздражительный характер, который составляет смешение тепла и сухости, печальный или меланхолический, который является результатом смешения холода и сухости; либо флегматичный, который есть смешение холода и влаги; и, наконец, сангвинический, который является смешением тепла и влаги. При лечении заболеваний, связанных с преобладанием тепла, холода, влаги и сухости посредством питания или каких-либо лекарств, обладающих противоположными качествами, необходимо учитывать перечисленные выше особенности темпераментов. Природное свойство, присущее всякому продукту или лекарству, существует в одной из 4 категорий. Например, субстанция, которая обладает теплом в первой категории, является продуктом питания; если она обладает теплом второй категории, одновременно будет и продуктом питания, и лечебным средством; если субстанция обладает теплом третьей категории, она является лечебным средством, а не продуктом питания; если же она обладает теплом четвертой категории, то является ядом. Другое деление субстанций (на четыре), которое оказывает воздействие на человеческое тело, суть деление на такие субстанции, которые оказывают

целебное воздействие как при наружном применении, так и при внутреннем, подобно пшенице, которая в желудке является пищей, а при наружном применении является припаркой, затягивающей раны или рубцы; субстанции, которые являются полезными при внутреннем применении, но приносят вред, если используются наружно, подобно чесноку, каковой, будучи употреблен в пищу, увеличивает естественное тепло, однако при использовании наружно является ядом; субстанции, которые являются ядами при внутреннем применении, но служат противоядием, будучи употреблены наружно, подобно окиси свинца (*мурдасанг*), ацетату меди (*зангар*); субстанции, которые равным образом и при внутреннем, и при наружном применении действуют как яды, подобно, например, акониту (*бйш*) и спорынье (*курун-и сунбул*).

Третья беседа (*гуфтар*) первой книги «Сокровищницы» посвящена обсуждению 4 видов жидкостей. Она состоит из 6 глав, в 4 из которых последовательно рассматривается каждый вид жидкости, в одной главе (первой) дается описание природы жидкости, в другой (последней) — рассматриваются появление ее в организме и различия между разного рода видами жидкости. Первая глава настолько сжата, что ее можно привести здесь полностью. «Жидкость есть текучая субстанция, обращающаяся в теле человеческом, естественным образом находящаяся в венах и полостях органов, таких как желудок, печень, селезенка, желчный пузырь; вырабатывается она из пищи. Некоторые виды жидкости являются полезными, другие — вредными. К полезным относятся виды жидкости, которые питают человека и замещают израсходованные жидкости. Вредные виды жидкости — те, которые являются бесполезными для своих целей, и это те жидкости, от которых организм человека необходимо избавить посредством лекарств. Существует 4 вида жидкости: кровь, флегма, желтая желчь и черная желчь». Согласно трактату ал-Маджусй *Liber Regius*, они являются ближайшими, либо вторичными, и особыми элементами

(устукуссат) тел всех теплокровных животных, в противоположность удаленным, либо первичным, и общим элементам — земле, воздуху, огню и воде, с которыми каждый из них в отдельности соотносится, как было уже объяснено ранее.

Если говорить кратко, теория образования и распределения жидкостей выглядит следующим образом. В желудке пища проходит «первую стадию усвоения» таким образом, что наиболее питательная часть ее перерабатывается в млечный сок, который арабы называют *кайлус*, однако кроме непитательного остатка, который отторгается желудком, часть пищи перерабатывается во флегму, которая отличается от прочих 3 жидкостей тем, что не имеет особого местоположения в организме, противно тому, как кровь, например, находится в печени, желтая желчь — в желчном пузыре, а черная желчь — в селезенке. Млечный сок через воротную вену, которая вбирает в себя вены желудка и мезентерия, попадает в печень, где происходит «второе усвоение», или варка, в результате чего жидкость разделяется на 3 части, пену или пенистую жидкость, которая является желтой желчью; осадок, который является черной желчью; и кровь, которая содержит лучшие ее составляющие. Кровь через верхнюю полую вену попадает в сердце, оставляя наиболее водянистую свою часть почкам для выделения, а затем через артерии распределяется к различным органам, где происходит четвертое, последнее, усвоение (третье имеет место в кровеносных сосудах). В обыкновенном теле жидкости пребывают в смешении, за тем лишь исключением, что запасы желтой желчи находятся в желчном пузыре, а черной желчи — в селезенке; однако на выделение или удаление какого-либо из видов жидкости возможно повлиять соответствующими терапевтическими средствами или лекарствами, и наоборот.

Каждая жидкость может быть естественной и нормальной либо неестественной и отклоняющейся от нормы. Нормальная кровь бывает двух видов, одна — это темная

красная и густая кровь, которая находится в печени и венах; другая — более жидкая, более теплая и более текучая, а также более светлая красная, которая находится в сердце и артериях. Кровь может отклониться от нормы просто по причине избытка холода или тепла либо из-за добавочного смешения с избыточным количеством желчного, меланхолического или флегматического вещества. В отношении флегмы выделяют 4 аномальных качества — водянистость, слизистость, стекловидность, повышенное содержание кальция; то же самое справедливо и в отношении желтой желчи.

Далее, подобно *Кануну* и «Сокровищнице», книга имеет разделы, где речь идет об общей и специальной анатомии. Содержание этих разделов доступно обыкновенному читателю в замечательном труде П. Кённинга *Trois traits d'Anatomie Arabes*. Благодаря ему и Максу Саймону этот раздел арабской медицины освещен значительно более полно, нежели какой-либо другой, и я поэтому могу перейти к разделам, в которых рассказывается о естественных функциях, силах или способностях. Эти разделы завершают то, что можно назвать общей физиологией арабских врачей. Эти функции, или силы, в основном делятся на 3 класса: естественные, общие для животного и растительного царств; животные, свойственные царству животных; духовные, некоторые из них являются общими для человека и высших животных, а другие свойственны лишь человеку. К естественным силам относятся сила питания и размножения, первая из которых состоит из «силы притягивания», «силы удерживания», «силы пищеварения» и «силы отторжения». Животные силы, или функции, являются активными, связанными с феноменом дыхания и движения, и пассивными, связанными с простыми чувствами — страхом, злостью, недовольством и им подобными, эти силы — общие для человека и животных. Душевные силы, или функции, включают в себя силы движения и чувственного восприятия и разделяются всеми животными, а более высокие умственные способности, такие как разум, память, воображение и им

подобные, свойственны только человеку. Пяти внешним чувствам — вкусу, осязанию, слуху, обонянию и зрению — соответствуют пять внутренних чувств, первые два из которых (иначе — *sensus communis*), а также воображение располагаются в переднем желудочке мозга; третье и четвертое, способность к координации действий и душевная сила, находятся в середине мозга; а пятое — память — в заднем мозге.¹²⁵ Здесь существует некоторая путаница в терминологии, принятой врачами и философами. Этому вопросу Авиценна уделяет особое внимание, настаивая на терминологии, принятой среди врачей, кому, собственно, и адресован его «Каноне».

Здесь я должен обратить ваше внимание на один замечательный отрывок¹²⁶ из *Китаб ал-Маликй (Liber Regius)* 'Али ибн ал-'Аббаса ал-Маджусй, умершего в 982 г. — приблизительно в те годы, когда Авиценна появился на свет. Этот отрывок, который находится в главе, описывающей животные силы и жизненные функции, связан по преимуществу с описанием двух противоположных движений — расширением (*инбисат*) и сужением (*инкибад*), каковые в сердце и артериях образуют диастолу и систолу, а в дыхательных органах, соответственно, вдыхание и выдыхание. Эти движения сравниваются с движениями кузнечных мехов, за тем лишь исключением, что производятся последние посредством внешней, а не внутренней силы. Автор, разумеется, предполагает, что сердце качает воздух из легких, дабы затем смешать его с кровью ради получения жизненного духа, подобно тому, как легкие всасывают его снаружи, и что «испарившиеся избытки» (*ал-фудул ал-духаниййа*) или лишившийся силы воздух выталкивается наружу при обратном процессе. Подводя итоги своим рассуждениям о дыхании, автор добавляет следующее:

«И ты должен знать, что во время диастолы те из этих пульсирующих сосудов (т. е. артерий), которые находятся

¹²⁵ См. мою *Year amongst the Persians*, pp. 144-145.

¹²⁶ Vol. I, pp. 138-139 Cairo edition.

близко к сердцу, втягивают воздух и возгоняют, посредством образовавшейся пустоты, кровь из сердца, ибо во время систолы они свободны от крови и воздуха, однако во время диастолы кровь и воздух возвращаются и заполняют их. Те из них, что находятся близко к коже, втягивают воздух из окружающей атмосферы, в то время как те из них, что находятся посередине между сердцем и кожей, имеют свойство вытягивать из неппульсирующих сосудов (т. е. вен) тончайший и самый нежный из видов крови. Вот почему в неппульсирующих сосудах (т. е. венах) существуют поры, сообщающиеся с пульсирующими сосудами (т. е. артериями). Доказательством является тот факт, что при повреждении артерии вытекает вся кровь, в том числе находящаяся в венах».

Здесь, насколько я могу судить, мы, очевидно, имеем дело с простейшей концепцией устройства системы капилляров.

Трем категориям способностей, или сил, соответствуют три духа — природный, животный и духовный. Первый образуется в печени и оттуда перемещается по венам к сердцу; второй вырабатывается в сердце и переносится по сонной артерии к мозгу, а третий образуется в мозге и оттуда переносится по нервам ко всем частям тела. Они (эти три духа) и их соотношение между собой, а равным образом и с бессмертным Духом, или Разумом, существование которого обыкновенно не подвергается сомнению, лишь кратко обсуждаются Авиценной и другими авторами трактатов по медицине, которых я главным образом и цитирую. Наиболее детальное рассмотрение этого вопроса, который принадлежит не только медицине, но в равной степени и философии, и психологии, я обнаружил в очень редкой арабской книге о происхождении и развитии человека, принадлежащей перу Абу-л-Хасана Са'йда ибн Хибат Аллаха, придворного лекаря халифа ал-Муктадй, который жил и творил во второй половине XI в.¹²⁷ Этот труд под названием *Макала фй халки*

¹²⁷ Жизнеописание его приводится в *Classes of Physicians* (vol. i, pp. 254-245 Cairo edition) Ибн Абй Усаби'а.

ал-инсан («Замечание о сотворении человека») детально рассматривает процессы размножения, вынашивания плода, рождения, роста и старения, однако последние 10 из 15 глав, на которые разделена эта книга, посвящены обсуждению вопросов психологии, включая доводы в пользу существования разума после смерти и аргументы против метемпсихоза (учение о переселении душ). Жизнь тела, согласно этому автору, пребывает в зависимости от животного духа и заканчивается с отделением его от тела «через каналы, посредством которых воздух достигает сердца», иными словами, через рот и ноздри. Это представление находит свое отражение в распространенной арабской фразе *мат хафт анфихи*, «Он умер смертью носа», т. е. естественной смертью, когда животный дух покинул тело через нос, а не через рану. Также мы можем привести здесь и распространенное персидское выражение *джан бар лаб амада*, означающее состояние человека, дух которого достиг губ и находится на грани, прежде чем оставить тело.

Отпущенные мне часы истекают, и я вынужден подвести итог этому весьма краткому обзору арабской медицины, которую я имел честь и удовольствие представить вашему вниманию. Тешу себя надеждой на то, что вы сможете обнаружить в нем если и не множество полезных советов, то, по крайней мере, хоть сколько-нибудь развлекательное чтение. С большим опасением и некоторой неохотой я взялся за выполнение этого исследования по настоянию моего учителя и друга, Сэра Норманна Мура, Президента этого колледжа, чьему вдохновению я столь обязан еще со студенческих лет, проведенных в больнице Св. Варфоломея. Я был вполне вознагражден самой этой задачей, и не будет моей виной, если она будет отложена, ибо непосредственная цель моя достигнута. В деле изучения этой области арабистики остается еще сделать более, нежели в какой-либо иной сфере, представляющей не меньшую значимость, и много еще потребуются трудов первопроходцев, прежде чем мы сможем прийти к окончательным выводам, столь важным

для истории научной мысли ушедших эпох. Кроме того, за то время, пока я мысленно общался с древними арабскими и персидскими врачевателями, у меня возникло осознание единства разума человеческого, несмотря на расовые, пространственные и временные ограничения, а равно и осознание благородства врачебной профессии.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства

Предисловие

Лекция 1. Значение термина «арабская медицина» —
Периодизация арабской и мусульманской истории —
Передача греческой науки — Вклад сирийцев и персов
— Латинское варварство — Пригодность арабского
языка для научных целей

Лекция 2. Развитие научной терминологии в арабском языке
— Практиковали ли арабы вскрытие — Четыре ранних
персидских автора в области медицины: 1) 'Али ибн
Раббан; 2) Абу Бакр Мухаммад ибн Закарийя ар-Разй;
3) 'Али ибн ал-'Аббас ал-Маджусй; 4) Абу 'Али Хусайн
ибн Сйна (Авиценна)

Лекция 3. Краткое резюме — Арабская народная медицина
— Переводчики с арабского на латынь — Врачебная
практика в эпоху Крестовых походов — Занимательные
истории об исцелении в арабской и персидской
литературе — Психотерапия — Любовь и меланхолия
— Медицинские работы на персидском языке —
Привнесение европейской медицины в мусульманский
мир

Лекция 4. Вклад испанских мавров — Школа в Толедо —
Персидская медицинская литература XII-XIV вв. —
Библиографические труды XIII в. — Мусульманские
больницы — Письма «Рашйда-врача» —
Основные положения мусульманской
космогонии, физики и физиологии —
Заключение

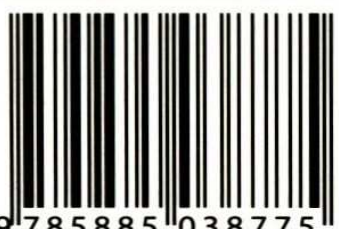
Указатель

**Фитцпатриковские лекции,
прочитанные в Королевском
медицинском колледже
в 1919–1920 гг.**

Мусульманская медицина внесла большой вклад в развитие мировой медицинской науки. Многие из древних знаний используются в настоящее время, некоторые из них представляют исторический интерес. Мусульмане не только сохранили греческое медицинское наследие, но и обогатили его сведениями о медицинских системах Индии, Египта и других стран.

Автор книги, Эдвард Г. Браун, представляет результаты своей многолетней исследовательской работы. Приведенные в книге медицинские и исторические сведения будут интересны специалистам, медикам, историкам, религиоведам, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-88503-877-5

9 785885 038775

www.islam.dilya.ru